

Тим О`Брайен
На Лесном озере

Посвящается Кейт

*Автор благодарит Кейт
Филлипс,
Джона Стерлинга, Ларри
Купера, Майкла Кертиса,
Леса Рамиреса, Кэрол Анхальт
и мою любящую семью.
Сэм Лоуренс, умерший в январе
1994 года,
более двух десятилетий был
моим издателем,
заступником и другом.
Я навсегда сохраню светлую
память
о его вере в меня.*

Хотя эта книга содержит подлинный материал из мира, в котором мы живем, включая сведения о реальных местах, лицах и делах, ее следует читать как художественную, а не документальную прозу. Все диалоги вымышлены. Некоторые печально известные и весьма реальные события даны в измененном виде или вообразены заново. Джон и Кэти Уэйды – фигуры целиком вымышленные, как и все персонажи романа из числа жителей штата Миннесота и поселка Энгл-Инлет.

Как несчастливы они были

В сентябре, после первичных выборов, они сняли старый желтый коттедж на берегу Лесного озера. Там было много деревьев, большей частью сосна и береза, да еще причал с лодочным сараем, и через лес шла узкая грунтовая дорога, которая поблизости от коттеджа упиралась в отполированные водой серые прибрежные камни. Дальше никаких дорог не было. Ни единого поселка, ни одной живой души. Причал – а за ним на север, в сторону Канады, протянулось большое озеро, там вода была началом и концом всего, бесконечная и очень холодная, с потайными проливами, отмелями, бухтами, безымянными островами и дремучими лесами по берегам. Там повсюду, на множестве квадратных миль, дикая ширь составляла одно целое, подобно гигантскому изогнутому зеркалу, ослепительно голубому и прекрасному, всегда неизменному. Этого-то они и хотели. Им нужно было одиночество. Нужна была эта многократность, густой дурманящий шорох леса и плеск воды, но главное – им нужно было чувствовать, что они вместе.

Поздно вечером они расстилали на веранде одеяло и лежа смотрели, как над озером в их сторону движется туман. К полной близости они пока не были готовы. Раз попробовали, но ничего хорошего не вышло, так что потом они всегда только лежали обнявшись и тихо разговаривали о том, как народят детей и будут жить в собственном доме. Они делали вид, что не так все плохо. Выборы были проиграны, но они пытались убедить себя, вопреки очевидности, что это не было бесповоротное, сокрушительное поражение. Друг с другом они были осторожны; не жаловались на тоску и на это внезапное чувство под ложечкой, словно ты проваливаешься в люк. Неподвижно лежа под одеялом, они по очереди называли имена детей, которые у них родятся, – порой уморительные имена, специально чтоб посмеяться, – а потом обсуждали обстановку будущего дома, роскошные ковры и старинные медные светильники, выбирали цвет для обоев, входили во все подробности, соглашались, что у них непременно будут огромная застекленная терраса, камин и библиотека с высоченными ореховыми шкапами и передвижной лестницей.

В темноте можно было забыть о том, что все это безумно дорого и совершенно недоступно. Их жизнь вошла в тяжкую полосу, и они отчаянно хотели быть счастливыми. Они желали счастья, не

зная ни что это такое, ни где его искать, и от этого их желание становилось еще сильнее.

У них была такая игра: выдумывать маршруты романтических путешествий.

– Верона, – говорила Кэти. – Я провела бы несколько дней в Вероне. – После чего они подолгу разговаривали о Вероне, куда там пойти и что посмотреть, им хотелось сделать этот город в воображении как можно реальнее. С озера, стелясь низом и обволакивая их, напелзал густой, плотный туман, и их слова вдруг как будто относилось куда-то вдаль, а потом они возвращались из стоявшего вокруг леса. Отчасти это было просто эхо. Но внутри эха им чудился звук словно бы и вовсе не от их голосов – то ли шепот, то ли дыхание, что-то пернатое и живое. Они замолкали, вслушиваясь, но звук тут же исчезал, смешивался с ночью. В лесу раздавались шорохи, что-то потихоньку гнило, что-то росло. Подавали голос ночные птицы. Волны с тихим плеском накатывали на берег.

И вот тогда-то, вслушиваясь, они вдруг чувствовали, как открывается люк, и падали в ту пустоту, откуда являлись к ним все сновидения.

Они, конечно, скрывали это как могли. Опять пускались в разговоры о чудесных веронских старинных церквах, о музеях, о кафе под открытым небом, где они будут пить крепкий кофе с пирожными. Изобретали всякие веселые приключения. Ночной бросок поездом во Флоренцию, а может, на север, в горы, а может, в Венецию; потом обратно в Верону, где нет никакого поражения, где все, что в жизни бывает, кончается хорошо. Для них обоих это была игра в желания. Счастье рисовалось им как реальное место на земле, как неизведанная страна или экзотическая чужая столица с диковинными обычаями и малопонятным языком. Чтобы там освоиться, нужно приложить много усилий и многое в себе изменить, но они будут прилежными учениками.

А порой им нечего было друг другу сказать. Или они принимались храбриться.

– Ничего такого ужасного не произошло, – сказала Кэти однажды вечером. – То есть плохо, конечно, но поправимо.

Это был их шестой вечер на Лесном озере. До ее исчезновения оставалось меньше полутора суток, но сейчас она лежала рядом с ним на веранде и размышляла вслух о том, как все поправить. Больше практицизма, сказала она. Идти шаг за шагом. Он мог бы найти работу в какой-нибудь приличной юридической фирме в Миннеаполисе. Они бы подыскали недорогой дом или просто сняли что-нибудь на время; конечно, надо во всем ужаться, составить семейный бюджет, начать потихоньку выплачивать долги,

а там, глядишь, через годик-другой на самолет и – в Верону или еще куда-нибудь, где они будут счастливы и совершат все то чудесное, чего не успели пока совершить.

– Уж мы найдем чего захотеть, – сказала Кэти. – Новенькие мечты, с иголочки. Ну, не права я разве? – Помолчала, глядя на него. – Не права?

Джон Уэйд заставил себя кивнуть.

Через два дня, когда ее уже с ним не будет, он вспомнит, как возились под полом веранды мыши. Вспомнит сложный, насыщенный запах леса, и туман, и озеро, и странное движение, которое Кэти иногда делала пальцами; легкий взмах, словно она желала разогнать все зло, скопившееся в их жизни.

Справимся. – Она прильнула к нему теснее. – Начнем и всего добьемся.

Конечно, – сказал Уэйд. – У нас все будет хорошо.

– Даже отлично.

– Вот-вот. Даже отлично.

Он закрыл глаза. И увидел, как гигантская белая гора взрывается и опрокидывается прямо на него.

Опять сдавило живот. И все равно он через силу ей улыбался. Говорил ободряющие слова, решительным тоном говорил, словно верил в них сам, и это он тоже потом вспомнит – как притворялся. В темноте он чувствовал, как бьется ее сердце, как она дышит ему в щеку. Она пошевелилась под одеялом, поцеловала мужа, слегка заигрывая, пощекотала ему ухо кончиком языка, и это, хоть и не было ему очень приятно, было знаком близости, просьбой сосредоточиться на том, что у них еще оставалось или когда-нибудь могло появиться.

– Слушай, – сказала она. – Давай будем счастливы, сейчас прямо.

– Примани счастье, – отозвался он.

Это был вопрос веры. Будущее казалось невыносимым. Усталость тоже, конечно, была, и гнев, но главное – пустота безверия.

Лежа молча и неподвижно, Джон Уэйд смотрел, как туман сгустками расползается над причалом и лодочным сараем, медлит, словно хочет их переварить, потом, клубясь и меняя очертания, тяжело поднимается вдоль берегового склона к веранде.

Оползень, думал он.

Эта мысль приняла у него в голове форму огромной белой горы – он карабкался на нее всю жизнь, а теперь она рушится на него, сплющивая грузом бесчестья. Он приказал себе об этом не думать, но не получалось. Цифры были неумолимы. Его разгромили три к одному в его собственной партии; он вытянул несколько университетских городков и округ Итаска – вот, по существу, и все.

В тридцать семь лет – вице-губернатор штата. В сорок – кандидат в сенат США. В сорок один – жертва оползня, резкого сдвига в общественном мнении.

Удачники и жертвы. Такая уж ставка тут.

Но это были не просто проигранные выборы. Нечто физически ощутимое. И унижение, само собой, и это чувство, будто что-то надломилось, испортилось в груди и животе, и гнев, вздымавшийся к самому горлу, когда его так и подмывало выкрикнуть самые ужасные слова, какие он знал, – *Христа прикончить!* – когда он не мог с собой совладать, не мог вернуть ясность мысли и прекратить этот крик у себя в голове – *Христа прикончить!* – потому что ничего поделать было нельзя, потому что это было так жестоко, позорно и окончательно. Порой накатывало настоящее безумие. Вселенская злоба. По ночам в крови вскипала электрическая дрожь, его распирало от желания убивать, которое он не мог ни подавить, ни выпустить на волю. Он хотел ломать и крушить. Схватить нож, резать и полосовать, резать и полосовать. Все эти годы. Карабкался, как чертов сукин сын, дюйм за дюймом, вгрызался зубами – и в один миг все полетело в таргара-ры. Все без исключения. Смысл его жизни. Карьера, профессиональная гордость, честь и достоинство, вера в будущее, которое представлялось ему таким величественным.

Джон Уэйд покачал головой и вслушался в туман. Ветра не было. Позади него в затянутое сеткой окно билась ночная бабочка.

Забудь, сказал он себе. Не думай.

А потом, когда он все-таки опять начал думать, он обнял Кэти, крепко к себе прижал.

– Верона, – проговорил он твердо, – это, считай, решено. Отели – только люкс. От начала до конца.

– Обещаешь, значит?

– Обещаю, – ответил он. – Железно.

Кэти улыбнулась. Он не мог видеть эту улыбку, но она слышалась в ее голосе, когда она спросила:

– А как насчет детей?

– Все у нас будет, – сказал Уэйд. – Дети – в первую очередь.

– Боюсь, я уже старая. Хотя, может, и ничего еще.

– Ты не старая.

– Мне тридцать восемь.

– Вот и прекрасно, у нас будет тридцать восемь детей, – сказал он. – В Вероне автобус придется нанимать.

– Это мысль. И как же мы?

– Откуда я знаю как, просто будем кататься и смотреть разные разности, ты да я. И полный автобус детей.

– Думаешь?

– Уверен. Я же обещал.

Потом они долго неподвижно лежали в темноте, словно ожидая, чтобы все это каким-то внезапным чудом осуществилось. Они хотели одного: чтобы их жизнь снова наладилась.

Позже Кэти откинула одеяло, встала и отошла к перилам, в дальний конец веранды. Она как бы исчезла в отяжелевшей тьме, окутанная туманом, и когда она заговорила, голос раздался откуда-то издали, исходя словно не от нее, отдельный и немного чужой.

– Я не плачу, – сказала она.

– Конечно, с чего плакать.

– Просто полоса такая, вот и все. Пройти надо через эту глупость.

– Глупость, – повторил он.

– Я не то хотела сказать...

– Да нет, ты совершенно права. Сволочная глупость.

Тишина вокруг. Только волны и ветви, легкие вдохи и выдохи. Ночь обволакивала их.

– Джон, послушай, мне трудно иной раз находить точные слова. Я хотела только сказать... понимаешь... я хотела сказать, что есть чудесный человек, которого я люблю, и мне нужно, чтобы он был счастлив, и ничто другое меня не беспокоит. Никакие выборы.

– Ну и прекрасно.

– И никакие газеты.

– Прекрасно.

В темноте послышался звук, который не был плачем.

– Ну, ты любишь меня?

– Больше всего на свете.

– Сильно-сильно?

– Сильно-сильно, – сказал он. – Полный автобус любви. Ну иди же ко мне.

Кэти прошла через веранду назад, опустилась рядом с ним на колени и прижала к его лбу ладонь. От озера и леса шел тихий неумолчный шепот. Позже, когда ее уже с ним не будет, это вспомнится ему с необычайной ясностью, словно повторяясь сызнова. Вспомнится доносившееся из тумана дыхание. Вспомнится ее ладонь у него на лбу, острое, живое тепло ее кожи.

– Счастливыми быть, – сказала она. – И ничего больше.

2

Материалы

Он с самого начала был скрытный мальчик. Можно сказать, помешался на секретах. Уж такая была его природа.[1]

Элеонора К.Уэйд, мать Джона Уэйда

Приобщено к делу под № 1: железный чайник

Вес – 2,3 фунта Емкость – 3 кварты

Приобщено к делу под № 2: фотография лодки

«Уэйкмен», длина – 12 футов

Алюминиевая, темно-синяя

Мотор «эвинруд», мощность – 1,6 лошадиных силы

Он держал язык за зубами. Даже жена его ни хрена, похоже, не знала про... ну, про это. Он просто хотел все похоронить.[2]

Энтони Л. (Тони) Карбо

Имя и фамилия: Кэтлин Тереза Уэйд

Дата составления протокола: 21.09.86г.

Возраст: 38 лет

Рост: 5 футов 6 дюймов

Вес: 118 фунтов

Цвет волос блондинка

Цвет глаз: зеленый

Фотография: прилагается

Должность и место работы: секретарь приемной комиссии, университет штата Миннесота, Миннеаполис, Миннесота

Заболевания и перенесенные операции: пневмония (16 лет), аборт (34 года)

Используемые медикаменты: валиум, ресторил

Ближайший член семьи: Джон Герман Уэйд

Прочие родственники: Патриция С. Гуд (сестра), Миннеаполис, штат Миннесота, Локвуд-авеню, 1625[3]

Из протокола о розыске

После работы мы каждый вечер с ней плескались в бассейне молодежной ассоциации. Она могла плыть без конца, прямо как рыба, так что я не беспокоюсь насчет... Короче, думаю, с ней все в порядке. Рыбы разве тонут?[4]

Бетани Ки, помощница секретаря приемной комиссии, университет штата Миннесота

Он не был толстым ребенком, вовсе нет. Просто плотный такой. Кости у него были большие. Но иногда мне кажется, что отец ему внушил... внушил бедному..., ох... ну, что вроде как у него лишний вес. В шестом классе он подписался на диету из какого-то дурацкого журнала... Отец его дразнил не переставая. Совсем задрознил, можно сказать.

Элеонора К.Уэйд

Знаете, что я запомнил? Мух запомнил. Миллионы мух. Они-то большей частью и помнятся.[5]

Ричард Тинбилл

Приобщено к делу под № 3: фотография погибших комнатных растений

То, что осталось от 6—8 растений (1 герань, 1 бегония, 1 каладиум, 1 филодендрон, остальные не установлены)

Растительные ткани сильно разложились

Джон безумно любил отца. Вот почему, я думаю, он переживал издевки так болезненно... Он старался не подавать виду, как сильно его задевало, но я-то видела... Да, уж как любил этого человека. (Вы спрашиваете, любила ли я? Конечно.) Туго пришлось моему Джону. Он был слишком юн и не понимал, что такое алкоголизм.

Элеонора КУэйд

Приобщено к делу под № 4» результаты опросов общественного мнения 3 июля 1986 г.

Уэйд – 58%

Дерни —31%

Нет определенного мнения – 11%

17 августа 1986г.

Уэйд –21%

Дерки —61%

Нет определенного мнения – 18%[6]

Оползень – не то слово. Цифры видели? Три к одному, четыре к одному – прощай, карьера. Чистить сортиры в сраной индейской резервации и то теперь бы не выбрали... Я миллион раз, наверно, спрашивал, нет ли какой против нас зацепки, ну, грехи молодости или что... Ни слова. Нуль. Так дела не делаются. Скажете, я его предал? Хрена. Все с точностью до наоборот. Я ведь вкалывал как сукин сын, чтобы этого болвана протащить в сенат.

Энтони Л. (Тони) Карбо

Приобщено к делу под № 5-' фотографии (2 шт.) лодочного сарая (вид снаружи) на Лесном озере

*Приобщено к делу под № 6: фотографии 3 шт.)
«коттеджа Уэйда» (вид снаружи) на Лесном озере*

Я уверена, что она катит сейчас куда-нибудь на междугородном автобусе. Будь я замужем за этим подонком, долго бы не раздумывала. Она же любила автобусы.

Бетани Ки, помощница секретаря приемной комиссии, университет штата Миннесота

Я не могу обсуждать эту тему.[7]
Патриция С.Гуд, сестра Кэтлин Уэйд

Наверняка что-то с мотором. Ведь там был старый «эвинруд», ломаный-чиненый. Ремень мог лопнуть, свечи полететь. Дайте срок, и она войдет прямехонько в эту дверь. Так и будет, вот увидите.[8]

Рут Расмуссен

Я тогда работала в «мини-марте», и вот однажды пришла эта пара, я им подала на стойке кофе, и вскоре у них вышла размолвка. Это длилось недолго. Она была явно не в себе. Вот и все, что я знаю.[9]

Майра Шоу, продавщица

Ведь жена политического деятеля, так что, конечно, мы уж расстарались. Только что не осушили это чертово озеро. Нет, я еще на этом деле крест не поставил. Каждый день ушки на макушке. Никогда нельзя заранее знать.[10]

Артур Дж.Лакс, шериф, округ Лесного озера

Муженек ее на тот свет спровадил.[11]
Винсент Р. (Винни) Пирсон

Это полнейшая нелепость. Они любили друг друга. Джон и муху-то не мог обидеть.

Элеонора КУэйд

Проклятые мухи!
Ричард Тинбилл

О природе потери

В четырнадцать лет Джон Уэйд потерял отца. Он был в школьном спортзале, отрабатывал броски по кольцу, и вдруг подошел учитель, обнял его за плечи и сказал: «Поди-ка прими душ. Твоя мама здесь».

Той ночью и много ночей потом главным, что чувствовал Джон, было желание убивать.

На похоронах он хотел убить всех, кто плакал, и всех, кто не плакал. Взять молоток, расколошматить гроб и разделаться с отцом за то, что посмел умереть. Но Джон был беспомощен. Он не знал, с чего начать.

В последующие недели, поскольку он был юн и полон горя, он пытался вообразить, что отец не умер по-настоящему. Джон вел с ним долгие разговоры – о бейсболе, о школе, о девочках. Поздно ночью в постели прижимал к себе подушку, словно она была отцом, и ощущал его близость. «Не умирай», – говорил он, и отец ему подмигивал: «Да уж чего там, потолкуем еще», и они вели долгие беседы о правильной постановке удара, о хорошем горизонтальном замахе, когда голову держишь высоко, плечи расправлены, и пускай бита делает свое дело. Чистое притворство, но оно помогало. И когда становилось совсем уж худо, Джон выдумывал замысловатые истории о том, как он спасает отца от смерти. Ни одной гипотетической возможности не упустил. Воображал, как прижимает губы к губам отца, вдувает изо всех сил воздух и заставляет сердце вновь заработать; воображал, как вопит ему в самое ухо, умоляя: «Ну пожалуйста, перестань умирать». Раз или два это чуть не сработало. «Ладно уж, – говорил отец. – Так и быть, перестану». Но не переставал, умирал все равно.

В глубине души, несмотря на все мечтания, Джон не мог себя обмануть. Он знал правду. В школе, когда учителя ему говорили, как печально, что он потерял отца, он понимал, что «потерян» и «умер» – одно и то же. Но мысль так и не шла у него из головы. Он воображал, как отец, ковыляя, идет вдаль по темной аллее, – не умер, просто потерялся. И тут опять начиналось притворство. Джон перебирал в воображении все места, где мог оказаться отец – под кроватью, например, или за книжным шкафом в гостиной, – и проводил долгие часы, выдвигая ящики, вглядываясь в ковры, в тротуары, в траву лужаек, словно искал потерянную монетку.

«А может, в гараже? – думал он. – Может, под подушкой дивана?» Это была всего лишь игра, способ справиться с горем, но иной раз ему везло. Опустив случайно глаза – и вот он, отец, в траве за домом. «Хоп!» – говорил отец, и Джон чувствовал, как распахивается дверь. Наклонялся, подбирал отца, клал его в карман и бережно нес, чтобы не потерять снова.

Что он помнил

Их седьмой день на Лесном озере прошел спокойно. Там был телефон, но он никогда не звонил. Ни газет, ни репортеров, ни телеграмм. Все предметы в коттедже казались хрупкими и полыми, словно парящими в невесомости, и по утрам, вливаясь из окружающего леса, клубясь вокруг их тел, дом заполняла огромная текучая тишина. Они старались не обращать на нее внимания; друг с другом были осторожны. Разговаривали, что бывало не часто, главным образом для того, чтобы поддержать иллюзию власти над собственной жизнью, убедить себя, что проблемы решатся, что мир вокруг со временем станет уютнее. Тут нужны были такт и сила воли; они пытались найти успокоение в простых, обыденных действиях, имитировали прежнюю свою супружескую жизнь с ее привычками и заведенным порядком. За утренним кофе Кэти составляла список покупок. «Икра», – говорила она» и Джон Уэйд подхватывал: «Трюфели не забудь», и они обменивались улыбками, демонстрируя отвагу и решимость. Но часто напряжение становилось почти невыносимым. После завтрака, моя посуду, Кэти вдруг издала глухой горловой звук, что-то начала говорить, но тут же запнулась, ее взгляд устремился куда-то в пространство, мимо него, сквозь стены коттеджа, а потом она вновь опустила глаза в раковину и больше не поднимала. Этот образ так с ним и останется. Через двадцать четыре часа, когда ее уже с ним не будет, Джон Уэйд вспомнит бесконечную даль, которая вошла тогда в ее лицо, словно она отправилась в путешествие, и он станет гадать, где она была, как туда попала и зачем.

Он этого никогда не узнает.

В последующие дни он будет выискивать отгадку в мешанине житейских подробностей. Выцветшие джинсы, которые были на ней в то утро, старые теннисные туфли, белый хлопчатобумажный свитер. Эта даль в ее взгляде. Как она сполоснула тарелки, вытерла руки и вышла из кухни, не посмотрев на него.

Что, если бы она заговорила?

Что, если бы прислонилась к холодильнику и сказала: «Давай здесь прямо», что, если бы они и вправду занялись любовью, и что, если бы все произошедшие потом события не смогли сбыться из-за этого нового поворота событий?

Что-то он четко будет помнить. Иное – только как тени, а кое-что и вовсе не оставит следа. Дело случая. Одно прилипло, другое

нет. Например, у него не будет никаких сомнений, что в тот день около полудня они надели купальные костюмы и спустились к озеру. Больше часа в полудреме неподвижно лежали на солнце, потом залезли в воду и плавали, пока холод не выгнал их на доски причала. Послеполуденное время было пустым и долгим. По всему берегу среди сосен ярко полыхали красные и желтые пятна, и в воздухе стоял острый запах осени и умирания. На озере не было видно ни лодок, ни купальщиков, ни рыбаков. В миле от них к югу треугольная крыша пожарной башни лесничества, казалось, плыла по бескрайнему зеленому морю; узкая грунтовая дорога шла через лес по диагонали, и чуть подальше к западу над домом Расмуссенов вился серый дымок. А на север – только лес и вода.

Он будет помнить скользящее, плывущее ощущение где-то внутри. Вторая половина дня всегда была лучше первой. Волны и блики, большое серебристое озеро, вытянутое в сторону Канады. Не так уж все плохо, думал он. Смотрел на небо и представлял себя победителем. Рукопожатия, радостные лица – как славно. Победитель, никаких сомнений; он нежился в белых, чуть хрупких лучах солнца и почти верил.

Немного погодя Кэти до него дотронулась.

– Ты как, в порядке?

– Лучше не бывает, – ответил он.

– Просто мне показалось...

– Да нет, все отлично.

Глаза Кэти опять поплыли куда-то вдаль. Она надела солнечные очки. Прошло какое-то не заполненное ничем время, потом она сказала:

– Джон?

– Ах ты господи. Да провались всё...

Он будет помнить движение ее рта, словно он защелкнулся на замок.

Потом они еще плавали, ныряли по очереди с причала, уходя глубоко под воду, наконец обсушились на солнце и пошли в дом съесть поздний обед. После обеда Кэти взялась за книжку с кроссвордами. Уэйд за кухонным столом занялся счетами. Разложил их в аккуратные стопки в порядке срочности, перетянул резиночками и кинул в портфель.

Глаза у него болели.

Гудело это электричество в крови.

В три часа он позвонил Тони Карбо, которого не оказалось на месте. Через полчаса, когда он попытался еще раз, секретарша ответила, что Тони уехал на весь день.

Уэйд поблагодарил ее и повесил трубку.

Он выдернул телефонный шнур из розетки, отнес телефон на кухню и запихнул в шкафчик под раковиной.

– Христа прикончить, – сказал он, чем сам себя позабавил.

Может, он задремал. Может, пропустил рюмку-другую. Хоть с какой-то степенью ясности он будет помнить только, что позже они заперли коттедж и поехали в поселок, до которого было шесть миль. Он будет помнить, как у него странно закладывало уши – словно под водой. До дома Расмуссена фунтовая дорога шла на запад, потом поворачивала на север, и после железного моста под колесами начинал хрустеть гравий. Уэйд будет помнить выстроившиеся вдоль обочины огромные сосны, их ветки порой нависали над дорогой, образуя сумрачный туннель. Кэти сидела, сложив руки на коленях; через милю или две включила радио, минутку послушала и выключила. То ли озабоченность, то ли нервозность, то ли что-то посередине. Если в пути они и разговаривали, он совершенно этого не запомнил.

За две мили до поселка лес становился реже, сменяясь кустарником и карликовыми соснами. Дорога делала последний крутой поворот и устремлялась вдоль берега прямо на запад к поселку Энгл-Инлет. Как почтовая карточка с луны, подумал Уэйд. Они проехали бензоколонку Пирсона, маленькую белую школу и несколько унылых домов с облупившейся краской. На ступеньках почты притаилась чья-то кошка.

Уэйд остановил машину и зашел узнать, нет ли им чего-нибудь. Финансовый отчет от бухгалтера, письмо от сестры Кэти из Миннеаполиса.

Они перешли улицу, купили продукты, аспирин, спиртное и мазь для загара, потом сели выпить кофе у маленькой стойки в «мини-марте» Арндаля. Вращающиеся часы с рекламой кока-колы показывали 5.12. До исчезновения Кэти оставалось девятнадцать часов – почти ровно, – но теперь, когда она читала письмо сестры, ее глаза казались спокойными. Дойдя до какого-то места, она фыркнула и откинула назад голову.

– Ох боже ты мой, – простонала она, потом хихикнула, сложила письмо и сказала: – Опять двадцать пять

– Что?

– Патти. Вот у кого беда не приходит одна – два дружка сразу. Вечная жонглерша.

Уэйд кивнул, глядя в стойку:

– Везет Патти. Власти-то сколько.

Опять эта дрожь в крови; от дощатого пола в «мини-марте» несло рыбой и опилками. У двери непрерывно булькал алюминиевый бачок с мелкой рыбешкой для наживки.

– Власть – вещь хорошая, – сказала Кэти, – но что до мужчин, ей пора останавливаться. Странно, как они всегда парами идут – у Патти, в смысле. Будто змеи, или политики, или я не знаю кто. – Она взметнула брови. – Я же пошутила.

– Весьма удачно.

– Джон...

– Славно, славно.

На ее щеке дернулся мускул. Она сжала в руке стеклянную солонку,хватила ею по стойке.

– Я, что ли, виновата? Уэйд пожал плечами.

– Прости.

– Ну так перестань. Перестань, к чертовой матери.

Кэти повернулась на крутящейся табуретке, подошла к стенду с журналами и встала там спиной к мужу. Быстро сгущались сумерки. Порыв холодного ветра с озера хлопнул сетчатой дверью «мини-марта», заставив вздрогнуть молодую рыхлую продавщицу, – она расплескала кофе, наполняя их чашки по второму разу.

Часы показывали 5.24.

Через некоторое время Кэти вернулась на свое место и стала изучать мутное зеркало за стойкой, рекламу пабстовского пива и сельтерской воды. Она избегала встречаться с ним глазами, втянулась в себя, и видевшего ее в зеркале Джона Уэйда вдруг поразило, как яростно он ее любит. Красивая женщина. Лицо усталое, видны возрастные вялые тени, и все же как она хороша. Зеленые глаза, загорелая летняя кожа, стройные ноги, точеные маленькие пальцы. И другое тоже – всякие милые мелочи. Как удобно ложится ему в руку ее рука. Как выгорели почти до белизны волосы на висках. Студенткой колледжа, вспомнилось ему, она часто, сидя в постели, хватала себя за лодыжки, как маленькая девочка, и рассказывала уморительные истории, и каталась со смеху, и была счастлива. И это, и масса всего прочего.

Вздыхнув, Уэйд положил под блюдце долларовую бумажку.

– Кэт, прости меня, – сказал он. – Мне правда жаль.

– Жаль? Вот и прекрасно.

– Все в порядке?

– Жаль, жаль. Конца-края нет. – Кэти подождала, пока молодая продавщица заберет пустые чашки. – Хватит на меня зlobиться. Да, мы проиграли. Просто и ясно – *проиграли*.

– Не только в этом дело.

– Джон, так продолжаться не может. Уэйд посмотрел на вращающиеся часы.

– Мистер Монстр, – сказал он.

Вернувшись, они съели легкий ужин, поиграли в триктрак на десятицентовики, послушали музыку в гостиной. Около восьми

вышли пройтись. Было лунно и звездно, вечер выдался ветреный и прохладный. Туман не пополз еще на берег, стоял только над озером. В последующие дни Джон Уэйд будет вспоминать, как взял ее руку в свою, как легко сплелись их пальцы. Но ему также вспомнится, что Кэти через несколько шагов отняла ладонь. Сложив руки на груди, направилась к желтому коттеджу и вошла внутрь, не дожидая его.

В тот вечер они не вынесли одеяла на веранду. Они не занялись любовью. До самого сна играли в триктрак, гоня монетки туда-сюда через кухонный стол.

Один раз он посмотрел на нее и сказал:

– Кэт, то, что там писали в газетах...

Кэти передала ему кости.

– Твой ход.

Насколько он мог потом припомнить, они легли спать около одиннадцати. Кэти выключила свет. Повернулась на бок и сказала: «Время сны смотреть», – сказала почти ласково, словно ее предстоящее исчезновение ровным счетом ничего не значило.

Предположение

Чистейшая догадка, конечно, но, может быть, у нее был тайный любовник. Ведь браки от времени закисают. Накапливаются взаимные обиды. В их жизни уже был прецедент.

В кухне в то утро, когда ее глаза поплыли вдаль, может быть, Кэти Уэйд представился гостиничный номер в Миннеаполисе, Сиэтле или Милуоки, просторная опрятная комната с кондиционером и свежими цветами, без всякой политики и без поражения. Может быть, она увидела, как ее ждет мужчина. Или как он едет на север к Лесному озеру, торопится ей на выручку. Тихий, честный человек. Человек без двойного дна, без тайной истории. Может быть, она устала от фокусов и разверзающихся люков, от мужа, которого никогда не знала, и вечером, когда она сказала «Время сны смотреть», может быть, она имела в виду именно это – сон об избавлении, сон, в который она готовилась войти.

В мире исчезнувших, как и в мире мертвых, есть только поток возможности.

То ли попадешь в рай, то ли нет.

Может быть, она не решилась поговорить с ним начистоту. Может быть, инсценировала все. Не столь уж вероятно, но возможно все-таки. Причин-то было хоть отбавляй – напугана, вымотана, обездолена. Может быть, она проснулась ранним утром, выскользнула из постели, оделась, вышла на веранду, тихо затворила за собой дверь и пошла по узкой фунтовой дороге к ожидавшей ее машине.

Материалы

Мы звали его Кудесник. Кличка такая.
Ричард Тинбилл

Приобщено к делу под № 7: фотография Джона Уэйда в возрасте 12 лет

Улыбается.

Плотный, не толстый.

Взмахнул волшебной палочкой над четырьмя белыми мышами.

Он обычно упражнялся в подвале, становился перед этим своим старым зеркалом и часами делал фокусы. Отец считал это нездоровым занятием. Вечно один, вечно замкнут в себе. Очень скрытный был мальчик; я, кажется, уже об этом говорила.

Элеонора К.Уэйд

Приобщено к делу под № 8: сундук с фокусами Джона Уэйда. Из описи содержимого

«Мечта бедняка»

«Рог изобилия»

«Дух тьмы»

«Корзинка с яйцами»

«Смертельная гильотина»

Шелковые платки и ленты

Шнуры

Волшебные палочки

Проволока

Дубликаты (6 шт.) отцовского галстука

Моя сестра временами его чуть ли не боялась. Помню, один раз Кэти... Нет, я думаю, не стоит обсуждать эту тему

Патриция С.Гуд

От чего она так жаждала спастись? Подобная пленница, имеющая массу времени для размышлений, вскоре начинает понимать, что эта башня, ее высота и архитектура соответствуют лишь несущественным сторонам ее «я»; что на самом деле ее удерживает в ней магия, безымянная и злобная, пришедшая извне и околдовавшая ее без всякой причины.

Не имея средств, помимо безотчетного страха и женской хитрости, чтобы исследовать эту лишенную очертаний магию, по-

нять принцип ее действия, измерить ее поле, высчитать ее силовые линии, она может впасть в суеверие, или уйти с головой в бессмысленное занятие вроде вышивания, или сойти с ума, или выйти замуж за диск-жокея. Что же еще остается, если башня повсюду и рыцарь-избавитель бессилен против ее магии?

Томас Пинчон. «Выкрикивается сорок девятый лот»

Изучая психологические травмы, приходится одновременно сталкиваться с уязвимостью человека во внешнем мире и с проявлениями зла в его собственной природе.

Джудит Герман, «Травма и выздоровление»

Нет такой вещи, как «привыкание к бою»... Каждая минута боя требует от человека такого огромного напряжения, что вероятность психологического срыва впрямую зависит от силы и продолжительности воздействия на него боевой обстановки. Поэтому психические травмы на войне так же неизбежны, как потери от ружейного огня или шрапнели.

Дж.Аппель и Г.Биб, профессора психиатрии

Не только война сделала его таким. Это было бы слишком просто. Тут все вместе – вся его природа... Но я еще раз хочу сказать, что он всегда вел себя очень хорошо, всегда был внимателен к другим, славный был мальчик. На похоронах он просто не мог сдержаться. Я тоже готова была завывать. Даже и теперь, бывает, приду на могилу мужа, посмотрю на этот глупый камень и как закричу: почему, почему, почему?

Элеонора К.Уэйд

По-моему, политика и фокусничество были для него одно и то же. Превращение, вот в чем самый смак, берешь одно и меняешь на другое. Подумать, так фокусники и политики – все сплошь на власти свихнутые (Смеется.) Уж мне-то полагается, наверно, знать

Энтони Л. (Тони) Карбо

Кажущаяся способность совершать явно невозможное наделит вас недвусмысленным ощущением личной власти и поможет вам стать интересной и притягательной личностью.

Роберт Парриш «Руководство для иллюзиониста»

Изливая на адресата свои чувства, [Линдон Джонсон] раз за разом, буквально в каждом из сохранившихся писем выражает надежду на взаимность.

Роберт Кейро «Жизнь Линдона Джонсона: путь к власти»

Без сомнения, не было еще человека, для которого любовь имела бы такое важное значение, как для меня.

Вудро Вильсон

Когда умер его отец, Джон даже не плакал почти, но был очень, очень зол. Я не могу это ему поставить в вину. Я тоже была зла. Я хочу сказать – понимаете – я все время себя спрашивала: почему? Причины не видела. Да, конечно, его отец был алкоголик, но за этим таилось другое, какая-то вселенская тоска, которую я никогда не понимала. Из-за тоски-то он и пил, а не наоборот. Думаю, она, эта тоска, и погнала его тогда в гараж... В общем, Джон мало плакал. С ним случилось несколько припадков, да, было. Вопли и все такое. Прямо на похоронах. Он ужасно громко кричал.

Элеонора К. Уэйд

После травматического переживания человеческая система самосохранения постоянно пребывает настороже, как будто в любой момент можно ждать опасности. Физиологическое напряжение длится и длится, не ослабевая.

Джудит Герман «Травма и выздоровление»

Это не была бессонница в прямом смысле. Джон часто засыпал в одно мгновение, но потом бац – просыпался через десять-двадцать минут. Он не мог оставаться спящим. Как будто чего-то остерегался, взвинчен был, весь в ожидании... ну, не знаю чего.

Элеонора К. Уэйд

Порой я с некоторым стыдом думаю, как мало у меня истинных друзей среди несметного числа знакомых. Очень многие предлагают мне свою дружбу; но, отчасти потому, что я сдержан и застенчив, отчасти потому, что разборчив и придерживаюсь в вопросах дружбы узких и консервативных взглядов, я отвергаю эти предложения почти во всех случаях; в итоге, оглядываясь вокруг, я со смятением вижу, как мало людей из целого света близки мне и знают меня таким, какой я есть.

Вудро Вильсон

Покажите мне политика, и я вам покажу несчастное детство. То же самое с фокусниками.

Энтони Л. (Тони) Карбо

Моя мама была святая.

Ричард М. Никсон

Помню, Кэти мне рассказывала, как он иногда просыпался ночью с криком. Жуткое сквернословие, не стану его повторять. Зря я вообще об этом завела разговор.

Патриция С. Гуд

По какой-то причине мистер Уэйд выбросил этот старый железный чайник. Я сама выудила его из мусора. Я хочу сказать, это

был совсем еще хороший чайник.

Рут Расмуссен

Этот гад явно что-то мерзкое сотворил.

Винсент Р. (Винни) Пирсон

Винни у нас теоретик. А я работаю с фактами. Все вопросы пока открыты.[12]

Артур Дж.Лакс, шериф, округ Лесного озера

О природе брака

В отрочестве у Джона Уэйда было хобби – магия. Практикуясь в подвале, где висело зеркало в полный рост, он заставлял шелковые материнские шарфики менять цвет. Резал пополам ножницами лучший галстук отца и восстанавливал его целым и невредимым. Клал на ладонь монетку, зажимал в кулак, разжимал – а там белая мышь.

Это, конечно, не была настоящая магия. Просто фокусы. Но Джон Уэйд иногда воображал себя именно магом, потому что он был еще мальчик, потому что главное удовольствие в этом-то и заключалось и потому что на какое-то время то, что произошло понарошку, становилось для него реальным событием. Он ведь был мечтатель. Любил рассматривать в зеркале свои руки, думая о том, что будет когда-нибудь творить великие чудеса – превращать тигров в жирафов, совершать левитацию, заставляя красоток парить, подобно ангелам, в желтых огнях прожекторов – может быть, совсем обнаженных и без всяких там канатов и тросов, просто плыть по воздуху.

В четырнадцать лет, после смерти отца, Джон начал делать фокусы в воображении. Лежа ночью в постели, представлял себе большую голубую дверь, потом она открывалась и входил отец, снимал шляпу, садился в кресло-качалку возле кровати. «Видишь, вернулся, – говорил он, – только мама чтоб не знала, а то она меня убьет». Он подмигивал, улыбался и спрашивал: «Ну, что новенького?»

И они негромко разговаривали, наверстывали упущенное, соединяли разорванное время, как половинки галстука.

Он познакомился с Кэти осенью 1966 года. Он учился на последнем курсе университета Миннесоты, она только поступила. Фокус тогда состоял в том, чтобы заставить Кэти его любить и чтобы эта любовь никогда не кончалась.

Ему не давал покоя страх: вдруг он ее потеряет. Иногда ему снилось, что она его бросила, и он просыпался в ужасе, но когда он попытался ей это объяснить, Кэти рассмеялась и попросила его сменить пластинку – она никогда его не бросит, да и в любом случае подобные мысли деструктивны, вредны и несут отрицательный заряд. «Ведь вот она я, – сказала она ему, – и никуда от тебя не собираюсь бежать».

Джон обдумывал ее слова несколько дней.

– Так-то оно так, – сказал он, – и все же душа не на месте. Что-то может нарушиться, разладиться.

– Мы – не «что-то», – возразила Кэти.

– Но бывает же у людей всякое.

– Только не у нас

Джон пожал плечами и отвернулся. Перед его глазами возник большой белый гроб отца.

– Может, ты и права, – сказал он, – но наверняка никогда не знаешь. Бывает, люди теряют друг друга.

В начале ноября он начал за ней шпионить. Первое время мешало легкое чувство вины, но и удовлетворение он тоже в этом находил. Похоже на магию, думал он, – вздымает, как волной. Он знал о ней такое, чего не должен был знать. Мелкие интимные детали: что она ела на завтрак, где задержалась выкурить сигаретку. Шпионить было нетрудно, ведь ловкость и скрытность были, можно сказать, его профессиональными качествами. По вечерам он подолгу стоял под окнами общежития, наблюдая за светом в ее комнате. Когда свет гас, он шел за ней в студенческий союз, библиотеку или куда-нибудь еще. И дело было даже не в его подозрительности. Весь мир держался на хитрых уловках и человеческом желании верить. Он иногда назначал ей свидания, потом отменял и смотрел, как она использует освободившееся время. Выискивал знаки измены: как и кому улыбается, как ведет себя с другими мужчинами. В каком-то смысле он больше всего ее любил именно когда шпионил; это открывало ему тайный мир, новые углы зрения и новые перспективы, новые восхитительные черты. По четвергам во второй половине дня, притаившись на задних рядах трибуны, он наблюдал, как девушки играют в баскетбол, любовался ее энергией, задором и стройными загорелыми ногами. Спортсменка, решил он, из Кэти не ахти какая, но одно удовольствие было видеть ее короткий радостный танец, когда мяч попадал в кольцо. В ней была соревновательная жилка, из-за которой он ею гордился. В шортах и маечке она выглядела просто классно.

В глубине души Джон, конечно, понимал, что шпионить – это не дело; но перестать не мог. В каком-то смысле, думал он, Кэти сама это провоцирует: такой уж у нее характер. Яростно самостоятельный, яростно независимый. Пойдут, бывало, вместе в кино или на вечеринку, а она возьмет и просто исчезнет – выскочит за жевательной резинкой и забудет вернуться. Не легкомыслие, пожалуй, но и не многомыслие тоже. Без всякой причины, даже без предупреждения вдруг улетучится, когда они смотрят что-нибудь в магазине, вещи там или книги; он поднимет глаза, а ее и

след простыл, словно сошла с земной орбиты. Мгновение – и пусто; потом, спустя часы, он мог ее отыскать в дальнем углу читалки. От всего этого сердце так и падало. Он понимал, что ей нужно иногда побыть одной, нужна независимость, но она до такой крайности это доводила, что он изумлялся. Слежка помогала. Больших открытий он не сделал, но, по крайней мере, был в курсе.

И удовольствие тоже получал – от риска, от азарта.

Иногда он целые дни проводил, просто повсюду за ней следуя. Фокус заключался в выдержке, в том, чтобы быть начеку, и он любил это искрящееся возбуждение, когда идешь сзади, оставаясь незамеченным. Он любил смешиваться с толпой, укрываться в дверных проемах, предугадывать передвижения Кэти по университетскому городку. Тут требовались и ловкость тела, и быстрота ума, и в эти прохладные дни осени его переполняла могучая тайная радость проникновения в личную жизнь другого человека. Например, эти батончики «Херши» – Кэти просто без них не могла, настоящая наркоманка. Он знал в лицо всех ее подруг, всех преподавателей, знал все ее маленькие привычки и слабости. Он ходил за ней по магазинам, когда она выбирала ему подарок ко дню рождения, Он был в аптеке, когда она покупала первый в своей жизни противозачаточный колпачок.

– Я диву даюсь, – сказала ему раз Кэти, – как хорошо ты меня знаешь.

К его изумлению, Кэти продолжала его любить, была ему верна, и в весеннем семестре они уже строили планы, как поженятся, как народают детей и как в один прекрасный день купят большой старинный дом в Миннеаполисе. Для Джона это было счастливое время. Он шпионил за ней только изредка. Он посвятил ее в свои мечты и проекты. Поступить на юридический, окончить, потом партийная работа, потом, когда подготовительный этап будет позади, он замахнется на что-нибудь солидное. Вице-губернаторство, к примеру. А там и сенат США. Все ступеньки ему известны, и он знает, чего хочет. Кэти внимательно слушала, время от времени кивая. Глаза у нее были зеленые и живые, внимательные.

– Звучит красиво, – сказала она, – но для чего это все, можешь объяснить?

– Как для чего?

– Цель у тебя какая?

Джон замялся:

– Цель... Ну, просто мне этим хочется заниматься.

– Чем, чем именно?

– Чем все там занимаются. Что-то менять. Что-то проводить в жизнь.

Кэти лежала на спине в постели. Стоял конец апреля 1967 года. Ей было девятнадцать лет.

– И все-таки не понимаю я тебя до конца, – сказала она. – Уж очень ты расчетливо рассуждаешь. Холодно как-то. Все до мелочей распланировано.

– А разве это плохо?

– Да нет. Не то чтобы плохо.

– Так в чем же дело?

Она передернула плечами.

– Не знаю, странно просто как-то. Все-то ты рассчитал, со всех углов высмотрел, а для чего – не знаешь.

– Для нас с тобой, – сказал он. – Я люблю тебя, Кэт.

– Но это похоже – уж прости, не стоило, наверно, говорить, – похоже на манипуляцию.

Джон повернул к ней голову. Всего девятнадцать, да, но было в ее глазах что-то трезвое и скептическое, что-то нагоняющее страх. Она смотрела на него в упор, не отводя взгляда. Такую нелегко провести. Вдруг опять испугавшись потерять ее, все испортить, он принялся долго и занудно объяснять, почему она не права. Что он сказал такого ужасного? Он хочет прожить хорошую жизнь, делать для людей всякие хорошие вещи. Даже не кончив еще говорить, Джон понял, что полной правды в его словах нет. Что такое политика, как не манипуляция? Представление фокусника: сплошь невидимые проволочки и потайные люки. Положишь на ладошку город, зажмешь в кулак, разожмешь – а город стал счастливей и краше. Манипуляция, в ней-то вся соль и есть.

Он получил диплом в июне 1967 года. Шла война, манипулировать которой было невозможно, и девять месяцев спустя он оказался на дне ирригационного рва. Жидкая грязь была по пояс. Он не мог пошевелиться. Главный фокус тогда был – не свихнуться.

Кэти писала ему подробные ласковые письма, полные метких наблюдений и острых замечаний, и эта болтовня о семье и подружках его успокаивала. Она рассказывала забавные истории про сестру Пат, про преподавателей, про соседок по комнате и про баскетбольную команду. Войну поминала редко. Конечно, она за него боялась, но мотивы его пребывания там вызывали у нее сомнения. «Это, надеюсь, с твоей стороны не ход в политической шахматной партии, – раз написала она. – Ведь ты понимаешь, Джон, что мертвецы голосовать не пойдут».

Эти слова его заделали. Он не понимал, как она могла такое о нем подумать. Само собой, он иногда воображал, как вернется домой героем, как классно на нем будет сидеть новенькая, с иголки,

форма, как он будет улыбаться толпе встречающих и вести себя с подобающими случаю скромностью и достоинством. И, конечно, военная форма помогает набирать голоса. Все так, но он чувствовал себя обиженным.

«Я люблю тебя, – написал он в ответ, – и надеюсь, что когда-нибудь ты в меня поверишь».

Джон Уэйд не был выдающимся бойцом, делал свое дело и не более того, но ему удавалось перемогаться без особенных затруднений. Под огнем голову не высовывал, неприятностей старался избегать и верил в удачу, которая не даст погибнуть. Мало-помалу в третьей роте его признали за своего. По вечерам, когда окопы были вырыты, он иногда показывал новым друзьям карточные фокусы, простенькие, конечно, но ему нравились их ухмылки и взлетающие брови, когда пиковый туз превращался в червонную даму, а та – в портрет Хо Ши Мина. Или он глотал свой складной нож. Вынимал лезвие, откидывал голову назад, делал какие нужно пассы и вытаскивал нож у кого-нибудь из кармана. На ребят это действовало безотказно. Они прозвали его Кудесником. «Кудесник – наш парень, надежный». Для Джона Уэйда, который всегда считал себя одиночкой, прозвище стало чем-то вроде ордена, эмблемой принадлежности к братству, предметом гордости. И звучит здорово – Кудесник, – в этом слове есть магия, оно подразумевает некий дар, редкие качества и способности.

Ребята из третьей роты, похоже, именно так и думали.

Однажды в Розовом секторе, когда мальцу по фамилии Вебер пулей пробило почку, Кудесник встал на колени, прижал к ране полотенце и стал говорить обычные слова:

– Ну-ка упрись... Теперь расслабься.

Вебер кивнул. Некоторое время лежал неподвижно, только моргал, потом вдруг ухмыльнулся и попытался сесть.

– Ништяк, – сказал он. – Я король, я супер. – Все дергался и дергался, унять его было невозможно. – Супер, супер. Все чухня, я супер.

Вебер закрыл глаза. На лице появилось подобие улыбки.

– Ну валяй, Кудесник, – сказал он. – Колдуй дальше.

Во Вьетнаме, где было жизненно необходимо во что-то верить – просто ради самой веры, – суеверия цвели пышным цветом, и со временем к дарованиям Кудесника начали относиться всерьез. Сперва, конечно, были шуточки. Треп, не более того. «Слышьте, парни, – говорил кто-нибудь, – раз, два, сегодня мы невидимки», а другой добавлял: «Это уж точно, у Кудесника волшебный порошок есть, посылет, и привет». Вроде как игра такая была – со смешками, но и с надеждой. Вечером, прежде чем отправляться в засаду, все выстраивались в очередь, чтобы дотронуться до Кудес-

никовой каски, точно к причастию шли, и лица у ребят были хмурые, юные, торжественные. У него спрашивали совета по всяким рискованным делам; из уст в уста передавались истории о его поразительной неуязвимости, ведь он и царапины до сих пор не получил, даже тогда, в январе, когда у самого его окопа взорвался минометный снаряд. Чудеса, да и только. Парень явно с тем миром связан.

Джон Уэйд эти настроения поощрял. Он понял, что полезно вести себя сдержанно, больше помалкивать. Когда на него наседали, он устраивал небольшую демонстрацию своих возможностей, один-два трюка с любым подручным реквизитом.

Много всякого, например, можно было сделать со складным ножом и трупом. А еще он пророчил, предсказывал будущее. «Плохие знаки, – говорил он, – плохой завтра день» – и устремлял взгляд в рисовые поля. Ошибиться было невозможно. Все дни были плохие.

«Я – ротный шаман, – писал он Кэти. – И ты знаешь, они меня слушают. Верят во всю эту муть».

Кэти не отвечала несколько недель. Потом пришла открытка: «Мой тебе совет. Поосторожней с фокусами. А то добьешься, что в один прекрасный день исчезну я».

Подписано – Кэт. И ни нежных слов, ни смешных историй.

В ту же секунду Джон почувствовал, как в нем восстают все прежние страхи, как поднимают голову все отвратительные возможности. Отгородиться от них он не мог. Даже среди бела дня сквозь мозг проносились картины. Темные спальни, к примеру. Ее противозачаточный колпачок. Хотелось снова начать за ней слежку – так и тянуло, – но он мог только ждать, ничего больше. Ночами бурлила кровь. В голове всё вертелись сомнения. Ближе к концу февраля, когда письмо наконец пришло, ему почудился в ее тоне некий холодок, некая дистанция и формальность. Она писала, какое кино видела, в какой была картинной галерее, какое обнаружила потрясающее испанское пиво. Его воображение вставило недостающие подробности.

Поганый выдался февраль. Кэти – раз, война – два. Двое подорвались на минах. Еще одному продырявило шею. Вебер умер из-за разорванной почки. Боевой дух был хуже некуда. Пока они мотались от деревни к деревне, парни перешептывались о том, что магия, дескать, вся вышла, что Кудесник потерял связь с потусторонним миром. Вроде как винули его. Не впрямую – просто сделались неприветливы. Фокус показать больше не просили. Шутки, байки – все исчезло. Шли дни, и чем дальше, тем больше Джон Уэйд чувствовал себя отрезанным и от ребят, и от Кэти, и от собственного будущего. Словно выбросило на мель – абсолютно

потерян. Порой он задавался вопросом, все ли у него в порядке с головой. Внутренний ландшафт как заволочло туманом; он не мог понять, где находится.

«Что-то не так, – написал он Кэти. – Не делай этого мне. Я не слепой – Кудесник хорошо видит».

Она быстро ответила: «Ты меня пугаешь».

И потом много дней он не получал писем вообще, ни открытки, ничего, а война все наваливалась и наваливалась. Ощущение конца схватило и не отпускало.

На второй неделе февраля сержанта Райнхарта застрелил снайпер. Сержант ел батончик «Марс». Чуть надкусил, засмеялся, начал что-то говорить и упал в траву под всклокоченной старой пальмой – губы коричневые от шоколада, мозги текучие, гладкие. Был чудесный тропический день. Солнечный, ласковый, очень теплый; но Джон Уэйд почувствовал дрожь. Холод шел изнутри. Глубокая заморозка, подумал он, а потом началось что-то и вовсе небывалое – какая-то зверская сила схватила его и приподняла за плечи. Ярость – да, конечно, но и безумие тоже, и тоска, и грех, все вместе.

Несколько секунд стоял обхватив себя руками, пронизанный холодом, а потом начал двигаться.

Осознанного решения никакого не было. Он потерял всякую связь с собственной волей, со своими руками и ногами, и потом, когда все кончилось, он вспоминал, как плыл к вражескому укрытию – не бежал, а бесшумно, стремительно плыл в невесомости, – как, описав дугу, зашел с тыла, ни о чем не думая, ничего не рассчитывая, как проскользнул сквозь густой кустарник, пригибаясь, не выдавая себя, как его плавно вынесло к маленькому человечку в черных штанах и черной рубашке.

Он вспоминал, как человек обернулся. Он вспоминал, как их глаза встретились.

Другое он тоже вспоминал, но только смутно. Как его понесло вперед. Как легкие наполнились раскаленным пеплом, как дуло его автомата уставилось человечку в скулу. Он вспоминал, как страшно сдавило живот. Он вспоминал трезвые глаза Кэти, упрекающие его за многое, за сделанное и несделанное.

Звука как бы и вовсе не было – Кудесник ничего не слышал. Просто скула у человечка исчезла.

В третьей роте потом только и разговору было что о новом трюке Кудесника.

Всё пережевывали и пережевывали.

– Паф, – сказал один. – Чтоб мне провалиться, паф – и все.

На закате они приволокли труп снайпера в ближайшую дере-
вушку. Под дулами автоматов собрали публику. Один канат при-

вязали к ступням мертвеца, другой – к запястьям, и перед самой темнотой Кудесник и его подручные осуществили акт левитации, вознеся тело в вышину меж двумя деревьями, где оно парило, освещенное восхитительной красной луной.

Джон Уэйд вернулся в ноябре 1969 года. В Сиэтле он стал звонить Кэти из аэропорта, но на втором гудке вдруг ухмыльнулся и повесил трубку.

Перелет в Миннеаполис был потерянным временем. Из-за часовых поясов, наверно, но и не только из-за них Он не знал, чего от себя ждать. В сером небе над Северной Дакотой прошел в уборную, снял там форму, надел свитер и слаксы и внимательно, оценивающе рассмотрел себя в зеркале. Глаза были не ахти. Усталые, тускловатые. Постояв, он подмигнул сам себе. «Здорово, Кудесник, – пробормотал он. – Как колдуется-то?»

Приземлившись вечером, он поехал на автобусе в университет. Дошел со своим вещмешком до площадки под окнами ее общежития, сел на бетонную скамью и стал ждать. Было начало десятого. В ее окне света не было – вполне естественно, – и часа два он прикидывал в уме, где она может теперь быть и чем заниматься. Ничего утешительного в голову не приходило. Мысли потом стали вертеться вокруг разных категорий, которые при необходимости можно пустить в ход. Верность, к примеру. Стойкость, любовь, постоянство, вера и все прочие атрибуты властного притяжения.

Было совсем поздно, почти полночь, когда Кэти вышла на дорожку, ведущую к общежитию.

У нее была матерчатая сумка через плечо, под мышкой – стопка книг. Она слегка похудела, главным образом в бедрах, и в темноте ему показалось, что ее походка стала быстрее, порывистей – импульсивней, что ли. Ему стало не по себе. Когда она вошла внутрь, Джон некоторое время сидел неподвижно, он не был вполне там и не был вполне нигде; потом взял свой вещмешок и прошагал семь кварталов до гостиницы.

Он все еще плыл.

Всю ночь длилось это кружение, эта невесомость. Кровь вскипала тропической лихорадкой. Сны крутились на холостом ходу, он не мог включить сцепление. Дважды просыпался и вставал под душ, сильно пускал воду себе на плечи, но даже тогда катушки сновидений продолжали разматываться. Полнейшая дурь. Кэти широкой лопатой сгоняет с дорожки дождевую воду. Кэти машет ему с крыла самолета. Раз, ближе к рассвету, он обнаружил, что, свернувшись, лежит на полу, сна ни в одном глазу и ведет разговор с темнотой. Умоляет отца – ну пожалуйста, перестань умирать. Вновь и вновь повторял – ну пожалуйста, но отец не слушал и не переставал, умирал, и все. «Боже мой, ведь я

люблю тебя», – сказал Джон, и свернулся туже, и уставился в темноту, и оказался на отцовских похоронах – ему четырнадцать лет, шею сдавил новый черный галстук, – только вот хоронят отца при ослепительном солнце в ирригационном рву близ деревушки Тхуангиен, плакальщицы сидят на корточках, причитают, царапают себе глаза – мать Джона и много-много других матерей, – священник возглашает: «Грех!», органистка жмет на клавиши – и Джону хочется убить всех, кто плачет, и всех, кто не плачет, и священника, и всех женщин, и тощую старую органистку, хочется схватить молоток, прыгнуть в канаву и разделаться с отцом за то, что посмел умереть.

– Эй, ты, ведь я люблю тебя, – вопил он. – Люблю!

Когда рассвело, он дошел до общежития Кэти и сел на бетонную скамью.

Он не знал толком, чего хочет.

Много позже появилась Кэти, двинулась в сторону учебных корпусов. Он вошел в прежнюю колею. Следовал за ней до биологической лаборатории, потом в студенческий союз, на почту, в банк, потом в спортзал. Со старого места на задних рядах смотрел, как она отрабатывает ведение мяча и броски по кольцу – и в том, и в другом она заметно прибавила, – а после обеда он три бесконечных часа просидел в библиотеке, пока она корпела над толстенной серой книгой по психологии. Он не замечал ничего необычного. Честно сказать, несколько раз он был готов прекратить эту слежку, просто схватить Кэти, прижать к себе и не отпускать. Но в сумерках, когда она закрыла, наконец книгу, он не мог устоять против искушения пройти за ней через весь кампус к бойко торгующему киоску, где она купила журнал, потом к пиццерии на Университи-авеню, где она взяла газированную воду и маленькую порцию итальянских сосисок

Он наблюдал за ней с автобусной остановки. Болели глаза, сердце – все болело. И он чувствовал это стеснение нерешительности. То ему яростно хотелось верить, что подозрение – только засевавший у него в мозгу демон, больше ничего. То хотелось верить в самое худшее. Почему – он не знал. Словно что-то у него внутри, в самой сердцевине, в генах, требовало твердых доказательств измены – поцелуя, объятий у него на глазах. Требовалось абсолютное знание. Смутно, половинчато Джон понимал, что есть и иной выбор – просто любить ее, любить несмотря ни на что; но неясность, двойственность казалась невыносимой. Ни в чем нельзя быть полностью уверенным, даже если шпионить вечно, ведь всегда остается угроза завтрашней измены, или измены на следующий год, или когда-нибудь в более далеком будущем.

Кроме всего прочего, ему нравилась слезка сама по себе. Ведь он же Кудесник. У него есть эта жилка, этот талант.

Было совсем темно, когда Кэти показалась в дверях пиццерии. Она прошла у него за спиной совсем близко, он даже почувствовал исходящий от нее аромат туалетного мыла. Он вдруг ощутил укол вины, чуть ли не стыда, и все же еще минут десять шел за ней в сторону кампуса, останавливаясь, когда она задерживалась у витрин, где много всего было выставлено перед Днем благодарения. На углу Оук-стрит она позвонила из автомата, большей частью слушала, один раз рассмеялась и пошла дальше к университету. Воздух был свежий, бодрящий, с запахом палой листвы. Самая футбольная погода, прохладная пятница в середине осени, и улица была полна народу – студенты, цветочницы, взявшиеся за руки влюбленные. Никому до него не было дела. Их мир – его и ее – был в безопасности. Все, что обещано, можно верить, все трудности переходящи, все сомнения улетучились на другую планету.

На Нептун, подумал он, на мгновение забывшись. Когда поднял глаза, Кэти уже не было видно.

Какое-то время он с трудом пытался сфокусировать взгляд. Обследовал все тротуары, потом на секунду закрыл глаза, повернулся и зашагал к ее общежитию. Он прождал всю ночь до рассвета. Прождал первые утренние часы.

К тому времени он уже знал.

Это было абсолютное знание. Нутряное, на веки вечные, чистое знание – но даже тогда он продолжал ждать. Он был на месте, когда около полудня она подошла по дорожке к двери общежития. Скрестив руки на груди, исполненный силы, он стоял на ступеньках и смотрел, как она приближается.

– Меня не было дома, – сказала Кэти.

На лице Кудесника промелькнула маленькая тайная улыбка.

– Что верно, то верно, – отозвался он. – Тебя не было дома.

Так или иначе, они поженились.

Церемонию устроили в красивом, ухоженном саду ее родительского дома в западном пригороде Миннеаполиса. На деревьях и кустах висели воздушные шары, внутренний дворик-патио был украшен китайскими фонариками, красными гвоздиками и гирляндами из цветной бумаги. В целом очень мило. Священник говорил про щит Господней любви, оберегающий от несчастий, а потом процитировал – слишком уж театрально, подумал Джон, – кусок из Первого послания к Коринфянам. Странно, но не было той торжественности, какая рисовалась когда-то его воображению. Один раз он взглянул на Кэти и улыбнулся. «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание...» Ее

зеленые глаза блестели. Она наморщила нос Улыбнулась ему в ответ. «...и всю веру, так что могу и горы переставлять...» За несколько домов от них зажужжала газонокосилка. По саду пробежал ветерок, в острых лучах солнечного света играла пыль и вспыхивала листва, на ниточках колыхались белые и розовые шарики. «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан».

Потом священник прочитал молитву.

Они поклялись быть друг другу верными. Поклялись во всем прочем тоже и обменялись кольцами, а потом сестра Кэти пригласила всех в дом. Ее мать преподнесла молодым постельное белье. Отец вручил им ключи от квартиры в Миннеаполисе.

– Я так тебя люблю, – шепнула Кэти, – что мне страшно делается.

Во взятом напрокат «шевроле» они поехали в отель «Рамада», где провели несколько медовых дней в бронированном заранее номере. Секреты останутся при нем. Он никогда не проговорится. На второе утро Кэти спросила, нет ли у него каких сомнений или дурных предчувствий, и Джон, покачав головой, ответил – нет. В конце концов, он же Кудесник, а что за любовь без маленьких тайн?

Они въехали в квартиру сразу после Пасхи.

– Мы будем счастливы, – сказала Кэти, – я точно знаю.

Кудесник рассмеялся и внес ее в дверь на руках. Теперь фокус был – держаться начеку. Он будет оберегать свое превосходство. Секреты так и останутся секретами – что он видел, что сделал. Он выправит все, что можно, он выстоит, он будет жить год за годом, не подавая виду, что тут есть свои фокусы.

Как прошла ночь

Дважды за ночь Джон Уэйд просыпался весь в поту. В первый раз, около полуночи, он повернулся на другой бок и приткнулся к Кэти в каком-то полубреду, в легкой лихорадке; ночной шепот озера и леса бежал сквозь его мозг, как электричество. Позже он откинул одеяло и сказал:

– Христа прикончить.

Подзадоривал, что ли, себя, подначивал.

Он закрыл глаза и стал ждать чего-то жуткого, ждать чуть ли не с надеждой, а когда стало ясно, что ничего не будет, повторил эти слова еще раз, властно, и замер в ожидании ответа. Ничего.

– К чертям собачьим, – сказал он. – Христа прикончить.

Джон Уэйд тихо спустил ноги на пол и, качнувшись, встал. Прошел по коридору на кухню, наполнил водой старый железный чайник, зажег газ, поставил чайник на плиту. Он был совершенно голый. Плечи покрыты загаром, лицо влажное от пота. Чуть постоял неподвижно, соображая, как лучше с ним разделаться. Перво-наперво глаза. Это уж обязательно. Выдавить, вырвать их у гада – кулаками, ногтями, чем угодно, – а там лупить, кусать, дубасить, царапать. Да, Бога, кого же еще. Он крепко рассчитывал, что кончатъ есть кого, что Бог все-таки существует.

Мысль его ободрила. Он уставился в кухонный потолок и принялся изливать душу в пустоту, посылая ей свою тоску, свое унижение.

Чайник на плите легонько фыркнул.

– И ты туда же, – сказал он.

Пожал плечами, вынул чайные пакетики и лег дожидаться на пол кухни. Теперь он ни о чем не думал, просто следил за возникающими цифрами. Все как оно было, в точности. Миннеаполис проигран. И пригороды, и «железный пояс». И все поселки на юго-западе – Пайпстоун, Маршалл, Уиндом, Джексон, Льюверн. Чистая, мощная волна. Сент-Пол проигран в самом начале. Дулут проигран один к четырем. И профсоюзы, и немцы-католики, и вся безликая мелкая сошка. Цифры неумолимы. В мире нет места для жалости. Голая арифметика. Очевидный победитель, потом раз – и раздавлен. Так все и происходит, стремительно. Сегодня ты сосна-загляденье, президентский материал, завтра тебя приходят пилить на дрова. Классический оползень, хоть включай в учебники. Позор и бесчестье. Выплыли наружу кой-какие секреты –

политика из-за угла, сказал Тони Карбо, – и результаты опросов стали скукоживаться на глазах, а печать пошла чесать языками насчет порядочности и нравственности. Фотографии на первой странице. Трупы вповалку в немыслимых позах. Во второй половине августа уже впору было прикрывать лавочку – остались опустевшие кошельки, уклончивые прогнозы, жидкие толпы, новые отговорочки у старых друзей, – и в первый вторник после второго понедельника сентября он проиграл с разницей более 105 000 голосов.

Джон Уэйд видел все как есть.

Надеяться больше не на что.

Скажете, амбиций слишком много. Чересчур высоко забрался или чересчур быстро лез. А для чего же он работал тогда? Ведь у него была вера. Были дисциплина и настойчивость. И он правда верил в эти добродетели, верил в фундаментальный закон справедливости, в элементарную честность: если ты вкалываешь как собака, прешь вперед, не зная усталости, то рано или поздно будешь вознагражден. Кроме политики, он нигде больше себя не мыслил. Три года помощником эксперта по законодательству, шесть лет в сенате штата, четыре тяготящихся года в должности вице-губернатора. Он играл по всем правилам. Провел нормальную, солидную избирательную кампанию – выступал на митингах, добивался заявлений о поддержке, все как полагается, восемнадцатичасовые рабочие дни, ночные бдения, безумный круговорот мотелей, благотворительных мероприятий, десятидолларовых обедов с неизменным цыпленком. Все прошел.

Чайник бодро засвистел, но Джон Уэйд не мог заставить себя шевельнуться.

Политика из-за угла. Отравленная политика.

Нечестно.

Вот она суть-то в чем: нечестно. Уэйд не был верующим, но теперь вдруг принялся говорить с Богом, стал ему объяснять, как он его ненавидит. И не только в выборах дело. Еще эти зеркала в голове. И электрическое жужжание, и вся эта внутренняя химия, и озерно-лесной шепот. Его как ужалило грехом.

Вода уже кипела вовсю; Джон Уэйд рывком поднялся и подошел к плите.

Прихватил железный чайник полотенцем.

По его лицу бродила глупая, бессмысленная улыбка. Этого он не запомнит. Запомнит только горячий пар, свои стиснутые кулаки и напряженные мышцы рук

– Христа прикончить, – сказал он, и это придало ему духу; он вошел с чайником в гостиную, включил свет и принялся лить кипяток на большую цветущую герань у камина. «Христа, Хри-

ста», – повторял он. От цветка пошло шипение. Несколько секунд он слегка раскачивался из стороны в сторону, как от ветра. Уэйд увидел, как нижние листья стали обесцвечиваться и закручиваться краями вниз. Комната наполнилась запахом тропической гнили.

Уэйд что-то напевал себе под нос.

– Теперь порядок. – Он удовлетворенно кивнул. Потом хмыкнул: – Ну дела.

Прошел в дальний конец гостиной, встал поудобней и обварил маленький цветок клеоме. Это не ярость была – необходимость. Он вылил оставшийся кипяток на карликовый кактус, филодендрон, каладиум и другие растения, названий которых не знал. Потом вернулся на кухню. Наполнил еще раз чайник, дождался, пока закипела вода, улыбнулся, расправил плечи и пошел по коридору в их спальню.

Лицо покалывало от пара. Чайник негромко пофыркивал в темноте.

На короткое время он забылся, дал себе поплыть. Лента времени стала разматываться, он не запомнил куда; очнулся он склоненным над постелью. Он покачивался на пятках и смотрел на спящую Кэти.

Странно, подумал он. Это онемение внутри. И кисти рук, существующие отдельно от всего остального.

Он еще постоял, нагнувшись, любуясь загаром на шее и плечах Кэти, морщинками у ее глаз. В неясном свете казалось, что она чему-то слегка улыбается; согнутый большой палец лежал на подушке у самого ее носа. Разбудить бы, подумал он. Да, разбудить поцелуем, а потом признаться, как его мучит стыд, как поражение пропитало его до мозга костей, как он обезумел от боли. Надо было это сделать. Надо было рассказать ей о зеркалах у него в голове. Надо было рассказать о неподъемном грузе зверств, о призраках деревни Тхуангиен, об отраве его сновидений. А потом надо было лечь к ней под одеяло, обнять ее и сказать, что он любит ее больше всего на свете, любит простой, крепкой, голодной, нескончаемой любовью, сказать, что все остальное для него чепуха и преснятина. Всего-навсего политика. Надо было завести разговор о выдержке и преодолении, вспомнить все клише, сказать, что это еще не конец света, что у них еще есть они сами, их брак и их собственная жизнь впереди.

В последующие дни Джон Уэйд будет мысленно перебирать все, что ему надо было сделать.

Он дотронулся до ее плеча.

Поразительно, подумал он, на что способна любовь.

В темноте послышалось какое-то биение, трепет, словно бы крыльев, а потом басовитое, злое жужжание. Он крепче сжал ручку чайника. Руки выше запястий налились странной тяжестью. Вновь – сколько это. Длилось, невозможно было понять, – ночь все вокруг него растворила, и его понесло из самого себя наружу, он захлебывался отчаянием, зеркала у него в голове, вспыхивая, показывали совершенно невероятные вещи: чайник, деревянную мотыгу, исчезающую деревню, рядового Уэзерби и горячий белый пар.

Он будет вспоминать, как пригладил ей волосы назад со лба.

Будет вспоминать, как подтянул одеяло к ее подбородку и вернулся в гостиную, где надолго забылся. Вокруг стояло это яростное жужжание. Пространство и время стали расползаться, потеряли единство. Его обступила неопределенная множественность, и в последующие дни и недели память будет играть с ним всякие мерзкие шутки. Зеркала начнут кривиться на разные лады, на них появятся складки и гребни, ясность будет на вес золота.

Ночью в какой-то момент он стоял по пояс в озере.

В другой момент он почувствовал, что погрузился с головой, – легкие стали каменно-тяжелыми, вода ринулась в уши.

Потом под мрачными звездами он неподвижно сидел на краю причала. Он был голый. Смотрел на озеро, совершенно один.

А потом он проснулся в своей постели. На занавесках играл мягкий розоватый свет.

Несколько секунд он вглядывался в эффекты зари, в бледную рябь и пятна. Ночью его мучил диковинный кошмар. Электрические угри. Красный кипяток.

Джон Уэйд протянул руку, желая дотронуться до Кэти, но ее не было на месте, и он, обхватив подушку, снова канул в глубины.

Предположение

Может быть, что-нибудь совсем простое.

Может быть, Кэти той ночью проснулась в страхе. Может быть, перепугавшись, она взяла и ушла.

Конечно, все это одни догадки – может быть, то, может быть, это, – но, кроме догадок, мы вообще ничего не имеем.

Итак, что-нибудь совсем простое.

Ночью он выкрикивал всякие гадости, она вполне могла услышать, а потом почувствовать запах пара и мокрой земли. Почти наверняка она тогда бы встала с постели. Вышла бы в коридор, подошла к двери гостиной и увидела, как он льет кипяток на герань, филодендрон и молоденький цветок клеоме. «Христа прикончить», – услышала она и попятилась.

Затем все могло получиться само собой. Она бы повернулась и, пройдя кухню, вышла в ночь.

«Отчего?» – думала она.

Христа прикончить. Этот зверский голос. Не его.

Потом она долго стояла на темном ветру за дверью коттеджа, боясь двинуться, боясь оставаться неподвижной. Босиком. На ней были трусики и фланелевый халатик, больше ничего.

Хороший человек. *Так отчего же?*

Обхватив себя руками, съезжившись от холода, Кэти смотрела, как он бредет на кухню, вновь наполняет чайник, ставит на огонь. Движения жесткие и механические. Как лунатик, сказала она себе, и, наверно, ей бы надо войти в дом и тряхнуть Джона, разбудить. Ведь муж ее. И она его любит: Истинная же правда – сколько лет вместе прожили, чего ей бояться?

Да нет, не то, подумала она. *Он* не тот. Сквозь сетчатую дверь его лицо выглядело усталым и помятым, с резкими морщинами, словно прочерченными ножом. Он похудел, волосы стали реже, он горбился, как старик Вдруг лег около плиты на пол, голый, темный от загара, и стал что-то говорить кухонному потолку. Совсем не тот, кого она знала – или думала, что знает. Она любила его как сумасшедшая, такой-то любви она всегда и хотела, но чем дальше, тем больше это становилось похоже на жизнь с незнакомцем. Слишком много секретов. Слишком много тайников в стенах. А теперь это яростное лицо. Даже сквозь сетку было видно, как потемнели у него глаза.

– Ну еще бы, – сказал он. – Срань христовая.

Потом:

– Ты!!

Он ухмыльнулся какой-то своей мысли.

Перевалившись на бок, обеими руками с силой вцепился себе в лицо, стал его бороздить, царапать ногтями – и засмеялся опять, что-то пробормотал нечленораздельно.

Чуть позже послышалось:

– Превосходно.

Снова Кэти охватил страх. Она посмотрела на такую фунтовую дорогу. До Расмуссенов и мили не будет, от силы двадцать минут ходу. Вызвать врача; дадут какое-нибудь успокоительное. Потом раздумала, покачала головой. Лучше выждать, посмотреть.

Теперь она чувствовала в основном жалость. Все, что было для него важно, пошло псу под хвост. Карьера, репутация, самооценка. Больше чем кто бы то ни было Джон нуждался в зримых проявлениях человеческой любви – любви абсолютной, безусловной. Любви без границ. Как голод, подумала она. Им правила какая-то гигантская пустота, неутолимая потребность тепла и успокоения. Политика была просто термометром любви. Результаты опросов давали ей численную меру, выборы подвели официальный итог.

Только вот ничего все равно его не удовлетворяла Государственная служба – никоим образом. И семейная жизнь – тоже.

Кэти постояла запрокинув голову, глядя в ночное небо. Она с удивлением увидела почти полную луну; гряда туч быстро проплывала на север. Кэти перебирала все, что было в душе. Жалость; но не только она. Подавленность. Усталость после поражения. Выборы, казалось, прошли уже век назад, и теперь у нее оставались лишь смутные воспоминания о последних несчастных неделях сплошных разъездов. Весь август и начало сентября – с тех пор, как поднялась эта шумиха в газетах, – было только ожидание конца, именно такого конца, какой настал в действительности. Никакой надежды. Никакой даже притворной надежды. В последнюю неделю они объезжали города «железного пояса», выслушивали наказания, махали руками толпам, которые больше не были толпами. Укор во взглядах, жидкие аплодисменты. Пришли поглазеть на уroda. В день первичных выборов они совершили короткий перелет обратно в Миннеаполис, приземлились уже в сумерках, и даже теперь, в воспоминаниях, вся эта сцена отдавала дешевым голливудским сценарием – нескончаемый дождь, невзрачная группка людей под зонтиками в аэропорту. Она вспомнила, как Джон шел вдоль цепной ограды, пожимая руки, его лицо в серой хмари выглядело застывшим. Когда он уже отходил, из толпы вдруг раздался одинокий голос, женский, не очень гром-

кий, но необычайно ясный и чистый, как серебряный колокольчик. «Неправда это!» – крикнула женщина, и плоскости его лица шевельнулись, дрогнули. Он ни слова не сказал, Не повернулся, не помахал ей. Короткая пауза; потом, взглянув в низко нависшее небо, он улыбнулся. Глаза уже не были загнанными – они вспыхнули воодушевлением. «Неправда это!» – опять воскликнула женщина, и на этот раз Джон сделал движение плечами, то ли подтверждающее, то ли извиняющееся, достаточно мимолетное, чтобы можно было потом отрицать его вовсе, и достаточно выразительное, чтобы задуматься о его скрытом смысле.

В тот вечер в гостинице она набралась храбрости и спросила его об этом. Начали появляться первые результаты, совершенно жуткие, и ей запомнились глаза Джона, прикованные к экрану телевизора.

- Что – правда или неправда?
- То, что они пишут. Про тебя.
- То, что пишут?
- Ну да.

Он поменял канал дистанционным переключателем, завел за голову ладони со сплетенными пальцами. Даже в эту минуту он избегал встречаться с ней взглядом.

- Все на свете правда. И все на свете неправда.
- Я ведь твоя жена.
- Верно, – сказал он.
- Ну так что?

– Ну так ничего. – Его голос раздавался тихо, монотонно. Он прибавил звук телевизора. – Это все прошлые дела, Кэт. Хочешь прошлое ворошить, давай начнем с твоего дантиста.

Она опустила глаза на переключатель.

- Прав я или нет? – спросил он.

Она кивнула.

- Вот и прекрасно, – сказал он. – Я прав.

Тут зазвонил телефон. Беря трубку, Джон улыбнулся Кэти. В тот же вечер в танцевальном зале гостиницы он произнес яркую речь, поздравляя победителя. Потом они с ней взялись за руки, махали собравшимся и притворялись, что не знают того, что знают.

Бесконечное притворство, подумала она.

Чайник резко засвистел. Джон встал, снял его с плиты и двинулся по коридору к спальне. Выждав секунду, она толкнула сетчатую дверь и вошла в дом. В ней, как пена, поднялась тошнота. Она посмотрела на кухонную тумбочку, где раньше был телефон. Постояла неподвижно, раздумывая, что делать.

Газ все горел. Она выключила его и вошла в гостиную, тут-то и лопнула какая-то проволочка у нее внутри. Возможно, запах. Погибшие растения, растекающаяся по полу лужа воды.

Может быть, она сразу повернулась и выбежала в ночь.

А может быть, нет.

Может быть, движимая то ли любопытством, то ли чем еще, она прокралась по коридору к спальне. Встала в дверном проеме, вглядываясь в неясные очертания – темнота, пар, Джон, склонившийся над кроватью, как садовник над грядкой. Он не повернулся, не поднял головы. Казалось, он далеко, в других мирах. Тихо, чуть ли не вопросительно, Кэти позвала его по имени и увидела, как он, нагнувшись над постелью, поднял чайник. Запахло мокрой шерстью. Послышалось шипение. Он ухмылялся себе под нос, приговаривая: «Вот так, вот так», и в этот миг она, должно быть, поняла, что сама помочь ничем не может и никогда не могла.

Дальнейшее – простое следствие.

Быстро пошла обратно. Страх кончился, мысли – только о том, что нужен врач; натянула свитер и джинсы, бегом на кухню, зашнуровала кроссовки и помчалась по дороге к дому Расмуссенов. Потом – разное могло случиться. Не туда свернула. Разрыв связки, сломанная нога.

Может быть, она заблудилась.

Может быть, она и теперь там лежит.

О природе любви.

Как-то раз они были на шикарном ужине – очередное политическое мероприятие, – и после пары бокалов Джон Уэйд взял Кэти за руку и сказал: «Пошли». Он вывел ее к машине, отвез домой, принес на руках в кухню и овладел ею, прижав ее к холодильнику. Потом они вернулись на ужин. Джон произнес потешную маленькую речь. Под конец он показал два-три фокуса, все хохотали и яростно аплодировали, а когда он вернулся на свое место, Кэти взяла его за руку и сказала: «Пошли».

– Куда? – спросил Джон.

– Выйдем. Тут есть сад.

– Смотри, декабрь все-таки.

Кэти пожалала плечами. Они были женаты неполных семь лет. Страсть еще не утихла.

То, что Джон Уэйд пошел на войну, было заложено в природе любви. Не ради того он пошел, чтобы гробить других или себя, не ради того, чтобы быть хорошим гражданином, или героем, или человеком нравственного долга. Только ради любви. Только чтобы быть любимым. Он воображал, как отец, которого уже нет на свете, говорит ему: «Был, значит, там, стервец ты этакий, все, к чертовой матери, сделал как надо – ну, горжусь, ублажил так ублажил». Он воображал, как мать утюжит его форму, натягивает сверху пластиковый мешок и вешает в шкаф, чтобы потом нет-нет да и открыть, полюбоваться, потрогать. А иногда Джон воображал свою собственную к себе любовь. Любовь без риска ее потерять. Он воображал, как навеки завоюет любовь какой-то незримой таинственной публики – людей, которых он когда-нибудь встретит, людей, которых уже встречал. Порой он совершал дурные поступки только ради того, чтобы его любили, а порой сам себя ненавидел за то, что так сильно нуждается в любви.

Когда Джон и Кэти учились в колледже, они ходили танцевать в «Бутылочное горлышко» на Энпен-авеню. Они прижимались друг к другу крепко-крепко, даже когда шла быстрая музыка, и танцевали, покуда им не отказывали ноги, а потом садились в одном из полутемных отсеков и затевали игру под названием «попробуй», или «подначки». Правил в этой игре не было никаких. «А попробуй, – могла сказать Кэти, – стащить с меня колготки», и Джон продумывал детали операции, просчитывал углы и

сопротивления, потом кивал головой и запускал руку под стол. Это было познание друг друга, исследование взаимных возможностей.

В другой вечер он подначил ее украсть из бара бутылку виски. «Тоже мне задачка, – сказала Кэти. – Легче легкого». Она разгладила юбку, встала, перекинулась парой слов с барменом, а когда тот отлучился в заднюю комнату, зашла за стойку и что-то очень долго изучала образцы напитков. Наконец передернула плечами – ничего, дескать, особенного, – засунула бутылку под жакет, вернулась в отсек, улыбнулась Джону и подначила его пойти спросить два стакана.

Он был сам не свой от любви. Раз снял с нее белую теннисную туфлю. Шариковой ручкой вывел: ДЖОН + КЭТ. Окружил надпись сердечком, надел туфлю ей на ногу, завязал шнурок.

У Кэти такая сентиментальность вызвала смех.

– Давай поженимся, – сказал он.

Но до того, как они поженились, был Вьетнам, где Джон Уэйд убивал людей и откуда он слал длинные письма, полные мыслей о природе их любви. О том, как он убивал, в письмах речи не было. Он писал, как ему одиноко, как он мечтает уснуть, положив руку на косточку ее бедра. Он писал, что без нее он как потерянный. Писал, что она – его компас. Что она – его солнце и звезды. Он сравнивал ее и себя с парой змей, которых он однажды увидел на тропе около Розового сектора, – каждая пожирала другую с хвоста, и диковинное кольцо страсти становилось все уже, головы все сближались, пока один из третьей роты не разрубил кольцо ножом. «Вот какая она, наша любовь, – писал Джон, – мы тоже друг друга пожираем, но только *по-хорошему*, ням-ням, вкуснятина, и мне не терпится вернуться и посмотреть, что же будет, когда две придурочные змеи слопают наконец друг друга с головой. Ты только представь. Классная выйдет математика!» В других письмах он писал, как красива эта страна с ее рисовыми полями, горами, джунглями. Он писал об исчезающих у него перед глазами деревнях. Писал о своем новом прозвище. «Ребята зовут меня Кудесником, – писал он, – и знаешь, мне это нравится. Заряжает, что ли, дает уверенность, будто я и вправду что-то могу, имею какую-то власть. В общем, здесь не так уж и плохо, по крайней мере на сегодняшний день. И я люблю тебя, Кэт. Помнишь, я писал про этих полоумных змей – один плюс один равняется нулю!»

Когда Джону Уэйду было девять или десять, он часто, листая в постели свои каталоги магического реквизита, записывал, что бы он хотел купить: парящие в воздухе стеклянные шарики, трубки

и аппаратуру для радужных фантасмагорий, лопающиеся воздушные шары, у которых внутри оказывается цветок. Он заносил все цены в маленький блокнотик, сразу вычеркивал то, что явно не по карману, и по субботам, встав очень рано, отправлялся на автобусе через весь город в Сент-Пол в «Магическую студию» Сандры Карра – один, без провожатых, сорок минут езды.

Приехав, стоял некоторое время на улице у магазина – нужно было собрать волю в кулак.

Это было непросто. Заведение пугало его не на шутку. С напускной небрежностью он бросал взгляд на витрину, проходил мимо, потом возвращался, и так несколько раз; в конце концов, сделав глубокий вдох, говорил себе: «Ну! Что бы он подумал! Ну!» – и быстро входил внутрь, пробегал мимо рекламных образцов под стеклом, и голова его наполнялась сверкающим оборудованием, которое он по каталогам знал как свои пять пальцев: «Мечта бедняка», «Рог изобилия», «Китайские кольца», «Дух тьмы». Там были и шнуры для фокусников, и шарики из губки, и особые подставочки-«серванты», и целая полка с шелковыми платками и лентами – но в каком-то смысле он ничего этого не видел.

Стоящая за прилавком молодая женщина с оранжевыми волосами вскидывала на него брови.

– Ты! – восклицала она.

От вида этой женщины у него по коже мурашки бежали. От ее прокуренного голоса. От пылающих, морковного цвета, волос.

– Ты! – говорила она или выкрикивала со смехом: – Фокус-покус! – но к этому моменту Джон обычно уже был за дверью. Каждая такая бестолковая поездка приводила его в смятение. Особенно Морковная дама. Эти ярко-оранжевые волосы. Как она смеялась, вскидывала брови и кричала: «Ты!» – во весь голос – словно она *знала*.

Обратный путь всякий раз был мучением.

Когда он входил в кухню, отец поднимал на него глаза со словами: «А, явился, малолетний Мерлин»; мать хмурилась, клала ему на стол сандвич и возвращалась к плите. Напряжение усиливалось. Отец некоторое время смотрел в окно, потом хмыкал и говорил:

– Ну, что новенького в стране чудес? Много добра в рукаве приволол?

Джон отвечал:

– Да разное там. Ничего особенного.

Голубые затуманенные глаза отца опять поворачивались в сторону окна, рассеянные и ожидающие, как будто во дворе вот-вот должно было возникнуть нечто небывалое. Иногда он качал головой. Иногда ухмылялся или щелкал пальцами.

«Суслики» наши миннесотские как играют, – говорил он. – Прямо баскетбольная лихорадка. Давай-ка, дружище, закатимся на матч завтра. – Он посылал ему через стол улыбку. – Как?

– Может быть, – отвечал Джон.

– Всего лишь может быть?

– У меня дела другие есть.

Глаза отца медленно, как магнитом, вело к окну, он опять принимался там что-то высматривать. В кухне сразу становилось очень тихо.

– Ладно, вольному воля, – говорил отец. – «Может быть» – уже кое-что, сын. С меня и «может быть» хватит.

Что-то было нехорошо. С солнцем, с утренним воздухом. Вокруг него бушевал пулеметный огонь, пулеметный ветер, и этот ветер словно подхватил его и принялся носить с места на место. Он увидел молодую женщину с разверстой грудной клеткой, без легких. Он увидел мертвый скот. Кругом пылали пожары. Пылали деревья, пылали хижины, пылали облака. Кудесник не знал, куда стрелять. Не знал, во что стрелять. И он стрелял в пылающие деревья и пылающие хижины. Стрелял в изгороди. Стрелял в дым, который отвечал стрельбой; потом он спрятался за кучей камней. Видел, что-то движется – стрелял туда. Видел что-то неподвижное – тоже стрелял. Если в поле зрения не было врага, вообще ничего не было, он стрелял в пустоту с одним-единственным желанием – разделаться с этим жутким утром.

Когда все кончилось, он оказался в жидкой грязи на дне ирригационного рва.

Сверху на него смотрел рядовой Уэзерби.

– Здорово, Кудесник, – сказал Уэзерби. Он начал было улыбаться, но Кудесник застрелил его.

Джона Уэйда выбрали в сенат штата Миннесота 9 ноября 1976 года. Они с Кэти разорились на шикарный гостиничный номер в Сент-Поле, где отпраздновали успех с дюжиной друзей. Сильно за полночь, когда уже все разошлись, они заказали в номер два бифштекса и бутылку шампанского. Кэти всё величала его «господин мой сенатор», а Джон говорил, что это излишне, достаточно «досточтимый сэр»; потом он схватил пустую бутылку, как микрофон, стянул брюки, трусы и запел, плывя по комнате: *Пардон, я перебрал слегка*; Кэти с визгом хлопнулась на кровать, схватила себя за лодыжки и принялась кататься, выкрикивая со смехом: «Досточтимый сэр сенатор!»; а Джон скинул и рубашку, сделал несколько скользких движений в стиле Сина-тры и запел: *Меня немало жизнь потрепала*, и зеленые глаза Кэти были влажными, счастливыми и полными огня, который был только

ее огнем и не мог быть больше ничьим.

Однажды вечером третья рота добрела до тихой рыбацкой деревушки на Южно-Китайском море. Ребята провели, как положено, по белому песку внешнюю границу, вволю наплавались, окопались на ночь. На рассвете их обстреляли из минометов. Снаряды большей частью легли в море – плохая наводка, никто не пострадал, – но когда все кончилось, Кудесник, взяв несколько человек, отправился в деревню. Целый час, наверно, всех выковыривали – около сотни женщин, детей и стариков. Уж как они боялись, как лопотали, когда их вели на берег, чтобы развлечь сеансом магии. На фоне морских волн Кудесник показал им фокусы с картами и с бечевками. Вытащил из уха горящую сигару. Превратил грушу в апельсин. Продемонстрировал обычную военную рацию, что-то в нее пошептал – и деревня исчезла. Непростой, конечно, трюк, тут понадобились артиллерия и белый фосфор, но эффект того стоил.

Чудесное солнечное утро. Народ сидит на бережку, стар и млад, и только и слышно что «ох» да «ах», – была деревня, и нет.

– Гудини гребаный, – сказал кто-то из ребят.

В детстве Джон Уэйд проводил долгие часы в подвале, отрабатывая фокусы перед старым зеркалом в полный рост. У него на глазах шелковые материнские шарфики меняли цвет, монетки превращались в белых мышей. В зеркале, где происходили чудеса, Джон больше не был жалким одиноким мальчуганом. Он получал верховенство над миром. Изящно и быстро его руки могли делать то, что обыкновенным рукам не под силу, – поднимать раскрытой ладонью зажигалки, перерубать движением большого пальца колоды карт. Все было возможно – даже счастье.

В зеркале, где Джон Уэйд большей частью жил, он запросто читал мысли отца. Мысли добрые, бесхитростные. «Ну и люблю же я тебя, ковбойчонок», – мог подумать отец.

Или он мог подумать: «Ерунда, школьные отметки – это еще не все».

Зеркало делало это возможным, и Джон часто брал его с собой в школу, или на бейсбол, или вечером в постель. Это был особый фокус – как незаметно уместить у себя в голове старое зеркало в полный человеческий рост. Понарошку, конечно, – это он понимал, – но он чувствовал себя куда спокойней и уверенней, если позади его глаз располагалось большое зеркало, так что он всегда мог скользнуть за стекло, мог превратить дурное в хорошее и просто быть счастливым.

В зеркале все было намного лучше.

В зеркале отец постоянно улыбался. Зеркало делало так, что бутылки со спиртным исчезали из тайника в гараже, и оно же помогало преодолевать напряженное, злое молчание за ужином. «Как там школа нынче?» – спрашивал в зеркале отец, Джон выкладывал кой-какие свои заботы – так, по мелочи, школьные дела, – и отец, опять же в зеркале, говорил: «Не беда, перемелется, жизнь она жизнь и есть. И не забывай, что мы с тобой закадычные друзья». После ужина Джон видел, как отец тихонько пробирается в гараж. Это был самый трудный момент. Тайное пьянство, в котором давно не было ничего тайного. Но в зеркале Джон шел в гараж вслед за ним, и там они вместе стояли в полумраке среди грабель, шлангов и гаражных запахов, и отец точно ему все объяснял, что да почему. «Одну последнюю, маленькую, – говорил отец, – а потом мы все эти поганые бутылки расколошматим». «Вдребезги», – говорил Джон. И отец поддакивал: «Верно, сынок. Вдребезги».

Во многих отношениях его отец был замечательный человек, даже без всякого зеркала. Умница, шутник. Людям нравилось проводить с ним время, и Джону, само собой, тоже; всякий соседский мальчишка, проходя мимо, обязательно останавливался перекинуться с ним футбольным мячом, послушать его байки и прибаутки. Как-то раз в школе, классе в шестом, учительница велела каждому подготовить пятиминутную речь на совершенно произвольную тему, и Томми Уинн взялся говорить про отца Джона, какой он классный дядька, и веселый, и свойский, и всегда-то у него время находится просто так постоять, потрепаться о том о сем. В конце речи Томми Уинн посмотрел на Джона с печалью и укором; он долго-долго не отводил глаз. «Мне одного только хочется, – сказал Томми, – чтобы он был *моим* отцом».

Только вот не все Томми Уинн знал.

Он не знал, что с четвертого класса, когда Джон чуть располнел, отец стал называть его Джонни-студень. Считал, видимо, что это смешно. Считал, что так заставит Джона умерить свой аппетит.

За ужином, если только не было гробового молчания, отец пощелкивал языком и приговаривал:

– Вот те на, глянь только, как парень наворачивает, узнаю нашего Джонни-студня, – и бросал взгляд на мать, которая вскидывалась:

– Прекрати, он не толстый вовсе, просто плотный.

– Хрен тебе, плотный, – хохотал отец.

Иногда на этом все кончалось.

Иногда отец выставлял большой палец в сторону подвальной двери:

– А все эта магия пидерная. С чего это ему бейсбол так опротивел, вообще всякий спорт? – Он качал головой. – Гомик слюнявый растет.

Поздно вечером, перед сном, Джон и Кэти часто гуляли, взявшись за руки, по окрестным улицам, смотрели на дома и рассуждали, какой из них когда-нибудь купят. Кэти влюбилась в один старый голубой особняк в викторианском стиле напротив Эджвуд-парка. У него были белые ставни и веранда, охватывавшая его с трех сторон; во двореике, обнесенном белым штaketником, росли цветы, папоротники и кусты азалии. Иногда Кэти останавливалась посмотреть на дом еще раз, и ее губы шевелились, словно она хотела запечатлеть в памяти все его детали, и Джон тогда ощущал почти эротическое вожделение к удаче и успеху, трепет и горячий ток в клапанах сердца. Ему хотелось, чтобы все происходило скорее. Хотелось выучиться такому фокусу, чтобы голубой викторианский особняк немедленно появился в их жизни.

Постояв некоторое время, Кэти вздыхала и смотрела на Джона долгим трезвым взглядом. «А попробуй-ка банк ограбить», – говорила она, и это просто-напросто означало, что все на свете особняки могут подождать, что важна их взаимная любовь, а прочее не имеет значения.

Они понимающе улыбались друг другу, обходили пару раз вокруг парка и возвращались к себе в квартиру.

Кудесник полагал, что с убийством все образуется. Он в это верил. После того, как он застрелил рядового Уэзерби – это был несчастный случай, рефлекс, ничего больше, – он убедил себя, что все произошло не так, как на самом деле, а так, как ему хотелось думать. Он воображал, что не несет ответственности; воображал, что просто не мог этого сделать и, следовательно, не сделал; воображал, что это все несущественно; воображал, что если тайна останется у него внутри, вместе с другими тайнами, то он сможет обмануть весь мир и себя самого в придачу.

Он вел себя совершенно естественно. Слезы, навернувшиеся на глаза, шли из сердца. Он любил рядового Уэзерби братской любовью.

– Проклятый вьетконг, – сказал он, когда труп Уэзерби погрузили на вертолет. – Зверюги проклятые.

В 1982 году в возрасте тридцати семи лет Джона Уэйда выбрали вице-губернатором. Не все, конечно, у них с Кэти было гладко, но они верили в счастье, верили, что у них достанет сил заставить его сбиться, и его распирало от гордости, когда, возложив руку на Библию и глядя Кэти прямо в глаза, он произносил слова торжественной клятвы, а в душе давал свою клятву, личную. Он будет

уделять ей больше внимания. Он начнет потихоньку разузнавать, какие сейчас цены на голубые викторианские особняки. Все теперь у них будет по-другому.

В тот вечер на банкете по случаю вступления в должность, после тостов и речей, Джон повел ее танцевать и внимательно, как первый раз в жизни, на нее посмотрел. На ней было короткое черное платье и стеклянные серьги. Ее глаза были только ее глазами, и ничьими больше. «Бог ты мой, Кэт, – только и мог он сказать в то мгновение. – Бог ты мой, Кэт».

Однажды перед Рождеством, когда Джону было одиннадцать, отец поехал с ним в «Магическую студию» Карра выбирать ему подарок.

– Что только душа пожелает, – сказал отец, – Не робей, дружище. Куй железо, пока горячо.

В магазине все было по-прежнему. Те же самые образцы под стеклом, та же самая женщина с морковными волосами за прилавком. Едва они вошли, она крикнула: «Ты!» – и вскинула брови, как всегда делала. Она была вся в черном, если не считать пары медных браслетов, янтарного ожерелья и двух наклепленных на щеки сверкающих зеленых звезд.

– Малолетний маг, – сказала она, отец со смехом подхватил: – Малолетний Мерлин, – и они мигом разговорились, старые друзья прямо.

В конце концов Джон, не выдержав, кашлянул.

– Ну что же, этак мы Рождество пропустим. – Он показал на один из стеклянных ящичков. – Вот здесь.

– Что? – переспросил отец.

– Вот оно, здесь. То, что я хочу.

Отец наклонился взглянуть поближе.

– Да, да, это, – сказал Джон. – «Смертельная гильотина».

Штуковина была не маленькая. Тянула фунтов на пятнадцать, не меньше, в высоту почти два фута. В каталогах он ее видел, наверно, раз сто и, конечно же, знал секрет, в котором ничего хитрого не было, – но когда Морковная дама поставила машину на прилавок, он все равно почувствовал в животе упругое подрагивание. Машина была черная, блестящая, с красной эмалевой полосой и сверкающим хромированным лезвием.

Морковная дама наклонила к ней голову чуть ли не с нежностью.

– Моя любимица, – сказала она. – Самая-самая.

Она зашла в заднюю комнату и вернулась с большим огурцом. Дешевая уловка – Джон-то знал, что к чему будет сейчас им продемонстрировать, что лезвие настоящее, острое. Она вставила огурец в деревянный хомут гильотины, повернула винт, отступи-

ла на шаг, подняла хромированное лезвие и отпустила. По прилавку покатались две аккуратные половинки огурца.

– Полный порядок, – сказала Морковная дама. – Она стрельнула глазами в сторону отца. – Теперь пожалуйста вашу руку

– Простите, не понял?

– Вашу руку, – повторила она.

– Да ни за что на свете, – хохотнул отец.

– Ну-ка долой пиджак

Отец вымученно улыбнулся; он был высокий, солидного вида мужчина с курчавыми черными волосами, голубыми глазами и покатыми сильными плечами. С пиджаком он что-то долго возился.

– Смертельная гильотина, надо же, – бормотал он. – Очень необычно.

Просовывайте ладонь до запястья. И никаких резких движений.

– Боже, – сказал он.

– Вот так, молодцом.

Весело блеснув глазами, Морковная дама подняла лезвие. Поддержала несколько секунд, потом поманила Джона к себе за прилавок

– Знаешь секрет? Глаза у отца забегали.

– Стойте, какой еще секрет, ничего он не знает.

– Знаю, – сказал Джон. – Тут просто.

– Да вы что, черт побери, ребенок не имеет ни малейшего...

– Просто, я говорю.

Отец нахмурился, сжал свободную руку в кулак, нахмурился еще больше. Рука в хомуте гильотины выглядела мощной, мясистой.

– Нет, вы меня послушайте, инструкция-то где? Такие вещи без инструкций не продают. Я серьезно спрашиваю. Письменная инструкция должна быть.

– Ах ты господи, – сказал Джон, – тебе же велено не дергаться.

Он взялся за рукоятку лезвия.

Власть – вот в чем вся штука.

Морковная дама скрестила руки на груди. Зеленые звезды у нее на щеках вспыхивали огнем вожделения.

– Давай, давай, – сказала она. – Сейчас он свое по лучит.

В иные дни Джон Уэйд хотел раскроить Кэти живот, заползти внутрь и остаться там навсегда. Он хотел плыть с током ее крови, карабкаться по ее позвонкам, пить из ее матки, прижиматься животом к тугой красной мышце ее сердца. Он хотел срастить свою плоть с ее плотью.

И это почти всегда было ужасно. Он боялся ее потерять. У него были свои тайны, у нее свои.

И, бывало, опять шли в ход шпионские штучки. С утра по субботам он крался за ней в химчистку на Окаби-на-авеню, потом в аптеку, потом на почту. Пересекал следом за ней улицу, заходил в супермаркет, смотрел издали, как она возит тележку взад-вперед по проходам, потом бежал домой и ждал ее возвращения.

– Ну, что сегодня на обед? – спрашивал он, и Кэти, быстро взглянув на него, отвечала:

– Сам мне скажи.

Мимолетно, пока Кэти разбирала продукты, ее глаза темнели, покрывались серыми пятнышками. Вот глаза-то, думал он. Он хотел высосать их из орбит. Хотел ощутить на языке их вес, насладиться вкусом белка, покатать их во рту, как лимонные леденцы.

В это время он просто смотрел, как Кэти опорожняет магазинные пакеты.

– Может, конечно, я свихнулась, – говорила она, – но у меня часто бывает это неудобное чувство. Будто ты меня преследуешь. Червяком каким-то внутрь заползаешь.

Джон улыбался своей фирменной улыбкой кандидата.

– Верно-верно. Правда, не червяком. Змеей.

– А сегодня не выходил?

– Куда не выходил?

– Не знаю куда. Мне просто показалось...

Он крепко притискивал ее к холодильнику. Рукой нащупывал косточку бедра. Шептал ей в ухо:

– Ох и люблю же я тебя...

– Так ты не выходил?

– Давай будем кобрами. Ты да я. Слопаем друг друга.

Кудесник пребывал в своей стихии. То был край, изобилующий потайными ходами, туннелями и подземельями, в которых обитали разнообразные духи и призраки, край, где всеобщим увлечением была магия и где самый сложный реквизит всегда был под рукой: взрывающиеся железные сосуды, волшебные жидкости, всевозможные средства левитации – благодаря им ты мог и сам отправиться на небо, и других отправить; край, где даже воздух был и реальностью, и фикцией, где что угодно могло мгновенно превратиться во что угодно другое. То был край, где порядочность переплелась с диким варварством, где ты мог взмахнуть волшебной палочкой и превратить зубы в зубную пасту, цивилизацию в мусор, где ты мог произнести заклинание в микрофон рации, а потом, усевшись, посмотреть представление – какие вам еще нужны чудеса, какие тайны? – край, где любой предмет, любая

мысль, любое время суток светились всеми невыразимыми загадками человеческой истории. Кругом высились темные непроходимые джунгли. Скалились трупы. Сама война была загадкой из загадок. Никто не знал, к чему все это, зачем они здесь, кто первый начал, кто берет верх, чем это может кончиться. Секреты были на каждом шагу – мины-ловушки в придорожных кустах, сюрпризы от вьетконга, прикрытые красной глиной. И люди, люди. Молчаливые раскосые старцы, дети с ввалившимися глазами, шамкающие старухи. Чего они хотели? Что чувствовали? Кто из них были вьетконговцы, кто свои, кому было все едино? Сплошь тайны. История была тайной. Земля была тайной. Тут были тайные склады оружия и провианта, тайные тропы, тайные шифры, тайные задания, тайные ужасы, соблазны и сожаления. Тайна была превыше всего. Война и тайна были – одно и то же. Человек мог проявить отчаянную смелость – атаковать бункер, к примеру, или стоять в полный рост под огнем, М1 а потом все отводили глаза и молчали, пока кто-нибудь не спрашивал: «Как это ты, на хер, сумел?» – и храбрец только моргал и качал головой, потому что не знал он, что ответить, потому что это была одна из непостижимых тайн его души.

У Кудесника были свои собственные тайны.

Рядовой Уэзерби – это во-первых. Во-вторых, как сильно он полюбил этот край, Вьетнам, который стал ему родным домом. И была еще самая глубокая тайна из всех, тайна деревушки Тхуангиен, тайна, которую он даже для себя самого сделал почти недоступной.

Джон Уэйд знал, что он не в порядке, и однажды вечером завел об этом разговор с Кэти. Хотелось избыть засевший внутри страх.

– Трудно объяснить, – сказал он, – но я иногда не чувствую земли под ногами. Словно я и здесь, и не здесь.

Они были у себя дома, готовили ужин, и в квартире стоял запах лука и гамбургеров.

– Для меня ты здесь, – ответила Кэти. – Очень даже здесь, и мне с тобой очень здорово.

– Этому я рад. Но вот что-то я смотреть на себя боюсь. В буквальном смысле. Не могу глядеть себе в глаза, когда стою перед зеркалом, – по крайней мере, долго не могу. Начинается страх, что я где-то окажусь в другом месте.

Кэти подняла глаза от луковицы, которую резала.

– Что до меня, так мне смотреть на тебя одно удовольствие. Второе по силе в списке моих удовольствий.

– Замечательно. И все-таки, знаешь...

Джон выложил гамбургеры на блюдо. Кэти кинула сверху лук. В ее движениях проглядывала нервозность, словно ей были из-

вестны некие истины, но она не хотела нести эту ношу – знать то, что знает. Такова уж была природа их любви.

– А может, бог с ним, с ужином, – сказала она. – Доставь мне первое из удовольствий.

– Я ведь серьезно.

– Я тоже.

– Кэт, послушай, нам надо поговорить. Со мной нехорошо – были дела кой-какие.

– Не имеет значения.

– Нет, имеет.

Она ласково улыбнулась, глядя поверх его плеча.

– Хочешь, в кино сходим?

– Грязные дела.

– Кино не повредит.

– Черт, ты совершенно не...

Она взяла блюдо с гамбургерами.

– У нас все будет здорово. Просто отлично.

– Это да, – сказал он.

– Вот увидишь.

– Да.

Секунду-другую помолчали. Он смотрел на нее, она на него. Могло повернуться так, могло эдак.

Про рядового Уэзерби Кудесник словом никому не обмолвился. Ведь это, как ни крути, был чистый рефлекс. Но много дней потом ему было не по себе – то словно хмель в голову ударит, то печаль накатит. Ночью в карауле, вглядываясь в темноту, Кудесник вдруг видел, как рядовой Уэзерби начинает улыбаться, потом опрокидывается навзничь, потом смешно выбрасывает руку в сторону.

Словно машину хотел остановить, думал Кудесник. Несчастный недотепа, которого так никто и не подсадил.

Вечером после похорон отца Джон Уэйд спустился в подвал и принялся упражняться в магии перед большим зеркалом. Он делал пассы и отвлекающие движения. Он обращался к отцу. «Не был я толстый, – говорил он. – Я нормальный был». Он превратил горстку монет в четырех белых мышей. «И никаким я не был студнем. Ничего даже похожего. Не был, и все».

Такова уж была природа их любви, что Кэти не уговаривала его пойти к психиатру; сам он не видел в этом нужды. Мало-помалу он затолкал недуг внутрь, подальше Он уверенно двигался по поверхности своей жизни – общественной, семейной. Совершал обычные манипуляции, видел обычные сны. Иногда, впрочем, он кричал во сне – кричал громко, отчаянно, изрыгал грязную ругань, – и Кэти трясла его, спрашивала, что случилось. В ее глазах

стоял нешуточный страх.

– Голос даже был чужой, – говорила она. – Как не ты кричал.

Джон вымученно улыбался. Он ничего не помнил – потемки, и все.

– Сон плохой приснился, – объяснял он и вроде сам себе верил, но звучало не слишком убедительно, и он это чувствовал. Он прижимал ее к себе. Лежал неподвижно с широко открытыми глазами, успокаиваясь от прикосновения к ее коже.

А потом, когда она засыпала, Кудесник долго, иногда часами, лежал и смотрел на жену.

Порой он произносил слова.

– Кэт, – говорил он, вглядываясь в ее лицо. – Кэт, моя Кэт. – Он подносил к ее губам ладонь, словно проверяя чудо ее дыхания. В темноте перед ним иногда появлялась исчезающая деревня. Появлялись то рядовой Уэзерби, то белый гроб отца, то мальчик, желающий управлять миром. А то возникала картина: акт полного исчезновения. Заключительный номер, грандиозный финал. Он не знал еще, как это осуществить технически, но видел внутренним взором мужчину и женщину, заглатывающих друг друга, как та пара змей на тропе около Розового сектора, сначала хвосты, а там и головы – и вот уже оба навеки исчезли, поглощены. Ни отпечатка ноги, ничего. Пропать бесследно – вот номер его жизни. Освободиться от груза тайны. Упразднить память. Они будут жить в совершенном знании обо всем видимом и обо всем невидимом, без всяких там бечевек и проволочек – останется лишь этот огромный темный мир, где один плюс один всегда равняется нулю.

Так он всю ночь мог пролежать, глядя на нее.

– Кэт, милая Кэт, – шептал он, словно вызывая ее дух, чувствуя ее легкие вдохи и выдохи у себя на ладони.

Что он делал дальше

Джон Уэйд на следующее утро спал допоздна, спал каким-то дерганым электрическим сном. Пока встал, пока принял душ, пока добрался до кухни, было уже почти двенадцать. Еще не до конца проснувшись, сварил кофе, сделал себе яичницу из трех яиц и вынес завтрак на веранду. Еще один ослепительный день: неподвижные облака цвета слоновой кости на ярко-голубом небе. Он сидел на ступеньке и ел яичницу. В мозгу с еле слышным шорохом доматывались последние волоконца сна.

Вдруг он встрепенулся, повернул голову назад.

– Кэт, где ты там? – позвал он.

Подождал ответа. Потом уже громко крикнул:

– Кэт!

Еще подождал и заорал во всю глотку:

– Кэт, слышишь, ну подойди же сюда!

Вернулся в дом, вымыл тарелку и налил себе еще кофе. Подумал: через полчаса, наверно, появится. Просто вышла пройтись. По утрам она любила гулять вдоль береговой линии или по одной из тропок, ведущих к пожарной башне.

Подождал с полчаса – ну час максимум.

Надо, решил он, устроить генеральную уборку. Повсюду чувствовался неприятный запах растительной гнили, и для начала следовало разделаться с ночным безобразием. Привести в порядок дом; потом подумать, как наладить жизнь. Уэйд придумал этой идее форму четкого решения. С завтрашнего утра вставать спозаранку. Несколько миль бегом перед завтраком – растряссти жирок, привести в норму одрябшие за избирательную кампанию мышцы. И со всей прочей ерундой начать разбираться. Посмотреть, что ему светит на будущее. Сегодня же они с Кэти сядут и попробуют что-то для себя решить; главное – конечно, чековая книжка, то есть найти какую-никакую работу. Сделать несколько звонков, поэксплуатировать людскую жалость.

Собраться, подумал он. Начать немедленно.

Двигаясь быстро и энергично, Уэйд разыскал пластиковый мешок для мусора, прошел в гостиную и сгреб в него останки комнатных растений. Вышел с мешком на улицу и кинул его в один из баков позади дома. Кэти, конечно же, видела утром, что он натворил, и ему придется держать нелегкую оборону. Он скажет, есть смягчающие обстоятельства. А что, разве нет их? Поганая

была ночь, бывает, что поделаешь; он попросит прощения, а потом докажет ей, что уже взял себя в руки. Надежный человек, гражданин. Стойкий и мужественный.

Эти мысли его еще подзарядили.

Он загрузил и включил стиральную машину, прошелся шваброй по кухонному полу. Уже совсем другое самочувствие. Вопрос силы воли. Час с лишним разбирал почту – кое-что откладывал, остальное в корзину. Аккуратность превыше всего. Просмотрел банковские отчеты, сделал двадцать приседаний, загрузил еще раз стиральную машину, потом несколько минут бесцельно ходил по комнатам. Дом казался странно пустым. В спальне у изножья постели ровно лежали на полу шлепанцы Кэти; у двери на крючке висел ее голубой халат. В воздухе стоял слабый запах нашатыря. Осторожно, не притрагиваясь ни к чему, он прошел по коридору в ванную; там увидел зубную щетку Кэти, стоящую щетиной вверх в баночке из-под джема. Из крана капала вода. Он прикрутил его. Прислушался; потом вернулся в кухню.

Было полвторого, чуть больше. По углам, на периферии уже начали густеть тени.

Уэйд налил себе водки с тоником и подошел к кухонному окну. Вяло, без особой тревоги, стал думать, что же ее так задержало. Может, злится. Цветы ему, конечно, даром не пройдут, особенно в свете прочих обстоятельств; долгим отсутствием она дает ему это понять. Небольшое семейное наказание – чтобы поразмыслил над делом рук своих.

Ни в коем случае, рассудил он, не отступать от задуманного. Для начала набросать несколько списков. Первый – что нужно для самосовершенствования; дальше список доходов и расходов, список юридических фирм, где может потребоваться сотрудник, не претендующий на высокую ставку. Налил себе еще стакан, сел с карандашом и бумагой и отдался течению мысли, бодро составляя подробный список всех замечательных списков, которые у него будут.

От выпитого нервы пустились в пляс.

Побоку нервы. Все внимание – спискам.

В четыре он сложил выстиранную одежду, прошел по дому, вытер пыль, куда упал взгляд. Уже быстро холодало. Беспокойный, чуть отуманенный алкоголем по краям сознания, он налил себе еще и сел со стаканом на диван в гостиной. Там, как в операционной, все еще пахло нашатырем; память словно куда-то дернуло – мгновенно, таинственно – и отпустило. Что-то в связи с ночными делами. Антисептика и запахи джунглей.

Он перевел дыхание и откинулся на спинку дивана.

Мало-помалу на него снизошел приятный покой – химия, ее работа, – и на довольно долгое время он позволил себе забыться: ни списков, ни будущего, просто полет, скольжение над пустотой.

А потом в полусне Джону Уэйдуну почудилось какое-то дуновение в комнате. словно легкий сквозняк, как если бы окно забыли закрыть, движение настолько неуловимое, что оно будет и помниться, и не помниться ему позже. скорее всего, просто мозговые фокусы; но он не мог отделаться от ощущения пальцев Кэти, коснувшихся его век. Он кожей, явственно это чувствовал. В ушах стоял звук ее шагов. Он слышал тихий голос, который мог быть только ее голосом. «Глупо так, – сказала она, – ты попытал бы меня», а потом пугающая тишина, перепад температуры, едва заметное ослабление магнитного поля между двумя человеческими телами.

В шесть часов Джон Уэйдун надел куртку, подкрепил себя добрым глотком спиртного и спустился к причалу. Было чуть ли не позимнему холодно. Поднялся ветер, погнал по озеру волны с белыми бурунчиками; лес на западе уже потемнел, как старое золото.

Совершенно необходимо, думал Уэйдун, ни на шаг не отступать от здравого смысла. Нет никаких причин волноваться. Вариантов – масса. Он посмотрел на юг, в сторону пожарной башни; затем на бурунчики; затем на шелковистую подсвеченную небесную синь. Уже проглянули первые звезды. Через полчаса будет по-настоящему темно.

Постоял, вглядываясь в сумерки, стараясь привести мысли в порядок.

– Так, ладно, – сказал он.

В животе что-то задержалось. Нет, неладно – он это знал.

Повернулся, решительно пошел в дом, отыскал фонарик и двинулся по грунтовой дороге к пожарной башне. Чувствовал себя ненадежно, плыл и проскальзывал.

В голове сменялись картины бедствий. Неудачное падение. Разрыв связки, перелом. У Кэти, конечно, есть голова на плечах, но она ни черта не знает про эту глушь. Горожанка до мозга костей. У них даже шутка такая была: она, мол, без ума от природы, но не понимает, зачем ее устроили под открытым небом. Кэти вся состояла из противоположностей. Одно с другим никак не сходилось. Она любила утренние прогулки, уединение и свежий воздух, но даже в эти минуты природа была для нее чем-то вроде торгового центра с деревьями в кадках и высоченной стеклянной крышей.

И как бы это не обернулось бедой.

Он шел быстро, порой припускал бегом, понимая, что очень скоро настанет крошечная тьма.

Минут через десять дорога повернула на запад и нырнула в неглубокую лощину. Влево ответвлялась лесная тропа к пожарной башне. Уйд остановился, включил фонарик, стал вглядываться в высокую траву и густой кустарник. Попробовал пройти немного по тропе, светя себе фонариком. А что, тянет, подумал он. Смело вперед, к башне. Да нет, какой из него следопыт. Тропа уходила в мрачные заросли, густые и спутанные, и на расстоянии нескольких шагов терялась в них совсем. Ничто не существовало отдельно, все смешивалось со всем прочим – деревья, кусты, небо, – и уже он почти заблудился.

Он вернулся на дорогу, выключил фонарик. Ему показалось, он слышит знакомое дыхание, близкое и отдаленное в одно и то же время.

– Кэт? – позвал он.

Внимательно вслушался, покачал головой.

В этот вот миг, рассудил он, она уже дома. И без всяких вероятностей. Наверняка.

Мысль его успокоила. Для очистки совести он прошел по дороге еще с четверть мили, время от времени кидая пятно желтого света в чашу по одну или другую сторону. У старого железного моста через ручей Тайн-Крик он остановился и дважды выкрикнул ее имя – сначала не в полную силу, потом громче, – но ничего не услышал, кроме близко-далекого дыхания во тьме.

Не дрейфь, подумал он.

Двинулся по дороге назад.

Когда добрался до дома, было начало восьмою. Он проверил все комнаты, хотя уже было ясно, что ее нет, потом наполнил стакан и вышел на веранду. Вечер был скучный и обыкновенный. Хлюпающие у причала волны, несколько унылых гагар. Можно подумать, пошла попросить что-нибудь у соседки. Только вот соседок никаких тут нет. Милиа до ближайшего жилья, еще восемь до ближайшей асфальтированной дороги. Он посмотрел на лодочный сарай, потом на небо, потом опять на сарай. Подумал, не позвонить ли кому-нибудь – Клоду Расмуссену, например, – но решил, что это все же излишне. В любую секунду она может весело прискакать по дороге.

Он это прямо-таки видел.

Совершенно отчетливо.

Иначе и быть не могло.

В девять он принял горячий душ. В десять тридцать прикончил водку и переключился на ром. Чуть после полуночи к горлу комом подкатила тошнота, а с нею и страх, и тут только он впервые догадался, что, скорее всего, произошло.

Опять отыскал фонарик и спустился к лодочному сараю.

Не пьян, сказал он себе.

Чуть нетверд на ноги, это да, но голова ясная. Уже больше часа он следил, как возникает эта картинка, словно кто-то там медленно наводит на резкость и проступают очертания лодочного сарая. Каменный фундамент, стены из рубероида, просевшая крыша. Широкая двустворчатая дверь в сторону озера.

Торопиться было незачем. Всё очевидно. Он точно знал, что там увидит.

Над берегом уже висел вечерний туман, идти было скользко и мокро, как по болоту, и Уэйд спускался осторожно, боясь оступить. Он мысленно перебирал успокаивающие доводы. Она в состоянии о себе позаботиться. Хорошо плавает, выносливая. И он ее любит. Это был главный довод: при такой любви с ними ничего страшного случиться не может.

Он кивнул сам себе.

Свет фонарика пробивал перед ним во мраке бледные туннели. С озера порывами налетал ветер; в ночи раздавались бесчисленные хлопки, плески, сшибки. Станным образом, ему хотелось плакать, но не плакалось.

У сарая Уэйд остановился, чтобы собраться. Дверь была приоткрыта. Правая створка, висевшая на одной верхней петле, слегка раскачивалась от ветра; ржавая петля издавала тихий мелодичный звук.

Страха уже никакого не было. Было знание.

Он распахнул дверь, шагнул внутрь, метнул световой круг вдоль земляного пола. Всё как он думал. Лодки, разумеется, не было. Не было и подвесного мотора, канистры с бензином, оранжевого спасательного жилета и фибerglassовых весел.

Уэйд стал обдумывать положение. Шестнадцать лет они женаты, почти семнадцать, и вот это мощное, властное знание, что жизнь его отныне пойдет совсем другой колеей.

Он вышел из сарая, закрыл за собой дверь.

– Ну вот так, – произнес он, как бы подводя итог.

Замаячил образ Кэти, и он позволил ему прорисоваться. Стройное ухоженное тело. Морщинки у глаз – след избирательной кампании. Руки маленькой девочки, летняя загорелая кожа, ясная отполированная улыбка. Она все прекрасно понимала. Какие там тайны. Она видела заголовки; она знала, на что он способен.

Ему почудилось, что она улыбается ему, лежа в темноте. Потом она рывком повернулась на бок. Клубы пара поднялись от ее глазниц.

Чушь, конечно.

Он вернулся в дом, разыскал ключи и поспешил вверх по склону к своему «бьюику».

- Я не пьяный, – сказал Уэйд.
- А никто и не говорит, что пьяный.
- Я в норме.

Рут Расмуссен расстелила на столе виниловую скатерть, разгладила края и поставила перед ним кружку с кофе.

- Большой хороший глоток Мигом вас поправит, вот увидите.
- Да трезвый же я.

Само собой. Пейте, пейте на здоровье.

Рут дотронулась до его плеча и опять повернулась к плите. Эта крупная, хватистая, грубоватого вида женщина лет пятидесяти пяти не без изящества носила свои тридцать фунтов лишнего веса на бедрах и животе. Черные с серебром волосы ливнем падали ей за спину.

– В общем, успокойтесь, и все, – говорила она. – Ваша жена в полном порядке. Бывает.

– Лодка-то, лодка. Нет ведь ее. Рут досадливо хмыкнула.

– Слышала уже, не надо по двадцать раз повторять. Для чего же лодки, как не чтоб на них плавать. – Она подложила полено в дровяную плиту, отрегулировала дымоход, лязгнула заслонкой. – Наверняка мотор заглох, вот что случилось. Свечи, мало ли что. Ремень лопнул.

Обернулась, посмотрела на его кружку.

– Сахару?

Уэйд покачал головой.

– Так, да не так. Она бы никогда... Нет, я чую неладное.

– Вот увидите, все будет хорошо. Клод с вами поедет, проверит все. Ну-ка до дна, до дна.

Кофе был чуть теплый и горький, отвратительный, но Уэйд покорно выпил и начал новую кружку. Спустя минуту Рут положила перед ним кусок хлеба.

– Недаром ведь говорят, – сказала она, – никогда нельзя думать плохое. Голову на отсечение дам, что просто сдох этот драндулет. Я же миллион раз Клоду говорила: да разорись ты на новый. Думаете, послушался? Как бы не так, У него и цента не допросишься.

Она усмехнулась и села напротив него за стол.

– Тут главное дело – думать хорошее. Чего боишься, на то и напорешься. По-другому и не бывает.

Уэйд тупо рассматривал скатерть. У него болела голова. Локти тоже болели, и еще другие места, он не мог даже понять какие.

– Непокойно мне все-таки. Целый день ее нет. И почти уже целую ночь.

– Ну и что, значит, где-то высадилась на берег. Бывает, бензин кончается, вообще мотор отваливается, да мало ли что может

случиться. Случается, и чаще, чем вы думаете. Но за вашу жену беспокоиться нечего, вот уж кто нигде не пропадет. – Рут посахарила ломоть хлеба, подтолкнула к нему. – Ну-ка, большой хороший кусок, чтобы всю дрянь в себя впитал. А там поглядим, что к чему.

– Рут, я не думаю...

– Ешьте.

У него за спиной, где-то в недрах дома, спустили воду в уборной. Через минуту вошел Клод Расмуссен, держа в руках пару рабочих ботинок и вельветовую охотничью куртку. Старик подошел к раковине, прокашлялся, сплюнул мокроту, наклонился, взгляделся в нее. Потом наконец повернулся, посмотрел на Рут.

– Ну как наш славный сенатор?

– Как стеклышко, – ответила она. – Почти что трезвый.

– Без дураков?

– Оживает прямо на глазах.

Старик ухмыльнулся. Ему было под восемьдесят, и моложе он не выглядел, но взгляд у него все еще был ясный, острый. Он сел и принялся зашнуровывать ботинки.

– Передвигаться в состоянии?

– Нет проблем, – отозвался Уэйд.

– Ну еще бы. Горючего полный бак небось залил? – Клод опять ухмыльнулся. – Мы вот как сделаем. Доедем до коттеджа, там чуток потыркаемся. А Рут пару звонков сделает в город. – Они с женой обменялись понимающими взглядами. – Винни Пирсону, в «мини-март», в общем, кого добудишься.

Клод вставил зубной протез, крепко сжал челюсти для проверки и напялил грязную бейсбольную кепку с эмблемой «Близнецов».

– Такое мое предложение. Поправки будут, сенатор?

– Разумно, – сказал Уэйд.

– Рад слышать. Стараемся как можем.

Рут с легким хлопком свела свои большие ладони.

– Ну езжайте. Все образуется, помяните мое слово.

Выйдя из дома, Уэйд покорно отдал старику ключи, сам сел сзади, и «бьюик» рванулся сквозь туман. Все казалось совершенно нереальным. Машина, дорога, набегающая спереди тьма – словно едешь сквозь чужую жизнь. Клод правил одной рукой, резко тормозя на поворотах, зорко глядя на дорогу быстрыми глазами. Здоровье у старика становилось все хуже – и сердце пошаливало, и сказывались выкуренные за полвека сигареты «Пэлл-Мэлл», – но цепкая смекалка, которая давным-давно уже сделала его богатым человеком, оставалась при нем. Хоть он и считал за лучшее прикидываться этаким дремучим лесником,

дело обстояло совсем иначе. Помимо коттеджа, у него много еще чего было – семь миль береговой полосы, двенадцать тысяч акров первоклассного леса, вклинившегося в лесные угодья штата. Да еще платная дорога, которую арендовала у него фирма «Вайерхойзер», и больше половины акций двух крупных курортов на озере. Сам из Дулута, он сколотил состояние на перевозке таконита – сначала грузовиками, потом баржами по озеру, – и, поскольку он с давних пор жертвовал деньги в партийную кассу, Уэйд уже лет десять эпизодически имел с ним дело.

Друзьями в полном смысле слова они не были. Просто знакомые. Но после провала на выборах единственным, кто позвонил и предложил реальную помощь, был Клод Расмуссен. Пожить пару недель у него в коттедже, подышать свежим воздухом, и никаких тебе газет. Что уже было немало. Да, стреляный воробей без всяких сантиментов, но это-то и хорошо.

У самого коттеджа, где дорога стала шире, Клод вырубил мотор и позволил машине скатиться по склону прямо к лодочному сараю. Несколько секунд, пока глаза привыкали к темноте, они посидели в машине. Старик вынул из бардачка фонарик.

– Ну как, гироскоп в порядке? Пойдешь – не завалишься?

– В порядке, в порядке. Все будет отлично.

– Не обижайся, спросил просто. – Клод небрежно пожал плечами. – Разит-то от тебя будь здоров, и забористым каким-то ромом. Даже я, старый козел, ром от дерьма еще могу отличить. – Он открыл дверь. – Ну-с, посмотрим, как мы отлично умеем ходить.

Над берегом плотно висел туман, сырой и маслянистый, и, шагая вслед за стариком к сараю, Уэйд ощущал в легких неприятную тяжесть. Клод распахнул обе створки двери и осветил фонариком на подставку для лодки. Чисто как, подумал Уэйд. Вся эта пустота. Постояв, Клод сдвинул кепку к затылку, присел на корточки, потрогал рукой земляной пол.

– Ну, ясно, – сказал он. – Была лодка, да сплыла.

– О чем я и говорил.

– Говорил, говорил. – Старик поднялся. Казалось, он к чему-то прислушивается. – Мадам решила чуток покататься. Ей-богу, не шучу.

– И до сих пор не вернулась.

– В самую точку. Вот что меня в тебе восхищает, сенатор. Оптимизма – навалом.

Они вышли из сарая, оглядели причал, потом поднялись по каменистому берегу к дому. Уэйд включил свет на кухне. Мгновенно он почувствовал, как все изменилось, застыло – словно в музее, – вещи сделались какими-то полыми, замороженными. Он ходил вслед за Клодом по комнатам, ощущая неясную надежду,

но уже во все, что окружало их с Кэти, вошла великая тишина: и в ее голубой купальный халат, и в ее шлепанцы у изножья постели, и в раскрытую книжку кроссвордов на кухонном столике. Так быстро, подумал Уэйд.

В гостиной Клод задержался, стал недоуменно озираться.

– А где телефон, сынок? Не вижу что-то.

– Тут где-то, – ответил Уэйд. – Я его отсоединил.

– Отсоединил?

– А зачем он нужен? Мы отдыхать приехали. Куда-то я его убрал.

Старик поелозил губами вокруг верхнего протеза. Казалось, он что-то в уме высчитывает.

– Все верно. Отдыхать – это понятно. Одно непонятно: зачем было этот чертов телефон прятать?

– Да не прятал я его. Говорю, он тут.

– Отсоединенный?

– Да.

Клод пошарил глазами по комнате.

– Получается, что твоя жена дозвониться сюда не могла. Если, скажем, застряла в городе, задержалась, ну и так далее.

– Похоже, нет.

– Похоже?

– Нет. Не могла.

Уэйд пошел искать. Прошло несколько минут, прежде чем он обнаружил телефон под кухонной раковиной. Он принес его в гостиную и подключил, все время чувствуя на себе взгляд старика.

Клод набрал номер, чуть подождал и повесил трубку.

– Занято, – сказал он. – Может, Рут подловила уже на крючок твою ненаглядную.

– Ты думаешь...

– Я думаю, не надо паниковать. Сядем, посидим.

– Я не паникую, – возразил Уэйд. – Беспokoюсь просто.

– Понятно, что беспокоишься. – Старик снял кепку, провел рукой по макушке, приглаживая отсутствующие волосы. – От беспокойства вреда большого нет, но вот что я тебе скажу. Этот коттедж у меня стоит без малого двадцать четыре года. За это время не пропало ни одного жильца. Факт – куда денешься. Ни одного, если не считать двух-трех рыбаков-мудаков, – жаль, что нашлись в конце концов.

– Это не значит, что с ней ничего не могло случиться, – покачал головой Уэйд.

– Верно. Это только значит, что нам надо подождать.

– Просто будем сидеть и ждать?

– Кто сказал просто сидеть? Где этот твой смертоубийственный ром?

Они переместились на кухню. Уэйд смешал пару коктейлей, дал Клоду его стакан и посмотрел на часы, висящие над плитой. Около двух ночи. Пятнадцать часов уже ее нет, а может и больше; в голову полезли отвратительные картины. Лодка вверх дном. Волосы-водоросли.

Голос Клода послышался словно из Канады:

– Я спрашиваю, плавать она умеет?

– Плавать?

– Ну жена, жена твоя.

Уэйд моргнул и кивнул головой.

– Да. Она хорошая пловчиха.

– Вот и отлично, чего ж тогда...

– Но мне кажется... Не знаю... Может, нам начать искать?

– Искать где?

– Да где угодно. Просто искать.

Клод перекатывал во рту кубик льда. Опустил глаза в свой стакан, вздохнул, отпил.

– Ты, может, не заметил, – сказал он, – но там снаружи темень – глаз выколи. Кромешная тьма – это тебе раз. Плюс туман. Плюс пара тысяч квадратных миль сплошной воды, не говоря уже о лесах по берегам, не говоря об островах, которых несчитано, о песчаных отмелях и хрен знает о чем еще. Ну и куда мы с тобой?

– Есть же полиция.

– Какая такая полиция? Винни Пирсон, у которого бензоколонка «тексако», – вот тебе и вся полиция. Восемьдесят монет в месяц по совместительству – будет он расшибаться. Я скажу, что он ответит. Он ответит: «Парни, а шли бы вы спать». И это близко к тому, что я хочу тебе сказать. До утра сделать ничего нельзя – факт. В худшем случае твоя жена сейчас сидит где-нибудь на берегу.

– Нет, не сидит, – сказал Уэйд.

– С чего это ты так уверен?

– Просто чувствую. Знаю.

– Знаешь?

– Да.

Клод опять снял кепку. Помолчал, уставившись Уэйду куда-то в лоб.

– Вот что меня еще интересует. Вы, голубки, не... Ну, не поцапались часом?

– Нет.

– Ссоры, значит, не было?

– Конечно, не было.

Старик нахмурился.

– Да мало ли что бывает. На нас с Рут частенько вот находит. Я ей слово, она мне десять, и вот уже через кухню чуть не ручные гранаты летят. Случается.

– Только не у нас, – сказал Уэйд. – Просто утром сегодня просыпаюсь – а Кэти нет.

– И все?

– Все.

– Ну и прекрасно. Что и требовалось доказать. – Старик откинулся на спинку стула. В его глазах стоял какой-то не оформившийся еще вопрос. Он задумчиво рассматривал пустые цветочные горшки на кухонном столике.

– Нет, так и говорить не о чем, – произнес он наконец. – На твоём месте, сенатор, я бы набрался терпения, подождал, что Рут в зубах принесет.

– Давай раз и навсегда сенатора побоку.

– Да это я так, не обижайся.

– Просто я не сенатор, вот и все.

Клод усмехнулся.

– Да, здорово по тебе проехались. Три к одному – так примерно?

– Около того.

– Беда прямо. Демократам, им поди угоди. Да что далеко ходить – я и сам такой, миннесотская косточка, дээфэровец еще из тех. Хьюберт, Орвилл, Флойд Олсои – эта команда, толстокожие, твердожопые фермеры-кукурузники. От сохи, так сказать. Говори, что думаешь, делай, что говоришь. Политиканства на дух не переношу.

Старик помолчал, опять наполнил свой стакан.

– Так или иначе, – проговорил он, – не скажу, что за тебя голосовал.

– Мало кто это скажет, – пожал плечами Уэйд.

– Личных причин тут нету.

– Само собой. Так всегда и бывает.

Клод с интересом посмотрел на него искоса.

– С другой стороны, я не говорю, что не голосовал. Может, голосовал, может, нет. Но что меня удивляет – никак в толк не возьму, – почему ты ко мне не обратился за помощью? В смысле денег. А ведь мог бы.

– И тогда бы что?

– А не знаю что. Говорят, у меня слабость на безнадежные предприятия. – Поколебавшись, старик продолжал; – Правду сказать, у тебя ни на вот столько не было шансов после этой бочки дерьма в газетах. Но все равно доллар-другой я бы подкинул.

– И на этом спасибо.

– Грязно, грязно сработали. Выставили тебя... Ладно, вижу, ты не слишком расположен про это говорить.

– Да, не слишком.

Старик кивнул. Посмотрел на часы, поднялся.

– Да сиди, сиди, еще раз попробую Рут звякнуть.

В голове Уэйда пульсировала боль. Опять это невесомое, проваливающееся чувство, как при морской болезни; он не мог отогнать наплывавшие отвратительные картины. Вокруг на поверхность выталкивало всякую дрянь. Водоросли, духов, обломки костей.

Он слышал, как Клод набирает номер. Тихо поговорив несколько минут, старик вздохнул и повесил трубку.

– Пока по нулям. Будет пытаться дальше, она много куда еще не звонила.

– В полицию надо, – сказал Уэйд.

– Может быть, и в полицию.

– Почему «может быть»? Пропал человек, надо наконец что-то делать. Прямо сейчас.

Старик засунул руки в задние карманы. Рассеянно, слегка хмурясь, он глядел на цветочные горшки, стоящие один в другом около раковины.

– Я объяснил уже раз: Винни – это тебе не Коджак.[13] Все, что он может сделать, – позвонить шерифу в Бодетт. А тот отправит несколько лодок, один-два самолета.

– Уже кое-что, – сказал Уэйд. – Для начала.

– Конечно.

– Так давай действовать.

Клод все смотрел на пустые горшки. Постоял молча, потом подошел к раковине.

– А вот с цветами этими, сынок Что, к чертям, случилось?

– Ничего, – сказал Уэйд. – Так, одно происшествие.

– Не понял?

– Клод, мы теряем время.

На лбу у старика забила жилка. Он взял один из горшков, повертел в руках.

– Происшествие, – повторил он. – Какое-то происшествие.

Материалы

Чудо, как было сказано, есть результат действия неизвестных нам причин. Когда эти причины становятся известны, чудо уступает место законам природы. Это относится и к работе иллюзиониста, искусно скрывающего причины явления с тем, чтобы результат приписывали «чуду», а не естеству. Все мы в той или иной степени недолюбливаем законы природы. Мы предпочли бы, чтобы события происходили более непосредственно и по нашему собственному хотению, как это представляли себе первобытные люди.

Роберт Парриш «Руководство для иллюзиониста»

По-моему, он действительно считал себя Кудесником, а из Кэти сделал главную зрительницу. Не понимаю, как она это терпела. Может быть, надеялась, что он и вправду сотворит какое-нибудь чудо – в смысле, с ней, с ее жизнью. Сестра, мне кажется, сама иногда считала его настоящим Кудесником.

Патриция С.Туд

Зритель получает дополнительное наслаждение, покорно подчиняясь всемогущей и таинственной стихии, безраздельно отдавая себя вздымающимся волнам восторга, отбрасывая доводы логики и рассудка.

Бернард Мейер Гудини. «Разум в цепях»

Чародей он был. В буквальном смысле. Уж так тебя очарует, на хер, что и двинуться не можешь

Энтони Л. (Тони) Карбо

Очень милый, вежливый человек, если хотите знать мое мнение.

Рут Расмуссен

Кэти знала, что у него есть эти секреты – то, о чем он никогда не рассказывал. Она знала, что он за ней шпионит. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что ей самой нужно было в этом участвовать. В тошнотворном представлении, которое он устроил.

Бетани Ки, помощница секретаря приемной комиссии, университет штата Миннесота

...и ты будешь лить слезы в укромных углах и клясться себе, что хоть его лучшие друзья и погибли во Вьетнаме у него на глазах, хоть начальство и наплевало на его заслуги, но ты – ты никогда его не покинешь Ты нужна ему. Говорит он тебе так или нет, ведет он себя так или нет, ты нужна ему.

Пейшенс Меисон. «Выздоровление от войны»

Мне кажется, Кэти так сильно его любила, что ничего вокруг себя не видела. Читали в сказке про волшебный порошок? Посыплешь на, свою любовь и сама же под конец в дурах останешься.

Патриция С.Руд

Зритель хочет верить тому, что у него на глазах совершает фокусник, но одновременно он настроен скептически и не верит. Тут-то и заключена вся прелесть магии для современного человека. В ней парадокс, загадка, полусуществование древних чаяний, ребус, пытка, истина и обман.

Роберт Парриш. «Руководство для иллюзиониста»

Приобщено к делу под № 8: сундук с фокусами Джона Уэйда. Из описи содержимого.

«Китайские кольца»

Шарообразный сосуд «лота»

Шарики из губки

Обрезанная колода карт

Воск иллюзиониста

Открытка от отца (датирована 19 июля 1956 года, с фотографией неизвестного гранитного здания, почерк почти невозможно разобрать: «...поскорей бы отсюда... жду не дождусь... Твой папа».)

«Молоко» иллюзиониста (2 банки)

Шелковый мешочек для «груза».

«Телепатия во времени» (книга)

«Тарбелловский курс магии» (книга, т. 1)

Разнообразные каталоги «Магической студии» Карра

В то лето, когда Джону исполнилось одиннадцать, дошло до того, что мне уже выбирать не приходилось. Его отец пил все больше и больше. С середины дня и до ночи сидел в клубе ветеранов. Наконец я собралась с духом и отвезла его в лечебницу штата – туда, на север. Язык не поворачивается сказать, но вот не стало его дома, и я вздохнула с облегчением. Мы души в нем не чаяли, и я, и Джон, но вдруг исчезло это напряжение, когда что ни ужин, сидишь как на иголках – Пару раз мы с Джоном выбирались туда к нему на выходной. Шли все вместе на лужайку, садились, устраивали пикник... Хорошо было. Помню, однажды – мы уже собрались уезжать, – помню, его отец проводил нас до машины, обнял

меня, поцеловал, чуть не заплакал, сказал, что он меня любит, что раскаивается и что теперь все наладится. Но не вышло, как он хотел. Так ничего и не наладилось

Элеонора К.Уэйд

В каждом фокусе сочетаются две тщательно продуманные линии – как все выглядит и как все на самом деле происходит. Успех вашего номера зависит от того, насколько хорошо вы поняли соотношение между этими линиями.

Роберт Парриш. «Руководство для иллюзиониста»

Я не психиатр, но мое мнение такое: политики вообще народ уязвимый. Взять хоть меня – толстый как боров. Любовный голод компенсирую. [Хохочет.] Вот мы и идем на публику. Артисты. Лезем на сцену, поем, пляшем, разыгрываем наш маленький спектакль, лишь бы только угодить зрителям, лишь бы похлопали. Прямо дети малые. Лишь бы нас любовью покормили с ложечки.

Энтони Я. (Тони) Карбо

Джон очень часто приходил ко мне в магазин. Ему десять, одиннадцать было. Поначалу пугался, потом освоился, чуть не каждую субботу стал тут время проводить. Милый был мальчуган. Я ему все новые эффекты показывала, для каких получала реквизит, – мы говорим не «фокусы», а «эффекты», – и мы с ним вместе практиковались». Он меня называл не иначе как Морковной дамой, даже когда стал старше. Не уверена, что он знал, как меня по-настоящему зовут.[14]

Сандра Карра («Магическая студия» Карра)

Если ты хочешь помочь твоему ветерану, избегай церквей, приписывающих зло потусторонним силам – например, дьяволу, соблазняющему людей или вселяющемуся в них. Дело, в частности, в том, что, представляя себя жертвой внешнего воздействия («дьявол меня на это толкнул»), человек не может выработать зрелой самооценки, предполагающей развитие и обогащение от жизненного опыта.

Пейшенс Мейсон. «Выздоровление от войны»

Их там миллионы были. Жирная срань такая. Просто мерзопакостные мухи.

Ричард Тинбилл

Тот факт, что данное лицо действовало, исполняя приказ своего правительства или начальства, не освобождает его от ответственности в рамках международного законодательства...

Из Нюрнбергских принципов

С Л О В А Р И К

Груз – секретный мешочек или кассета с предметами, «магически» предъявляемыми зрителям.

Лота – сосуд фокусника, который, в зависимости от его желания, зритель видит то пустым, то наполненным.

Отвлекающий момент – прием фокусника, уводящий внимание публики от какой-либо его тайной манипуляции.

М.Кей. «Учебник магии Стейна и Дея»

Милая моя Кэт!

Письмо будет коротким, потому что мне мало что приходит в голову в эту минуту. Только о том и могу думать, как вскочу на эту самую стальную птицу-свободу, полечу домой, женюсь на тебе и ближайшие десять лет проведу в постели (вот ведь озабоченный тип). В целом обстановка сейчас довольно напряженная. Мы продолжаем нести потери, в основном из-за мин-ловушек и подобной дряни, и никак не можем ущучить вьетконг. Это начинает действовать на нервы, и, похоже, ребята слегка на взводе. Трудно передать это ощущение. Будто инфекция какая-то. Как вкус во рту иногда, а иногда как запах, словно что-то произошло с самим воздухом. Но раз уж я так долго продержался, со мной все будет в порядке. Я люблю тебя. Помнишь, я писал про этих двух идиотских змей – один плюс один равняется нулю!

Твой вечно озабоченный

Кудесник.

Джон Уэйд, письмо от 13 января 1968 г.

Самую большую опасность для человека в кризисной ситуации представляет не время подготовки к сражению и не само сражение, а период непосредственно после него. Именно тогда, изнуренный физически и эмоционально, он должен взвешивать свои поступки особенно тщательно. Опасность ошибки сильно увеличивается, потому что человек лишается той прокладки, того расудочно-эмоционального резерва, который необходим для выработки верного суждения.

Ричард М.Никсон

[После поражения в 1941 г.] отчаяние и гнев Джонсона обрушились на несчастных помощников... [Он] кричал, и вопил, и бросался на них с кулаками...

Роберт Кейро. «Жизнь Линдона Джонсона: путь к власти»

Мы-то знали, что будет, еще бы не знать, но, сдается мне, фокусник наш думал, что раз – и выдернет из рукава победу. Нет, не вышло. В тот последний вечер, когда начали передавать первые результаты, у него на лице появилось это отсутствующее выраже-

ние Не могу подобрать точное слово – пустота какая-то, словно ходячий мертвец. Поражение, оно на человека ох как действует.

Энтони Л. (Тони) Карбо

Ну был он выпивши, не без этого. А вас бы так шарахнуло по башке.[15]

РутРасмуссен

Кандидат, испытавший невыносимое напряжение президентских выборов и проигравший их, по меньшей мере месяц потом находится буквально в шоковом состоянии.

ТомаеДьюи

Джон звонил мне в тот вечер. Голос был полусонный. Думаю, эмоции пришли позже – отложенный шок или как там это называется. Он всегда в себе все вываривал, как его отец.

Элеонора К.Уэйд

Воспоминания о поражении и сопутствовавших ему тяжелых обстоятельствах мучили его [Эла Смита[16]] долгое время... Как всякий человек, он хотел, чтобы его любили.

Мэтью и Ханна Джозефсон. «Эл Смит: герой городов»

Приобщено к делу под № 9– результаты первичных выборов. Демократическая фермерская рабочая партия, штат Миннесота, 9 сентября 1986 г.

Дерки – 73%

Уэйд – 21%

Другие – 6%[17]

О природе зверя

Война не имела цели. Где враг, куда бить? В них стреляли, а отстреливаться было не в кого. Люди выбывали и выбывали из строя – без толку, зазря. В их засады никто не попадался. Патрули обнаруживали только женщин, детей и стариков.

– Как эта мудацкая игра у детей, – сказал однажды вечером рыжий Колли. – Они прячутся, мы ищем, только вот не людей ищем, а блядских потусторонних духов.

В темноте кто-то завыл, изображая привидение. Другой засмеялся. Для Кудесника, который слышал это из своего окопа, война уже стала состоянием души. Еще не дурдом, но, судя по звукам, близко к тому.

– Око за око, – сказал Колли. – Или как там в вашей распрекрасной Библии говорится.

Весь февраль они действовали в районе, который называли Розовым сектором; это было скопление темных, неприглядных деревень, приткнувшихся к берегу Южно-Китайского моря. Люди ненавидели это место и боялись его. На картах сектор был закрашен в праздничный ярко-розовый цвет, что означало застроенный район, – сплошь деревни, оросительные каналы и рисовые поля. Но для третьей роты в Розовом секторе ничего праздничного не было. Это был край духов и призраков. География зла: подземные ходы, бамбуковые заросли, обмазанные глиной хижины и могилы.

Двадцать пятого февраля 1968 года около деревушки Лаксон они утодили на минное поле.

– Убило меня, – сказал один. И не ошибся.

Лил серый бесконечный дождь. С запада от гор шла гроза. Через час приземлились два санитарных вертолета. Подорвавшихся погрузили на борт, и машины улетели в сырую мглу, увозя еще троих убитых, еще двенадцать раненых.

– Не беда, – сказал Колли. Его лицо было детским и растерянным. Он повернулся к одному из санитаров: – Что голову повесил?

Через три недели, четырнадцатого марта, миной-ловушкой сто пятьдесят пятого калибра сержанта Джорджа Кокса разорвало на несколько больших мокрых кусков. Дайсон потерял обе ноги. Хендриксон – руку и ногу.

Двое или трое плакали.

Другие хотели бы, да забыли, как это делается.

– Вьетнам прикончить, – сказал лейтенант Колли. Он направил дуло автомата в землю и дал длинную очередь. – Прикончить, – сказал он. Вставил новый магазин и расстрелял его тоже – в кусты, в пальму, по том опять в землю. – Чтоб юшка текла. Прикончить.

Вечером пятнадцатого марта Джон Уэйд получил короткое письмо от Кэти. Бумага была светло-голубая, с рельефной золотой полоской вдоль верхнего края; почерк был плотный, уверенный.

«Я рассчитываю на то, – писала она ему – что когда-нибудь ты поймешь: мне кое-что нужно самой, для себя. Мне нужно осмысленное будущее – настоящая жизнь. Когда ты вернешься, Джон, ты должен будешь обращаться со мной как с личностью. Я повзрослела. Я уже не такая, как была, и ты тоже не такой, так что нам обоим придется приспособливаться. Нам надо быть терпимей друг к другу, не такими взвинченными, что ли; и ты, пожалуйста, *не дави* на меня так сильно – я же не резиновая кукла. И еще, просто чтоб ты знал: я за это время встречалась с парой ребят. Ничего серьезного. Повторяю: ничего серьезного. Я люблю тебя и думаю, что нам замечательно будет вместе».

В тот же вечер Кудесник сел сочинять ответ.

«Как ты думаешь, что получится, если скрестить вьетконговца с крысой?»

Он ухмыльнулся и написал на отдельном листочке:

«Карликовая крыса».

Шестнадцатого марта 1968 года в 7.22 утра передовые подразделения третьей роты погрузились на несколько вертолетов; окунувшись в нежно-алую зарю, машины выстроились в боевой порядок, затем повернули на юг и быстро понеслись на малой высоте над искромсанной, покореженной, изрытой бомбами землей к точке высадки, которая была чуть западнее Розового сектора.

Что-то было нехорошо.

С солнцем, что ли.

В голове у Кудесника было мутно и сонно, он все еще досматривал дикие рассветные сны. Всю ночь его носило по розовым рекам и розовым затопленным рисовым полям, и даже сейчас, сидя на корточках в хвостовой части вертолета, он не мог смыть этот розовый цвет. Вот ведь краски. Нет, нехорошо что-то было. И с воздухом нехорошо. И с запахами, и с нежно-алой зарей, и с тем, как каждый словно ушел в свою раковину. Мидлоу, Митчелл и Тинбилл сидели закрыв глаза. Следж крутил ручку настройки радиоприемника, Конти блаженствовал в воображаемом бардаке. Рядовой Уэзерби все вытирал свой автомат полотенцем – сначала ствол вытрет, потом себе лицо, потом опять ствол. Бойс,

Мейплс и лейтенант Колли сидели рядышком у открытой двери вертолета, курили одну сигарету на троих и смотрели вниз на испещренные воронками поля.

Знал Кудесник: ничего хорошего. Он ощущал этот солнечный свет на вкус. Свет отдавал ржавым железом – как гвозди взять в рот.

Кудесник закрыл глаза и спрятался за зеркалами, которые были у него в голове, но даже тогда не перестали набегать ландшафты – яркие, стремительные.

В 7.30 вертолеты выстроились длинной дугой и с юго-запада приблизились к деревне Тхуангиен. Внизу, прямо по курсу, над рисовым полем почти у самых хижин поднялись белые дымки. Артиллерия лупила по западному краю деревни, прошивая кусты, заросли бамбука и банановые рощи; там и сям вспыхивали пожары. Когда вертолеты стали заходить на посадку зона обстрела переместилась к северу. Пулеметчики вели непрерывный огонь из дверных проемов. Они прильнули к тяжелым пулеметам, плечи их тряслись. От грохота Кудесника перестали слушаться собственные веки.

– С приземленьцем! – завопил кто-то, и вертолет сел на большом сухом рисовом поле.

Первым выскочил Митчелл. За ним Бойс, Конти и Мидлоу, дальше Мейплс, Следж, Тинбилл и коротышка лейтенант.

Кудесник спрыгнул последним.

Бросился навстречу солнцу рухнул ничком и словно остался на этом поле один. Остальные исчезли. Вокруг бушевал пулеметный огонь, пулеметный ветер, и этот ветер словно подхватил его и принялся носить с места на место. Он никак не мог встать на ноги. Лежал, прижатый к земле потусторонними силами – ветром, огненным жаром, зловредным солнечным светом. Он не помнил, как поднялся. Прямо перед ним две большие стройные кокосовые пальмы вспыхнули как спички.

Войдя в деревню, Кудесник увидел лежащих вповалку мертвых коз.

Он увидел молоденькую девушку, голую ниже пояса. Тоже мертвую. Она смотрела на него искоса. На голове у нее не было волос.

Он увидел мертвых собак, мертвых кур.

Пройдя еще вперед, столкнулся с кем-то лбами. Увидел троих мертвых буйволов. Увидел мертвую обезьяну. Увидел уток, которые щипали клювами мертвого ребенка. Это долго готовилось, долго вызревало – месяцы ужаса, месяцы смертей, и вот теперь в разгорающемся свете утра пошла цепная реакция.

Свиньи визжали.

Утренний воздух запылялся пурпурными красками.

Он увидел ковыляющего по дороге паренька с оторванной ступней. Увидел, как Уэзерби расстрелял двух девочек, целясь в лицо. Зайдя глубже в деревню, у небольшой хижины в форме буквы Г наткнулся на солдата со свисающим из-под каски черным женским «конским хвостом». Солдат вытер руку о ширинку. Потом потрянул «конским хвостом», улыбнулся Кудеснику и шарахнул по хижине из гранатомета. «Бабах», – сказал он. Покачал головой, словно в недоумении. «Ничего так», – сказал он, пожал плечами и вдарил еще раз: «Хрясь». У его ног заливался плачем малыш. Поблизости лежала женщина средних лет. Она привалилась к куче соломы, не совсем еще мертвая, ей прошло ноги и живот. Женщина смотрела на все безразличным взглядом. В какой-то момент она сделала неопределенное движение головой, словно кланяясь, а потом откинулась назад и застыла.

Кругом валялись мертвые утки и мертвые домашние животные. В Г-образной хижине шумно умирали люди.

Кудесник издавал бессмысленные звуки – сначала сказал: «Нет», потом, секунду спустя: «Пожалуйста!» – а потом солнечный свет увлек его дальше по дороге к центру деревни, где он увидел горящие хижины и хлопотливо движущиеся фигуры солдат, занятых расстрелом. Симпсон убивал детей. Рядовой Уэзерби убивал всех, кто попадался на глаза. Вдоль дороги в розово-пурпурном свете зари лежали тела – подростки, старухи, мальчик, двое младенцев. Большинство совсем мертвые, некоторые полумертвые. Мертвые лежали очень тихо. Полумертвые дергались и дергались, пока рядовой Уэзерби, улучив минуту, не перезарядил автомат и не сделал их совсем мертвыми. Шум стоял невероятный. Молча не умирал никто. Люди пищали, как цыплята.

– Пожалуйста, – снова сказал Кудесник. Он чувствовал себя очень тупым. Пройдя еще шагов тридцать, он увидел Конти, Мидлоу и Колли. Мидлоу и лейтенант поливали автоматным огнем толпу местных жителей. Они стояли бок о бок и стреляли по очереди. Мидлоу плакал. Конти смотрел. Лейтенант что-то выкрикнул и расстрелял дюжину женщин и детей, потом перезарядил автомат и расстрелял еще сколько мог, потом перезарядил и расстрелял еще, потом опять перезарядил. Воздух был горячий и влажный.

– Где пропал, – сказал лейтенант, – давай помогай, уложим гадов по-быстрому.

Но Кудесник уже пустился наутек. Он пробежал мимо дымящейся бамбуковой школы. Позади него и впереди него, по всей деревне Тхуангиен, гулял острый пулеметный ветер. Он поднял в воздух мелкую красную пыль, поблескивающую на утреннем

солнце, и вся деревушка теперь окрасилась в фиолетовые тона. Кудесник увидел солдата, приканчивающего людей большим серебряным ножом. Хатто стрелял по трупам. Цувас стрелял по детям. Доэрти и Терри расправлялись с ранеными. Кудесник понял: это не безумие. Это самый настоящий грех. Он чувствовал, как грех струится по его собственным жилам, омерзительно липкий, словно густое черное масло в картере двигателя.

Прекратите, сказал он про себя. Но никто и не думал прекращать. Какой-то солдат выстрелил в старика, потом поднял его, кинул в колодец и швырнул вслед гранату.

Рошевиц стрелял по головам.

Хатсон и Райт сменяли друг друга у пулемета.

Расстреливали методично, укладывая всех подчистую. Время от времени устраивали перекуры; подкреплялись батончиками шоколада и травили байки.

Дальше наступило затмение, оно длилось час или больше, а потом Кудесник обнаружил, что стоит на четвереньках у бамбуковой изгороди. В нескольких шагах от него у массивной деревянной постройки под утренним солнцем сидели на корточках пятнадцать—двадцать местных жителей. Они о чем-то лопотали между собой, лица напряженные, а потом подошел солдат, взмахнул рукой и перестрелял их всех.

Уже появились мухи – откуда-то из глубины деревни накатывало их тяжелое басовитое жужжание.

А потом Кудесник дал себе поплыть. Он мог только закрыть глаза, стоять на четвереньках, где стоял, и ждать, покато, что испортилось в мире, не выправится. У него мелькнула мысль, что груз этого дня может когда-нибудь оказаться для него непосильным, что рано или поздно ему придется облегчить себе ношу.

Он посмотрел на небо.

Потом кивнул.

А потом, позже, пришпиленный солнечными лучами, он отдался забвению. «Прочь отсюда», – пробормотал он. Подождал, потом повторил это еще раз, тверже и гораздо громче, и деревушка начала исчезать в своем собственном розовом сиянии. Это был фокус из фокусов. В последующие месяцы и годы деревня Тхуангиен будет вспоминаться Джону Уэйду, как вспоминаются наркотические кошмары: невозможные события, невозможные сочетания явлений, и со временем эта невозможность сама по себе станет самым богатым, глубоким и сильным из его воспоминаний.

Этого не могло быть. Следовательно, не было.

Ему уже стало лучше.

Трассирующие пули прочерчивали зарево, и люди умирали длинными аккуратными рядами. Солнечный свет уже проник в

его кровь.

Ему и запомнится, и не запомнится чье-то быстрое движение с левой стороны.

Пронзительный крик ему не запомнится.

Ему не запомнится, как он поднял автомат, как откатился от бамбуковой изгороди; но ему навсегда запомнится, как он повернулся и застрелил старика с жиденькой бородой и в очках с проволочной оправой; в руках, показалось ему, старик держал винтовку. Это была не винтовка, а короткая мотыга на деревянной ручке. Мотыга запомнится хорошо. После войны в спокойные часы – за завтраком или во время каких-нибудь нудных сенатских слушаний – Джон Уэйд мог поднять глаза и увидеть эту мотыгу, очерчивающую в утреннем свете круг, будто дирижерская палочка. Он видел тогда, как старик, шатаясь, идет вдоль изгороди, видел его костлявые ноги, внезапно распрямившуюся фигуру и очки в проволочной оправе, видел, как мотыга, блеснув на солнце, взмывает в воздух, очерчивает свой мгновенный круг и падает наземь. Свою вину он ощущал только очень слабо, намеком. Фокус с забыванием работал почти безотказно. Правда, иногда поздно ночью Джон Уэйд вспоминал, как он закрыл руками лицо и с воплем стал продираться через кусты в большое рисовое поле, где уже приземлялись вертолеты с боеприпасами и продовольствием. Поле было затянуто цветным дымом, сиреневым и желтым. Слышались громкие голоса, многочисленные выстрелы и взрывы, но людей разглядеть было трудно. Он увидел молодую женщину с разверстой грудной клеткой, без легких. Он увидел мертвый скот. Вились мухи, пылали деревья, пылали хижины.

Потом он оказался на дне ирригационного рва. Там было много трупов, может быть сотня. Он увяз в жидкой грязи.

Там его увидел рядовой Уэзерби.

– Здорово, Кудесник, – сказал Уэзерби. Он начал было улыбаться, но Кудесник взял и застрелил его.

Предположение

Случилось, может быть, вот что: Кэти утонула. Глупое происшествие, препятствие на пути лодки. Может быть, песчаная отмель. Может быть, Кэти летела стремглав, неслась на большой скорости, чувствовала лицом прохладные брызги, солнце, ветер – и вдруг треск, резкий толчок, ее поднимает, несет – миг невообразимой легкости, раскрепощения, полета – и вот уже вокруг нее озерная вода, а вскоре и в ней, и так, может быть, Кэти утонула, умерла, пропала.

Чистейшая гипотеза, просто одна возможность из многих; но могло случиться, что Кэти в то утро проснулась рано.

Может быть, секунду-другую она смотрела на него спящего. Нехорошая для него была ночь, как и многие Другие ночи; его закрытые глаза были запавшими, старыми, в темных кругах. Порой в последнее время она его едва узнавала. Ярость эта. Как инфекция – словно внутри засел вирус и множился, множился. Она хотела помочь, слова какие-то найти, но ничего не могла, конечно

Может быть, она наклонилась над ним, поцеловала его. Может быть, что-то шепнула.

Было темно еще, да, почти наверняка еще темно, когда она встала с постели. Приняла душ, высушила волосы, посмотрела, нет ли новых морщинок вокруг глаз, вернулась в спальню, надела выцветшие джинсы и белый хлопчатобумажный свитер. Двигалась осторожно, чтобы его не разбудить. Повесила купальный халат на крючок у двери, аккуратно положила шлепанцы у изножья кровати. Тихо-тихо, в одних носках, прошла в кухню, там исполнила все утренние ритуалы. Апельсиновый сок, витамины. Крепкий черный кофе. Пшеничные хлопья без сахара. Ела не спеша, ей нравилось быть одной, нравилась тишина вокруг. Это было ее любимое время дня: медленно прибывающий свет, робкие шелесты, шевеления. После завтрака почистила зубы, энергично, щетку ополоснула и поставила щетиной вверх в старую баночку из-под джема над умывальником. Вымыла посуду, вытерла стол. Всё привычные, твердо закрепленные действия.

Потом, налив себе еще кофе, села за стол со сборником кроссвордов. Это тоже был ритуал. Ей нравилось в начале дня добиться какого-то результата, решить то, что разрешимо.

Над озером разливался дымный утренний свет, и несколько секунд Кэти рассеянно смотрела в кухонное окно, то ли мечтая о чем-то, то ли думая, как было бы хорошо, если бы сегодня все наладилось. Взяли бы обед с собой на берег. Купались бы, загорали, разговаривали о том, как все пойдет дальше. Ведь это была одна из проблем – они перестали разговаривать. Они не общались, не занимались любовью. Раз попробовали, во второй вечер, но для обоих вышло неудачно, и теперь каждый словно оберегал свое тело, соблюдая дистанцию, прикасаясь к другому только изредка, ради тепла и покоя. Что им нужно, думала она, – это быть честными. Говорить обо всем, о чем раньше никогда не говорили, – о доверии, любви и боли, о самом сокровенном. Пусть он распахнет перед ней душу, а потом, если пойдет хорошо, если она сможет решиться, может быть, она откроет ему свою большую тайну, просто выложит все как есть. Скажет, как она рада, что это наконец кончилось. Прямо гора с плеч, скажет она. Никаких больше выборов. Теперь, когда все позади, можно признаться, как сильно она всегда это ненавидела. Опросы, толпы, телекамеры. Лютой ненавистью, скажет она. Ненавидела эти речи, эти мелкие заговоры, фальшивые улыбки и жадных старых политиканов с их карманными избирателями и потными ладонями. Ненавидела запах сигарет и предательства. Иногда, скажет она, от ненависти у нее нестерпимо болел живот – словно камень какой внутри, большой тяжелый камень, и все это она ему скажет. Может, после этого она не сдержится. Ударится в слезы. Вряд ли, впрочем. Но вот что наверняка: она все, что думает, ему выдаст про то, как она ненавидела это свое унижение на потребу идиотам. Главное, все на публику, все напоказ. Словно голую ее выставляли. Часто казалось, она не вынесет еще один актовъй зал, еще один цыплячий ужин, еще одну пропитанную жиром бумажную тарелку. Ненависть, скажет она. Чистая, глубокая, непритворная ненависть. Она развернет перед ним длинный, подробный перечень всего, что она ненавидит, а в конце скажет, что самое ненавистное – то, как политика обошлась с ее жизнью, не позволив получить самое желанное. Обыкновенный покой. Приличный дом, любимое дитя. Трудно, конечно, будет высказаться начистоту – еще бы не трудно, – но она ни о чем не умолчит. Скажет ему, какой втайне счастливой сделало ее поражение. Как мягкое тепло разлилось по всему телу – вот оно, освобождение, словно невесть сколько лет она таскала на шее огромный камень, и наконец он сброшен, и легко-легко стало в животе и груди.

Радость, скажет она. Ничего не могла с собой поделатъ. Радовалась тому, что все кончено.

Кэти закрыла глаза.

Не плакать, подумала она. Потом сказала вслух: «Не плакать, дурища».

Вздохнула, пошла к плите, налила себе еще кофе и прежде, чем вернуться к кроссворду, чуть постояла неподвижно. Было начало седьмого. На стенах кухни заиграли солнечные пятна. «То-то же», – сказала она, а потом минут пять—десять заполняла квадратики, без всяких усилий, почти даже не думая, как будто кроссворд разгадывался сам.

Она была спокойна и внимательна; полное равновесие, всё на своих местах

И тут, наверно, сперва только краем сознания, Кэти отметила, что в воздухе появился какой-то странный запах Приторная гниль, как от испорченных фруктов. Запах был и раньше, все время, примешивался к запаху кофе и апельсинового сока, но теперь он стал гуще, плотнее.

Может быть, поначалу она не придавала ему значения. Только чуть нахмурилась и продолжала заниматься кроссвордом.

А может быть, положила карандаш и пошла проверить холодильник и мусорное ведро. Еще раз принюхалась – может, сощурилась при этом, может, нет, – потом, поняв, откуда запах, тихо направилась в гостиную. С этого момента ход событий ускорился. Она что-то сказала – должно быть, в вопросительном тоне, – затем, протянув руку, дотронулась до одного из обваренных растений. Припомнила, что ночью свистел чайник и раздавался голос Джона. Через секунду картина ей стала ясна.

Что-то внутри нее сдвинулось.

Нет, паники никакой не было. Просто потребность вздохнуть. Скорость, вот что ей было нужно – движение без остановки.

Книжка с кроссвордами осталась лежать на кухонном столе. Кэти не стала задерживаться, чтобы взять куртку или оставить записку.

Не осознав еще, что собирается делать, она оказалась за дверью.

Почти бегом, ни о чем не думая, она спустилась по склону к лодочному сараю. Все импульсивно. Открыла двустворчатую дверь, выволокла маленькую алюминиевую лодку, спустила ее на мелкую воду и опять пошла в сарай за мотором. Старый «эвинруд» был тяжелый, но все-таки она смогла его укрепить на месте. Положила весла, канистру с бензином и спасательный жилет, потом вернулась закрыть дверь сарая. Правую створку которая болталась на одной петле, заклинило на полпути. Кэти крепко налегла плечом, но створка не поддавалась. Покачав головой, Кэти вброд дошла до лодки и залезла в нее. В этот миг, может

быть, она с досадой взглянула назад на застрявшую дверь; может быть, из-за этого она забыла надеть спасательный жилет.

Вот и выстроена цепочка событий. Дальнейшее – простое следствие.

Веслами она отгребла подальше от причала, на глубину. Там открыла клапан карбюратора и резко дернула шнур стартера; мотор ожил, она поставила регулятор на четверть и взяла направление на север, в сторону Энгл-Инлет. Ярдов через сто прибавила газу. Мельком Кэти, должно быть, заметила спасательный жилет под передним сиденьем, но не стала останавливать лодку, чтобы его надеть. Мысли ее были далеко.

Просто мчатся, думала она. Наклонилась вперед и вся отдавалась движению.

И вышло, наверно, так, что Кэти направила лодку вдоль извилистого берега, мимо курорта Берчвуд и острова Браш-Айленд. Она дала полный газ. Легкая лодка еще сильнее задрала нос кверху, нежное дуновение превратилось в тугой ветер, и минут десять–пятнадцать Кэти следила, как мимо плывет желто-зеленая размытая полоса берегового леса. Приятно было идти на скорости. Солнце, ветер, прохладные брызги на лице. Может быть, она размечталась. Может быть, закрыла на минутку глаза и попыталась убедить себя, что все-таки жизнь наладится. Даже сейчас это еще возможно. Тридцать восемь лет, не так уж и много, и, если повезет, она еще родит желанного ребенка, и у них будет дом с большим садом, где она разведет сирень и поставит белую птичью купальню. Нужно одно – быть друг с другом откровенными. Всё начистоту. Рано или поздно она сможет решиться. Хватит умолчаний – рассказать до конца, что у них было с Хармоном. А потом перечислить все, что ей отвратительно. Политика – это раз. Но еще и манипулирование, и скрытность, и жалость к себе, и паранойя. Сказать, что с этим надо кончать. Сказать, что она знает про его шпионство – годы уже, как знает, – и что она просто не может это дальше сносить. Щадить его она не будет. Не надо никаких обвинений – просто она скажет все как есть. Скажет, это была затяжная болезнь, но теперь все изменится. Теперь они свободны. Теперь можно все поправить, обновить жизнь, начать с чистого листа.

Так она и скажет.

Да, именно так. Большого она никогда не хотела. Простое счастье, и все.

Кэти кивнула в подтверждение своим мыслям и повернула на запад, в пролив мимо острова Магнуссона. Утро было свежее, солнечное. Она шла на полной скорости.

Там-то, может быть, все и случилось.

А может быть, милей дальше, где пролив сужается. Мимо плыла широкая лента сосен и голубой воды, лодка упруго подскакивала на волнах с белыми бурунчиками, и, может быть, на несколько секунд Кэти откинулась назад, отдалась солнцу и скорости. Может быть, она и не увидела песчаную отмель. Может быть, как раз думала о том, как все у них образуется, жизнь наладится, как они будут расстилать на веранде одеяла, лежать в наплывающем тумане и разговаривать, разговаривать. Вдруг днище лодки содрогнулось – раздался скрежет, – и на какое-то мгновение Кэти стала свободна от всего на свете, только легкость и высота, и она пролетела, паря, сквозь стеклянную крышу мира в другой мир, и вот уже вокруг нее озерная вода, а вскоре и в ней, и так, может быть, Кэти утонула, умерла, пропала.

О чем спрашивали

Окружной шериф Арт Лакс прилетел из Бодетт на рассвете двадцатого сентября. К семи утра он развернул временный штаб в мастерской на бензоколонке Пирсона. Не прошло и часа, как по радиации прозвучали первые объявления о пропаже человека, и к половине девятого на озере уже было больше дюжины поисковых судов.

В начале десятого Лакс и Винни Пирсон подкатили на старом «виллисе» к коттеджу Уэйда. На пороге их встретил Клод Расмуссен. Они сняли шляпы, обменялись рукопожатиями с Уэйдом и сели в гостиной; Клод и Рут отправились на кухню готовить им кофе. Джону Уэйду, который не шевелясь сидел на диване, материальный мир казался ненадежным и хрупким. Ночью он спал только урывками, от силы час в общей сложности; усталость играла с его зрением нехорошие шутки. На какое-то время он погрузился в себя, просто поплыл, а когда вынырнул, шериф что-то говорил о необходимости запастись терпением. Уэйд кивнул.

– Значит, пока никаких новостей?

– Пока никаких.

Лакс открыл небольшой отрывной блокнотик. Его бледно-голубые глаза смотрели сочувственно.

– Дело в том, сэр, что озеро-то не маленькое, нам понадобится время. – Поколебавшись, он продолжал: – А теперь, если вы можете отвечать, несколько коротких вопросов. Нет возражений?

– Все, что нужно для дела, – сказал Уэйд.

Лакс улыбнулся и положил блокнот на колено. Это был невысокий жилистый человек лет под шестьдесят, с загорелым и обветренным лицом; на нем были серые брюки и запачканная серая рубашка. Смахивает скорей на хозяина молочной фермы, подумал Уэйд, чем на блюстителя порядка. Бляха у него на рубашке казалась ненастоящей.

Шериф надел очки для чтения со стеклами полукругом.

– Просто чтоб вы знали, – сказал он, – двенадцать лодок уже на озере, а будет много больше. Канадская полиция пошлет своих спасателей из Кеноры, они здорово нам всегда помогают. К полудню организуем пару самолетов. А там и еще. Все будет идти через мой штаб – как обычно у нас. – Он опять улыбнулся. – Так что все кнопки уже нажаты. Пограничная служба, полиция штата. Большие силы задействованы.

Уэйд с трудом держал взгляд. Он чувствовал себя актером.

– Вот что вам надо иметь в виду, – сказал Лакс. – Такие вещи случаются довольно часто. Шесть-семь раз в год, а то и больше. Охотники, рыбаки пропадают. Как правило, все заканчивается благополучно. – Лакс взглянул на Винни Пирсона, который молча сидел сбоку полузакрыв глаза. – Почти всегда. Верно я говорю, Вин?

Пирсон нетерпеливо махнул рукой.

– Да, само собой. Ты бы его лучше спросил, почему он не...

– Спокойно. Не все сразу. – Шериф поправил очки, разгладил блокноту себя на колене. – Значит, так, сэр, мы от мистера Расмуссена знаем самое главное – канву событий, так сказать, – но лучше будет все услышать прямо от вас. Так ясней станет, что к чему. – Его глаза лучились сочувствием. – Но если вы сейчас не настроены отвечать, мы вполне можем отложить.

– Сейчас в самый раз, – сказал Уэйд.

– Ничего, если я буду записывать?

Уэйд кивнул. Из кухни доносился стук чашек и блюдец, невнятно звучали голоса Клода и Рут, опять он словно оскальзывался в сон.

Шериф щелкнул шариковой ручкой.

– Первым делом, пока не забыл, нет у вас под рукой фотографии? Ну, жены вашей, конечно.

– Зачем? Она же не...

– Без всякой конкретной надобности. Так, на всякий случай.

– На мокрый случай, – сказал Винни Пирсон. – На случай, если дама маленько отсырела.

– Да умолкни ты, бога ради.

– Он сам спросил.

Уэйд повернул голову и посмотрел Пирсону в глаза – соединил контакты, и что-то важное проскочило между ними мгновенной искрой. Подтверждение некоторых возможностей. Уэйд кивнул и вынул из бумажника маленькую фотографию. Снимок был зернистый и замусоленный, его сделали года четыре назад; шериф стал уважительно его разглядывать.

– Ух ты, – сказал он. – Красивая. А какие у нее параметры, сэр? Рост, вес и так далее

– Зачем вам это, раз есть снимок? Пять футов шесть дюймов, сто восемнадцать фунтов. В феврале будет тридцать девять лет.

– Особые приметы? Ну, шрамы и тому подобное.

– Нет никаких.

– Болеет чем-нибудь?

– Нет.

Шериф еще раз посмотрел на фотографию, положил ее в нагрудный карман и аккуратно застегнул клапан.

– Теперь вот что надо бы сделать, – сказал он, – Разобраться с хронологией. Как все произошло, по порядку. – Он бросил на Винни предостерегающий взгляд. – Ваша жена, как видно, ушла отсюда вчера.

– Да, вчера.

– Вчера утром?

– Да.

– А в каком примерно часу?

– Не знаю, – ответил Уэйд. – Думаю, рано. Я встал и увидел, что ее нет.

– А когда это было?

– Простите, не понял?

– Ну, проснулись вы в какое время?

– Я же сказал, точно не знаю. В одиннадцать, в двенадцать – вот так

– Вы поздняя пташка, выходит?

– Обычно нет, – сказал Уэйд. – Сейчас я на отдыхе.

Шериф мягко кивнул.

– Да, конечно, я как-то это упустил. Отдых тут у нас роскошный. – Он поразмыслил секунду-другую. – Значит, если я вас правильно понял, ваша жена могла быть здесь самое позднее до полудня. Вчерашнего дня, в смысле.

– Да, выходит так.

– А когда вы в последний раз ее видели?

Уэйд задумался. Последние события казались ему зыбкими, текучими.

– Вскоре после полуночи, – сказал он. – В какой-то момент я встал, пошел на кухню выпить чаю. Она еще была на месте.

– Спала?

– Да, конечно. Спала.

– Необычное что-нибудь заметили?

– Ничего абсолютно.

– Ясно, ясно. Получается, что мы имеем двенадцатичасовой интервал. От полуночи до полудня. В этом промежутке она и пропала.

– Думаю, так.

– И вы не видели...

– Я не видел ни-че-го, – прервал его Уэйд. – Я проснулся, ее уже не было. Вот и все.

– И это было вчера?

– Да, вчера.

Лакс записывал медленно, рука плохо его слушалась; некоторые фразы он подчеркивал. Наконец поднял голову.

– Так, славно, кой-куда мы продвинулись. Теперь, когда вы в первый раз заподозрили неладное? То есть поняли, что может быть неприятность?

– Не могу точно сказать. Думаю, довольно скоро.

– Скоро?

– Пожалуй, да. – Уэйд контролировал свой голос, тон и смысл произносимых слов. – Я хочу сказать, это сидело во мне как заноза, но я не думал... понимаете... я не думал, что это может быть серьезно. Мало ли куда она отправилась, Пошла на прогулку.

– Она любила дальние прогулки?

– Иногда.

– Так что вы просто ждали?

– Да.

– И больше ничего?

– Больше ничего.

Винни Пирсон негромко хмыкнул.

– Ждал, – сказал он; потом вынул щипчики и принялся вычищать грязь из-под ногтя большого пальца. Кожа у него была болезненно-бледная, почти бесцветная. Не альбинос, подумал Уэйд, но близко к этому. Как большой белый зародыш. Уэйд заставил себя отвести взгляд.

– Значит, вы ждали, – повторил Лакс. – И долго?

– Получается, довольно долго. Весь день.

– И что делали?

– Да разное. Дом прибирал, наводил порядок. Не понимаю, какое это имеет отношение к делу.

– Да кто его знает, наверно, никакого. Хотя иной раз бац – смех, да и только, – возьмет какая-нибудь глупая маленькая деталька, подпрыгнет и давай задом вертеть, и окажется она ох какой важной. – Шериф поглядел в свой блокнот. – Так, и в конце концов, значит, вы все-таки решили, что дело неладно.

Уэйд кивнул.

– Стемнело, а она еще не вернулась.

– И вы пошли ее искать?

– Да.

– Когда? Уже совсем темно было?

– Нет еще. Как раз смеркалось – семь, начало восьмого. Я немного прошел по дороге – думал, может, наткнусь на нее, больше ничего в голову не приходило. Потом вернулся и снова стал ждать.

– Просто ждать?

– Естественно. Что же еще?

Лакс вежливо улыбнулся

– Вам, может, расслабиться надо было. Пропустить рюмку-другую. Нервы и все такое.

– Может, и так. Ну и что?

– Да ничего. – Шериф заулыбался еще шире. – Почему я спрашиваю. Мистер Расмуссен говорит, вы были слегка под мухой. Позже, ночью уже, в смысле.

– Ах ты господи.

– Так он ошибся?

– Нет, пару рюмок я выпил. – Уэйд почувствовал, как в горле поднимается что-то кислое, отдающее капустой. – Да послушайте, боже мой, что за идиотизм. Кэти неизвестно где, может, ждет помощи на берегу, а мы тут сидим и выясняем, сколько, к чертовой матери, я выпил рюмок.

– Так сколько все-таки?

– Вам точное число?

– Точность не помеха.

– Штук пять-шесть, – сказал Уэйд. – Меньше нормы.

Винни Пирсон поднял глаза от ногтей.

– А про лодку-то, – сказал он. – Спроси, почему это он ни разу не поинтересовался...

– Вин, заткнись немедленно.

– Но ведь он ни разу...

– Да уймись ты. – Лакс с улыбочкой посмотрел на Уэйда. – Не обращайтесь внимания, уж такой он, наш Винни. Шведская кровь. Он вот на что напирает: почему за все время – за все время, пока вы ждали жену, – вам и в голову не пришло заглянуть в лодочный сарай. Кого ни спроси, любой скажет – это первое, что надо было сделать.

– Не могу объяснить, – сказал Уэйд. – Как-то не подумал об этом. То есть подумал, но позже.

– Когда – позже?

– Совсем поздно было. Около полуночи.

– И тогда-то вы наконец обратились за помощью. Когда увидели, что лодки нет.

– Именно так.

– Через двенадцать часов после того, как узнали, что жены нет дома.

– Совершенно верно.

Лакс смотрел в блокнот, улыбка соскользнула с его лица. Кажется, ему не нравится собственный почерк.

– Тут вот какая закавыка, – сказал он. – Что-то не все складно в этой истории с лодкой. Взять, к примеру, шум. Когда заводят мотор, это попробуй не услышь.

– Почему? Я же спал.

Лакс глубокомысленно кивнул.

– Да, понятно. Но эти старые «эвинруды», они же дико трещат. Тут, как говорится, и мертвый заворочается. – Он помолчал, нахмурился. – Вы уши ничем не затыкали?

– Нет.

– Крепко, выходит, спите.

– *Поразительно* крепко, – ухмыльнулся Винни Пирсон.

Воздух в комнате был спертый, густой и безжизненный. Уэйд почувствовал облегчение, когда вошла Рут Расмуссен с кофейником и большим блюдом горячих булочек. Она ободряюще ему улыбнулась, наполнила чашки и вернулась на кухню. На мгновение он словно провалился в какой-то разлом действительности. Дом наполнился запахом Кэти, ароматом ее духов и крема; Уэйд ощутил ее близость, ее телесное присутствие.

– Мистер Уэйд.

– Извините, я не...

– Ничего, ничего. Я вот что хочу узнать у вас, сэр, – терпеть не могу об этом спрашивать. – Шериф запустил еще одну улыбку. – Вы и ваша жена. Проблем не было?

– Не понимаю.

– Ну семейных трудностей. Ссор там, обид.

– Нет.

– Вообще каких-либо неприятностей?

– Ну ладно вам, газеты небось читаете. – Уэйд почувствовал, как у него начинает гореть лица – Да, черт возьми, была неприятность.

– Выборы?

– Да, выборы.

– Это не просто пережить, могу себе представить, – кивнул Лакс. – Не сахар – проиграть таким макарном. Плюс вьетнамская эта пакость. Газетчики, телевизионщики, вся журналистская братия – да уж, уделали так уделали. Тут только держись.

– Мы и держались, – сказал Уэйд.

– Все равно. Какие там еще джентльменские выборы. – Лакс помолчал. – А вот Винни наш, он тоже из вьетнамцев. Морская пехота.

Пирсон нахмурился, но глаз не поднял.

– Детей не убивал.

– Замечательно, – сказал Уэйд. – Рад за вас.

– Ага, замечательно.

– Так или иначе, – продолжал шериф, – какие-то трения у вас могли быть. Напряжение, оно же сказывается.

– Не понимаю, о чем вы.

– Да ни о чем конкретно, – сказал Лакс. – Фон хочу выяснить.

Винни Пирсон насмешливо фыркнул:

– Какой там фон, давай к делу переходи. Спроси о том, что Майра нам рассказала.

– Вин, а соблаговоли-ка, на хер, заткнуться.

– Спроси, спроси.

Почти незаметно двое мужчин переглянулись; затем взгляд шерифа, описав дугу по полу гостиной, опять перешел на Уэйда.

– Эта девушка из «мини-марта» – Майра Шоу, – помните ее? Лет восемнадцати, пухленькая такая.

– Черта с два пухленькая, – вмешался Винни Пирсон. – Это родственница моя, она жирная, как бегемот.

– Верно, верно. Так вот, эта девушка говорит, что вы с женой позавчера туда заезжали и что у вас вышел спор. Довольно жаркий спор, по ее словам.

– Ничего подобного, – покачал головой Уэйд.

– Вы утверждаете, что этого не было?

– Нет, я просто говорю, что это смешно. Парой слов обменялись, и все, длилось это минуту, не больше.

Уэйд с усилием встал и подошел к окну гостиной. Ослепительно-яркий осенний день, слишком уж яркий, и трудно ему было совместить это солнце с тем, что делалось у него внутри.

– Ссоры никакой не было, – сказал он тихо. – Несогласие, только и всего.

– Я прекрасно понимаю.

– Вы так это представили...

Лакс мотнул головой.

– Я ничего такого не имел в виду. Вы говорите, это несущественно, значит, это несущественно. – Опять в его глазах появилось сочувствие. Он откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу. – Я только хотел сказать, что все это могло подействовать на вашу жену, напряжение там и прочее. Может, ей захотелось сменить обстановку, побыть без вас какое-то время.

– Побыть где? – спросил Уэйд.

– А это вот вопрос. У нее нет тут друзей поблизости?

– Нет.

– Родственников тоже нет?

– Здесь нет. В Миннеаполисе есть сестра.

Шериф опять заулыбался.

– А что, чем черт не шутит. Взять и позвонить, может, ваша жена связывалась с... Простите, я не уловил, как ее зовут. Сестру, в смысле

– Пат. Патриция Гуд.

– Фамилия по мужу?

– Да. Правда, они в разводе.

– Больше родных никого нет?

– Близких – нет, – покачал головой Уэйд. – Родители умерли.

– Так я вот что предлагаю, – сказал Лакс. – Обзвоните всех, кого сможете. Знакомых и так далее. Иной раз, знаете, накатит что-то на человека, хлоп – и нету его; неделя, две проходит, и возвращается как миленький. Я сам такое наблюдал. – Он снял очки и поднял глаза на Уэйда. – Раньше когда-нибудь исчезала она?

– Как сейчас – нет.

– А как?

Уэйд вдруг почувствовал бесконечную усталость. Были вещи, которые ему не хотелось обсуждать.

– Никак. Изредка пропадала из виду совсем ненадолго. На несколько часов максимум.

– Другой кто-нибудь замешан?

– Простите, не понял.

– Ну, другой мужчина.

– никоим образом, – ответил Уэйд.

– Вы так уверены.

– Да. Уверен. – На секунду перед ним мелькнуло лицо дантиста. – Тут нет вопроса.

– Понимаю. Ну вот, кажется, и все, – Шериф вздохнул и посмотрел на часы. – Самое последнее. Мистер Расмуссен говорит, что ночью у вас были трудности с телефонным аппаратом. Не сразу вы его нашли как будто.

– И какой же закон я нарушил?

– Никакой. Только вот почему он был под кухонной раковиной? Завернутый в полотенце.

– Во рту сплошная кислая капуста. словно кто-то другой дышит, а не ты.

– Да поймите вы, так люди делают иногда. Это для меня был символ. Телефон связывает с внешним миром, со всем дерьмом, какое там осталось, с выборами. Отсоединил, убрал с глаз долой и думать про него забыл. Символ, вот и все.

– Символ, – повторил Лакс. – Записать надо.

– Сделайте одолжение.

– А цветы в горшках? Тоже символы?

Короткая заминка. Винни Пирсон хохотнул.

– Да нет, я не... – Уэйд осекся. – Вы слишком все усложняете. Кэти ждет помощи. Остальное – чушь собачья.

На щеке у Лакса дернулся мускул.

– Чушь собачья, – пробормотал он.

Закрыв блокнот, встал, сделал знак Винни Пирсону. Устремил взгляд в сторону окна.

– Мистер Уэйд, вы важная персона, я понимаю. Политик и все такое, не наш уровень, так что вы уж нас извините. Я простой деревенский легавый. Винни, он и того хуже. Качает свой бензин и подрабатывает у меня помощником. Два дубаря, короче; но я вас заверяю, мы из кожи будем лезть, чтобы найти женщину. Понадобится – озеро до дна вычерпаем. Лес повырубим, землю перекопаем. – Он великодушно улыбнулся. – Это вам не чушь собачья, это гарантия

на сто процентов.

Они надели шляпы и двинулись к выходу.

– Потерпите несколько часов, – сказал Лакс – Я с вами свяжусь, если что. Не забудьте про телефонные звонки.

Когда они ушли, Уэйд постоял минуту-другую у окна гостиной. Отчаянно хотелось спать. В голове, позади глаз, что-то вращалось не переставая – какой-то блестящий черный камешек. Он отчетливо чувствовал его вес. Чтобы собрать кофейные чашки и отнести на кухню, потребовалось нешуточное усилие воли. Клод сидел там за столом на табуретке, Рут разбивала на сковородку яйца.

– Еще три минутки, – сказала она, – и мы вас заправим как следует. – Она отодвинула назад волосы тыльной стороной ладони. – Ну, как поговорили?

Уэйд поставил чашки в раковину. Он не знал, что с собой делать. Исчезновение Кэти не укладывалось в его сознании – оно было лишено смысла.

– Я спрашиваю, поговорили-то как?

Его глаза уперлись в большой железный чайник.

– Нормально, по-моему. Правда, меня тут держат за распоследнюю пьянь.

– Да ну? – засмеялся Клод.

– И еще всего повешали.

– Вот ведь незадача. – Старик, ухмыльнувшись, качнулся на табуретке. – По части такта я, правду сказать, не очень. Но я не говорил «пьянь», я сказал, что ты малость поддал, было ведь куда деваться. Да никто тебя не осуждает за это.

– Ну и славненько.

– Что они могут против тебя иметь?

– Пирсон этот. Он вроде как...

Рут подняла глаза от сковородки.

– Да не берите в голову, Винни он Винни и есть. Дайте срок, еще несколько часиков – и прискачет ваша Кэти, прямо в эту кухонную дверь влетит, хороши же мы все будем.

Она выложила яичницу на тарелку и подала ему с теплой булочкой.

– Ешьте давайте, а потом – на боковую.

Яичница пришлась очень кстати. Поев, Уэйд попробовал позвонить в Миннеаполис сестре Кэти. Никто не взял трубку, и, секунду поколебавшись, он кивнул Рут и нетвердой походкой побрел в спальню.

А вот уснуть не получалось. От усталости черный камешек позади его глаз сделался совсем твердым, в суставы коленей и локтей словно насыпали песку. Он лежал на кровати лицом вверх и изучал свое состояние. Что-то нарушилось во внутренней биологии. По потолку пробегали серебристые искорки, макушка головы остро подрагивала, словно к черепу подвели электроды, на которые скачками подавалось напряжение.

С раскаянием тоже были трудности. Он почти ничего не чувствовал, разве что небольшую неловкость из-за своих поступков или проступков. Ему не нравилось, как прошел допрос. Некоторые важные темы не были затронуты вовсе. Душевное здоровье – раз; память – два. Даже и сейчас ему трудно было выстроить в хронологическом порядке события тех последних часов, когда они еще были вместе. Картинки не складывались в одно целое чайник – темнота – как он скользил туда-сюда, словно сила тяжести больше не действовала. Он помнил, как возились под полом веранды мыши. Помнил сложный, насыщенный запах леса, и туман, и странное движение, которое Кэти иногда делала пальцами, легкий взмах, словно она желала разогнать все зло, скопившееся в их жизни. Но было такое, что вспоминалось ему только смутно. Как он в ту ночь встал с постели. Было поздно, это он помнил; но, плывя в полуночном потоке, он взмыл над обычным ходом времени. Он помнил пар, помнил бежавший под кожей ток. Помнил басовитое, злое жужжание; «Христа прикончить» – вот что он говорил. Ничего не мог с собой поделать. И он обварил кипятком большую цветущую герань у камина, потом карликовый кактус и другие еще растения, названий которых не знал. Он был в одних трусах, это он помнил. Ночь наполнилась запахом гнили. Он помнил, как опять налил в чайник воды, подождал, пока она вскипела, пошел в спальню. «Христа прикончить», – повторял он и повторял, только теперь шепотом, и кисти рук существовали отдельно от всего остального. Каркас сознания был снят, и все мечты были ему подвластны, все блаженные иллюзии и чудеса. Весь мир был наэлектризован. Он помнил, как смотрел на спящую Кэти, любуясь загаром на ее шее и плечах, маленькими морщинками у глаз; помнил, как в неясном свете казалось, что она чему-то слегка улыбается; помнил ее согнутый большой палец на подушке у самого носа. Вдруг его охватила великая нежность. Как радиосигнал из другой галактики – *нежность* – внутри

все размякло, перехватило дыхание – пронзительный призыв, мольба о защите и успокоении. Любовь, подумал он. Он помнил вес чайника. Помнил клубы пара в темноте. Какое-то странное хлопанье, словно бы крыльев, потом басовитое жужжание – а позже он вдруг обнаружил, что стоит по пояс в озере. Теперь уже совсем голый, ощущая ступнями и пальцами ног илистое дно. Он смотрел на звезды, раскаленные белые звезды на черном небе. Это было глубже, чем воспоминание. Образы, живущие по ту сторону яви и по ту сторону сна, там, где бессильна всякая логика. Не воспоминание, нет. Знание. Как равномерно накатывали на грудь волны, как было холодно, как он погрузился с головой – не нырнул, просто ушел под воду, – как ощутил на языке вкус рыбы и водорослей, как по ступням царапнуло что-то острое, как легкие и руки сдавило страшной тяжестью и как, наконец, он вошел в полосу забвения. Потом он, дрожа, сидел на краю причала. Он был голый. Запрокинув голову, смотрел на звезды.

Сушая нелепость, подумал Уэйд.

Взбил подушку, лег снова и стал взвешивать возможности.

Когда проснулся, было почти совсем темно; деревья за окном стояли в паутиной фиолетовой дымке. Часы на ночном столике показывали 5.56.

Уэйд оделся, ополоснул лицо и вошел в гостиную.

– Спящая красавица, – сказал Клод.

Старик раскладывал пасьянс на карточном столике у камина. Горел огонь, но все равно в доме было сыро и зябко.

– Пока ничего, можешь и не спрашивать, – сказал Клод. – Час назад звонил твой приятель Лакс, на завтра он организовал еще лодки. В общем, взялись. – Старик перетасовал колоду и разложил карты заново. – Мы здесь, в другой спальне заночуем, я и Рут. Чтоб ты в собственном соку не варился.

– Это необязательно.

– Может, и необязательна. Но все-таки. Уэйд пожал плечами.

– Так я еще не приговорен?

– Господи, да за что?

– Не прикидывайся дурачком. Старик поднял глаза от карт и захохотал.

– Это Винни тебя застращал, точно, он. Ну не может человек иначе. Он и на солнце отыщет пятна.

– Так ты не думаешь...

– Да ничего я такого не думаю, черт тебя дерит. И Рут не думает. Только вот не пора ли начать себя вести, как полагается мужу? Побольше нормального беспокойства, это всегда хорошо смотрится.

Вечер прошел тихо. После ужина Уэйд погулял немного по берегу, побрился, принял душ, потом сделал пару коктейлей с водкой и вынес их на веранду. Причал и лодочный сарай были уже окутаны туманом. Он потягивал питье почти час, прислонившись к столбу и слушая лесные шорохи; позади глаз все крутился и крутился черный камешек. Давным-давно, мальчиком, он научился превращать свое сознание в подобие школьной доски. Дрянь всю стираешь. Новое, хорошее – пишешь.

Около девяти опять попробовал позвонить сестре Кэти. Потом еще несколько раз пытался, но дозвонился только около полуночи.

Разговор был тяжелый. Их отношения имели свою историю; накопилось и отчуждение, и недоверие. Ее голос звучал искаженно, почти неузнаваемо, словно она говорила через платок

– Двадцать минут назад включаю телевизор... – Треск в трубке. – *Что случилось?*

– Пока не знаю. Она отправилась одна на лодке. Больше ничего не известно.

– О господи.

Опять помехи, искажение звука. Они поговорили еще минут пять – большей частью вопросы и ответы, – оба стараясь держаться в рамках вежливости. После дня выборов Кэти ни разу ей не звонила; в голову приходит только самое очевидное, то есть несчастный случай. Голос ее прервался, несколько секунд в трубке была тишина.

– В общем, я уже собрала вещи, – сказала она. – Буду завтра, и, надеюсь, рано.

– Я не уверен, что это...

– Завтра, – повторила она.

Материалы

- Что это значит – эвакуировать человека гранатой?
- Не имею понятия, сэр.
- Но вы же сами так сказали.
- Это была фигура речи, сэр.
- Что вы имели в виду, когда так сказали?
- Я имел в виду... Я просто имел в виду, что я не мог никого эвакуировать иначе как гранатой. А это не совсем то же самое, что эвакуировать в прямом смысле.

Уильям Колли, показания на военном трибунале

Община Сонгми находится примерно в 9 километрах к северо-востоку от города Куангнгай поблизости от Южно-Китайского моря. В марте 1968 г. община состояла из четырех селений: Тукунг, Милай, Микхе и Колюи; каждое из них подразделялось на несколько мелких деревень... Вьетнамские названия этих деревень во многих случаях не совпадают с обозначениями на американских картах этого района... Например, деревня, обозначенная на карте как Милай-4, в действительности называется Тхуангиен». [18]

Комиссия Пирса

- Что вы сделали?
- Я навел на них автомат.
- Зачем?
- Потому что они могли напасть.
- Это были дети?
- Да.
- И они могли на вас напасть? Дети?
- У них на теле могли быть спрятаны гранаты. Матери могли их бросить прямо в нас
- Грудных детей?
- Да.
- Грудные дети были на руках у матерей?
- Кажется, да.
- Дети выказывали агрессивность?
- Я мог ожидать чего угодно.

Пол Мидлоу, показания на военном трибунале

Я его воспитывала добрым мальчиком, я все что могла сделала. Потом приходят и берут его в армию. Он сражался за нашу страну,

а теперь смотрите, как с ним поступили. Убийцу из него сделали, ни больше ни меньше.[19]

Миссис Миртл Мидлоу, мать Пола Мидлоу

...есть черта, которую человек не должен переходить есть поступки, которых он не должен совершать, каковы бы ни были приказы и каким бы безнадежным ни было положение, ибо такие поступки уничтожают в нем нечто более ценное, чем сама жизнь.

Дж.Гленн Грей. «Воины»

У Джона был свой метод, как со всем этим справляться. Вы скажете, последние события его уничтожили. Но, может быть, во многих отношениях он уже был уничтожен.

Энтони Л. (Тони) Карбо

Меня поражает, как мало из этих фактов я могу припомнить, как мне не хочется их припоминать...

Полковник Уильям В.Уилсон, военный следователь

Да не помню я. Это три года назад было.

Рональд Гржезик, показания на военном трибунале

– Вы доложили кому-нибудь из офицеров о том, что видели?

– Не могу точно вспомнить.

Рональд Эберле, показания на военном трибунале

– Сколько человек было во рву?

– Не знаю, сэр.

– По какой площади во рву они были разбросаны?

– Не знаю, сэр.

– Можете ли вы хотя бы примерно сказать» сколько человек было во рву?

– Нет, сэр.

Уильям Колли, показания на военном трибунале

– Что потом произошло?

– Он [лейтенант Колли] начал сталкивать их вниз и расстреливать их в этом овраге.

– Сколько раз он стрелял?

– Я не помню.

Пол Мидлоу, показания на военном трибунале

Теперь только мухи и вспоминаются. Да еще вонь. Ребята делали себе противогазы: мочили майки в жидкости от комаров и порошковом лимонаде. От вони немного спасало, от мух – нет. Они постоянно мне снятся. Думаете, я спятил?

Ричард Тинбилл

Обычная реакция на зверства, которые ты совершил или видел, – вычеркнуть их из сознания.

Джудит Герман. «Травма и выздоровление»

Джон по-настоящему страдал во время избирательной кампании. Эти ужасные вещи, которые о нем говорили, это все неправда. Я не верю ни единому слову.

Элеонора КУэйд

– Вы видели в деревне мертвых вьетнамцев?

– Да, сэр.

– Сколько?

– Почти все были мертвые. Повсюду лежали.

Джин Оливер, показания на военном трибунале

С людьми, не принимающими активного участия в военных действиях, включая военнослужащих, сложивших оружие или выведенных из строя болезнью, ранением, пленом или иными причинами, следует при любых обстоятельствах обращаться гуманно...

Женевские конвенции о законах войны, 1949 г., статья 3, раздел 1

– Опишите, пожалуйста, что вы видели.

– Во рву была большая куча мертвых вьетнамцев.

– Сколько примерно?

– Трудно сказать. Наверно, сорок или пятьдесят.

– Опишите, пожалуйста, этот ров.

– Глубина футов семь—десять, ширина десять—пятнадцать.

Трупы лежали по всей ширине – и в середине, и по краям. Часто один поверх другого.

Ричард Пендлтон, показания на военном трибунале

– Почему вы решили, что они мертвые?

– Они не шевелились. Из них очень много крови натекло. Они лежали и группами, и по отдельности.

– Там были старики, очень молодые люди и матери. Кровь текла отовсюду. Сплошная кровь.

Чарльз Холл, показания на военном трибунале

– Вы видели трупы?

– Да, сэр.

– Женщин и детей?

– Да, сэр, женщин и детей, примерно двадцать пять трупов в северо-восточной части деревни Милай-4.

– Где-нибудь еще вы видели трупы?

– Да, сэр. Десять или около того в одном месте к северу от Милай. Это были одни женщины, и все голые.

– Был рядом кто-нибудь из вашего взвода?

– Да, сэр. Там был Рошевиц. У него был гранатомет. Он уничтожил этих женщин картечным зарядом из гранатомета.

Леонард Гонсалес, показания на военном трибунале

Приобщено к делу под № 8: сундук с фокусами Джона Уэйда. Из описи содержимого.

Колода карт (из одних бубновых валетов)

Напальчник, имитирующий ноготь большого пальца

Фотографии отца (12 шт.)

Пачка жевательной резинки

Орден «Бронзовая звезда» со знаком «V»

Медали «Пурпурное сердце» за ранения (2 шт.)

Армейская медаль за отвагу

Значок пехотинца

Вощенная бечевка

Накладные усы

Пустая бутылка из-под водки

«Мыслительная магия» (книга)

«Искусство левитации» (книга)

– В кого они стреляли?

– Во врага, сэр.

– То есть в людей?

– Во врага, сэр.

– Это были не люди?

– Да, сэр.

– Это были люди?

– Да, сэр.

– Это были мужчины?

– Не знаю, сэр. Наверно, да, сэр.

– Вы что, их не видели?

– Не понял, сэр.

– Видели вы их?

– Я не различал.

– Женщин вы видели?

– Не знаю, сэр.

– Как это понимать – вы не различали?

– Я не различал между собой жителей деревни, сэр. Они все были враги, их всех надо было уничтожить, сэр.

Уильям Колли, показания на военном трибунале

Критический момент в жизни солдата наступает, когда ему приказывают совершить поступок, который полностью противостоит его моральным принципам.

речит его понятиям о том, что правильно и хорошо. Может быть, впервые в жизни он попадает в ситуацию, когда действие, которое кто-то считает необходимым, лично для него является преступлением... Внезапно солдат чувствует себя совершенно покинутым, лишенным всякой защиты. Совесть изолирует его, говорит с ним предостерегающим голосом. «Если ты это сделаешь, потом у нас с тобой мира не будет. Ты можешь это сделать, но не должен. Будь мужчиной, не становись орудием в чужих руках».

Дж.Гленн Грей. «Воины»

Нарушение человеческих связей и, как следствие, риск посттравматического стресса проявляются сильнее всего, если человек был не пассивным свидетелем, а активным участником жестокого убийства или иного зверства.

Джудит Герман. «Травма и выздоровление»

– Хотя бы раз в этот день по вам открывали огонь?

– Нет, сэр.

Фрэнк Бердсли, показания на военном трибунале

– Вы исполняли приказ?

– Да, сэр.

– Что вам было приказано?

– Убивать там все живое.

– Солдаты слева и справа от вас исполняли этот приказ?

– Да, сэр. Все стреляли.

Сальваторе Ламартина, показания на военном трибунале

Джон! Джон! О, Джон![20]

Джордж Армстронг Кастер [21]

Проклятые мухи!

Ричард Тинбилл

Я просто отключился. Мой разум просто отключился. И я ведь не один был такой. Другие тоже, многие. Все убивали, и я убивал. Только начал, сразу... сразу все, чему меня в армии обучали, что запрограммировали во мне, просто вышло наружу... Я действовал как заведенный. Без всякого понятия о смысле, о цели. Просто начал убивать кого мог и как мог. Что-то на меня нашло. Я никогда не думал, что на это способен.

Варнадо Симпсон (третья рота, второй взвод)

– Что дальше было?

– Лейтенант Колли подошел к сержанту Митчеллу. Потом они вернулись обратно и начали сталкивать людей в ров дулами автоматов.

– Что вы при этом делали?

– Ничего. Я отвернулся.

Чарльз Следж, показания на военном трибунале

– Потом что произошло?

– Подошел лейтенант Колли и говорит «Позаботьтесь-ка об этих». Мы сказали: «Хорошо»; стоим, смотрим на них. Он отошел, потом вернулся и говорит «Вы что, не слышали? Я велел о них позаботиться». Мы ответили: «Вот стоим, караулим». Он сказал: «Да убить же их надо». Я слегка был ошарашен и не знал, что делать... Они стояли рядом, а я позади них. И вот они – то есть Колли с Мидлоу – выдвинулись еще немного вперед и начали палить прямо в людей... Из автоматов, очередями. Люди кричали, вопили и падали. Некоторые пытались встать. И не могли. Вот как оно было. Мясорубка, в общем. Головы так и трескались. Куски черепов, куски мяса летели во все стороны.

Деннис Конти, показания на военном трибунале

Спешившиеся солдаты тогда побежали вниз по склону и скатились в овраг, где и нашли потом их тела. Они, должно быть, чувствовали себя совершенно беспомощными и бросились в единственное место, где, казалось, могут обрести защиту. Но овраг стал для них ловушкой. Теперь они могли только жаться к его откосам или прятаться в кустах, со страхом глядя вверх, – и ждать. Некоторые попытались вскарабкаться по южному склону—об этом говорят вмятины от сапог и борозды, прочерченные, вероятно, их пальцами, – но никто, судя по следам, выбраться не смог.

Эван СКоннелл. «Сын утренней звезды»

– Вы стреляли в кур, свиней, собак?

– Да, сэр.

– Вы стреляли во все подряд?

– Не во все подряд.

– Но почти во все?

– Да. Почти во все.

Рой Вуд, показания на военном трибунале

– Можете вы их описать?

– Это были женщины и маленькие дети.

– Что они делали?

– Лежали на земле все в крови. Они мертвые были.

Реннард Дойне, показания на военном трибунале

– Был у вас разговор с лейтенантом Колли у этого рва?

– Да.

– Что он сказал?

– Попросил дать ему мой ручной пулемет.

– Это было у рва?

– Да.

– Что вы ответили?

– Сказал, что не дам.

Роберт Мейпяс, показания на военном трибунале

– Вы хоть раз обнажали интимные части тела в присутствии женщины в деревне Милай?

– Нет.

– Разве не факт, что вы в тот день ходили по деревне Милай и выискивали женщин?

– Нет.

– А разве не вы несли на плечах полуголую женщину, а потом бросили ее на землю, сказав, что она слишком грязная, чтобы ее насилловать? Было такое или нет?

– Да, было, но не в Милай.

Деннис Конти, показания на военном трибунале

Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям. Есть и такие, которые он и друзьям не откроет, а разве только себе самому, да и то под секретом. Но есть, наконец, и такие, которые даже себе человек открывать боится, и таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится... человек сам о себе наверно налжет.

Федор Достоевский. «Записки из подполья»

У тех, кто ушел на войну женатым или женился уже после возвращения, тоже не все идет гладко. Если супруги проснулись среди ночи из-за того, что муж во сне схватил жену за горло, обоим становится не по себе. Он что, сумасшедший? Он что, меня ненавидит? Что, в конце концов, происходит?

Пвйшенс Мейсон. «Выздоровление от войны»

Я же вам говорила, он кричал во сне. Кричал всякие мерзости. Кэти считала, что ему надо обратиться к врачу.

Патриция С.Гуд

Нет, что-то в нем поганое было. Точно говорю – я это просто носом чуял.

Винсент Р. (Винни) Пирсон

...среди преступлений, совершенных в общине Сонгми, – индивидуальные и групповые убийства, изнасилования, мужеложство, нанесение телесных повреждений, нападения на мирных жителей и дурное обращение с задержанными вплоть до их истребления.[22]

Полковник Уильям В. Уилсон, военный следователь

О природе политики

В конце ноября 1968 года Джон Уэйд подал рапорт с просьбой оставить его еще на год. Иного осмысленного выбора у него не было. После случившегося в Тхуангиен он потерял связь с какой-то важной частью самого себя. Не мог выбраться из грязи. «Тут чисто личные причины, – писал он Кэти. – Может быть, когда-нибудь я сумею тебе объяснить это решение, но сейчас я не могу отсюда уехать. Кое-что надо выправить, иначе я *никогда* домой не вернусь. В смысле, не вернусь так, как надо».

Ответ Кэти, когда он наконец пришел, был загадочен. Она его любит. Она надеется, что он так поступил не из карьерных соображений.

В последующие месяцы Джон Уэйд старался как можно лучше исполнить фокус под названием «забывание». Он ревностно нес солдатскую службу. Его повысили дважды: сначала до специалиста четвертого класса, потом до младшего сержанта, и мало-помалу он научился вести себя под огнем со сдержанным достоинством. Еще не доблесть, но первые шаги к ней. В начале декабря он получил неприятную поверхностную рану в горах к западу от Тюлай. Через месяц принял с полфунта шрапнели в бедро и нижнюю часть спины. Ему нужна была эта боль. Нужно было продемонстрировать свое мужество. Иногда он специально лез на рожон, вызываясь в головной дозор или ночной патруль, – это нужно было, чтобы забыть, чтобы похоронить один большой ужас под множественным простыми страхов.

Порой фокус почти получался. Порой удавалось почти забыть.

В ноябре 1969 года Джон Уэйд вернулся домой с немалым количеством наград. Через пять месяцев они с Кэти поженились – церемония под открытым небом, белые и розовые воздушные шары на ветках деревьев – и перед самой Пасхой въехали в квартиру в Миннеаполисе,

– Мы будем счастливы, – сказала Кэти. – Я точно знаю.

Джон рассмеялся и внес ее в дверь на руках.

Они украсили стены висячими растениями и батиками в деревянных рамках. Сколько радости было вместе покупать вещи – дешевую мебель, ковры, маленький телевизор; они любили друг друга прямо на полу, пока Кэти не нашла приличную подержанную кровать.

– Ну, видишь? – сказала она. – Права ведь я была.

Осенью Джон согласно своему плану поступил на юридический факультет; в конце августа 1973 года он с первой попытки прошел в коллегия адвокатов. Через неделю начал работать помощником эксперта по законодательству в Демократической фермерской рабочей партии штата Миннесота. Канительная работа с нищенским окладом, но он был готов к трудностям. Три года с лишним помогал протаскивать законы через собрание штата, оказывал людям мелкие услуги, копил на будущее их признательность. Война отодвинулась далеко-далеко – на световые годы.

Утром в пятую годовщину их свадьбы Джон принес Кэти завтрак в спальню на пластиковом подносе. Под кухонным полотенцем она обнаружила пять красных роз.

– А знаешь, – сказала она, – ты ведь изменился. Спокойней стал, вроде как довольней жизнью.

– Ты так думаешь?

– Да. И я очень рада.

Джон кивнул. Показал пустые руки, сделал движение, и в руках появились стеклянные серьги. Таким же манером возникли новые белые теннисные туфли; на каждой было написано ДЖОН+КЭТ и обведено сердечком. Все фокусы у него получались. Ранней весной 1976 года он выставил свою кандидатуру в сенат штата Миннесота.

– Ты победить-то хочешь? – спросил Тони Карбо.

– А то нет.

– Ты не понял. По-настоящему надо хотеть. Брюхом.

– Тот самый случай, – сказал Уэйд. – Брюхом, чем же еще.

Тони кивнул и ущипнул себя за мясистый второй подбородок. Близкими друзьями они не были и никогда не станут, но была у них какая-то совместимость, Удачное сочетание противоположностей. Ключ и замок, говорил Тони. Познакомились они два года назад во время кампании по сбору средств для партийной кассы. Несколько обедов, несколько ужинов, и они взяли друг друга на заметку.

– Ну, чудненько, – сказал Тони. – Ты голодный, это уже неплохо. Здоровый аппетит – великая сила.

Он скептически окинул взглядом одно из купленных Кэти настенных украшений, потом уселся на диван и уставил на Джона маленькие чуть раскосые глазки. Выглядел он не слишком импозантно. Тучный, с двойным подбородком и желтой нездоровой кожей. Как всегда, стандартный зеленый вельветовый костюм, красный галстук в жирных пятнах. Дышал Тони мелко, прерывисто.

– Ну так как? – спросил Джон. – В мою команду?

– Нет вопроса. – Тони ухмыльнулся и взглянул на Кэти. Зажег сигарету. – Красавец кандидат. Жена – загляденье.

– Я не на красоте буду ехать.

– О господи, – сказал Тони. – Горе горькое.

Кэти посмотрела на него с неприязнью. Тони ответил лучезарной улыбкой.

– На чем тогда игра? Герой войны?

– Никакой героики, – сказал Джон. – Реальные проблемы.

– А, понимаю. – Тони тяжело откинулся на спинку дивана и послал Кэти сквозь клубы дыма еще одну улыбку. – Но послушай, тогда плохи у нас дела, потому что этот мистер Реалистер в список избранных не попадет. Другие мистеры – да, он – нет. – Тони хмыкнул. – А я было подумал, ты правда хочешь победить.

– Не такими способами, – сказала Кэти.

– Прошу прощения?

– Джон дела хочет делать. Добиваться чего-то. В этом весь смысл.

Тони все улыбался и улыбался ей.

– Ну что я говорил – загляденье! И установка такая мне нравится; только вот в нашем мире ничегошеньки вы не добьетесь, ежели сперва не победите. Побежденные, они побежденные и есть.

Он колыхнулся на диване, устраиваясь поудобнее. Помолчал – казалось, перебирает в уме разные забавные возможности.

– Вся эта игра – политика то бишь, – она как охота за женщиной. Тот же принцип, в сущности.

Кэти повела глазами, но ничего не сказала.

– Представь-ка себе вот что, – сказал Тони. – Пришел ты, скажем, на вечеринку. Видишь – в углу сидит эта лапочка, это милое создание, ты, конечно, дрейфуешь к ней и давай политиканствовать. Ручку там пожмешь, в глазки заглянешь. Главное – трепаться, и чем

больше, тем лучше, про все-все-все. Про Аристотеля и про Ганди, про то, как эти ребята повлияли на тебя на глубоком личностном уровне, про то, как они перевернули твою жизнь. Заливай про свои индивидуальные достоинства, про то, как ты жутко болел полиомиелитом, про то, какой ты тонкий да чувствительный; а потом, сама вежливость, ты эту птичку приглашаешь ужинать. Тут не скупись, месячную зарплату долой, швыряй лопатами икру да устрицы. Хоп – и она перед тобой в долгу. Ничего такого прямо не говорится, боже упаси, но наша лебедушка тоже правила знает, уж будь уверен. Коммерческий кодекс, так сказать. Главное, ни на секунду не умолкай, пой соловьем про свои

профессиональные качества, про свои идеи об общественном телевидении, и так далее, до опупения. Важно, как ты все оставишь, верно говорю? Вина и рестораны, весь ритуал ухаживания, без этого не обойтись. Потому что девчонка тоже человеческое существо, как мы с тобой. Она свое «я» имеет. Свое достоинство. Она живая, она дышит, симпатяшка такая, и ты должен это уважать.

Тони перевел взгляд на Кэти.

– Просто метафора, – сказал он.

Джон Уэйд провел в сенате штата шесть лет. Тони руководил кампаниями – они были выдержаны в бойком рекламном стиле и обошлись дорого, но на вторых выборах успех дался гораздо легче: от 1976 к 1980 году преимущество почти утроилось.

Среди коллег-законодателей Джон прослыл многообещающим политиком. Он умел сходиться с людьми, умел выкручивать руки, не ломая их. Он понял, что любая власть зиждется на компромиссах, и хотя был прогрессистом в духе Хэмфри, сторонником равных возможностей в фундаментальных областях, наибольшее удовольствие извлекал из повседневной законодательной рутины, из «ты мне, я тебе», из маневрирования. Он инстинктивно чувствовал, когда надо уступить и что можно потребовать взамен; он был осмотрителен и тактичен; к нему многие расположились. Довольно рано он выработал свою фирменную скромность в поведении на публике, внушающий доверие облик такого мальчика, и к 1980 году, когда кончился его первый срок, это и другие его достоинства были замечены там, где надо. Газеты писали о нем как о восходящей звезде; ему прочили будущее в высоких сферах. Джон относился ко всему этому просто. Он не был лишен добрых побуждений. Он действительно хотел сделать в этом мире что-то хорошее. Иногда наедине с собой, не вдаваясь в особенные глубины, он смутно ощущал, что политика для него – орудие искупления, способ очистить от скверны самого себя и окружающий мир.

С другой стороны, Тони Карбо был по-своему прав. Политика – тоже профессия, и Джон не видел ничего дурного в том, что подает себя как победителя. Он носил дорогие костюмы, следил за весом, заводил нужные знакомства. Светловолосый, подтянутый, с мужественным лицом, он хорошо смотрелся на фотографиях, особенно если рядом была Кэти, и на людях держался так, что на него волей-неволей обращали внимание. На приемах и ужинах он вел беседу четко и сдержанно, но без излишней гладкости, которую можно считать неискренней. Это он тоже в себе развивал – искренность. Он оттачивал позы, жесты, отрабатывал узнаваемый стиль. Манипуляция – в ней по-прежнему была вся соль.

Сенат съедал прорву времени вплоть до выходных и праздников, отчего порой страдала их жизнь с Кэти. Нет, счастье у них, конечно, было, но счастье, устремленное в будущее Они многое отложили на потом – отдых, детей, покупку дома. Иногда вечерами они листали туристические проспекты, выписывали названия курортов и дорогих отелей, но кончалось всегда тем, что надо было беречь деньги для очередной избирательной кампании. С деньгами вечно было туго. Они старались не роскошествовать. Учились выгадывать на кредитных карточках. В свободные часы и во время сенатских каникул Джон подрабатывал в Сент-Поле в юридической фирме, а осенью 1981 года Кэти устроилась на полную ставку в приемную комиссию университета штата – так им удавалось свести концы с концами. Но все равно напряжение не отпускало. Порой казалось, что они взбираются на огромную белую гору, все время на пределе, все время на грани срыва, и фокус для них обоих состоял в том, чтобы сохранять самообладание, не спускать глаз с вершины, где их ожидает награда. Они старались быть оптимистами, но получалось не всегда. Они почти нигде не бывали. У них не было настоящих друзей. У них редко находились силы любить друг друга.

– Странно как-то, – сказала Кэти однажды вечером. – Тогда, в колледже, мы трахались и трахались, как кролик с крольчихой. А теперь вроде как... – Она прикусила губу. – Ну, не знаю. Иногда мне кажется, что я не с человеком, а с дверью живу. Толкаю ее, толкаю, хочу войти, а чертова штука ни в какую – заклинило.

– Разве я дверь? – спросил Джон. – И разве меня заклинило?

– Ощущение именно такое.

– Тогда прости. Мы это с тобой поправим.

Их взгляды встретились. Может, свет так падал, но в ее глазах появился странный серебристый оттенок.

– Джон, скажи мне. Я не знаю, есть ли для тебя что-нибудь понастоящему святое. Абсолютно святое.

– Мы с тобой, – ответил он. – Мой язык, твои губы. И ничего больше. На всю жизнь.

– Ты ничего от меня не скрываешь?

– Ну смешно, ей-богу.

– Точно?

– Точно, – сказал он. – На сто процентов.

На секунду она отвела взгляд, потом вздохнула и опять на него посмотрела.

– Так-то оно так, но ты бы мне все равно никогда не сказал, правда ведь? В смысле, если бы у тебя действительно были секреты.

Джон обнял ее за плечи. Усмехнулся, изображая нежный упрек, демонстрируя чистую совесть. Он до смерти боялся потерять Кэти, всегда боялся, но этого он ей не сказал.

– Чепуха, – сказал он. – Я люблю тебя, Кэт. Мы молодцы с тобой.

– Ты *совершенно* чистый? – спросил Тони Карбо.

– Совершенно.

– Никаких призраков прошлого?

– Никаких.

– Может, все-таки есть что-нибудь на дне сундука, темное такое дерьмо запрятанное, девочки там...

– Ничего нет.

– Уверен?

Джон улыбнулся.

– Можешь успокоиться.

– Что ж, будем надеяться, – сказал Тони, – потому что не дай бог тебе такое иметь. Любая сопля в носу – кто-нибудь обязательно ее вытащит и размажет тебе по лбу. Рано или поздно, обязательно. Запомни, дружок, – обязательно. На среднем уровне еще можно скрывать всякие штуки. Но не в высшей лиге.

– Я понимаю.

– И все у тебя в ажуре?

Джон на мгновение отвел глаза. В сознании мелькнул красный пузырящийся ров.

– Ага, – сказал он. – В ажуре.

Тони кивнул и взял блокнот.

– А как насчет религии? Веруешь? В Христа, надеюсь?

– Дело наживное.

– Лютеранство годится?

– Вполне.

– Отлично. Церковь раз в неделю, в десять утра как штык. – Брови Тони взметнулись вверх. – У меня такое предчувствие, что вице-губернатором теперь у нас должен быть лютеранин.

И опять Джон Уэйд выиграл с большим отрывом – больше шестидесяти тысяч голосов; последующие четыре года он провел, разрезая ленточки. Заранее было ясно, что вице-губернатор – представительская должность, скучная до невозможности, и с самого начала он рассматривал ее только как ступеньку. Он исполнял поручения, занимался партийной работой, старался почаще мелькать в газетах. Если, скажем, дулутскому отделению Киванис-клуба нужен был оратор для торжественного завтрака, он садился в машину, ехал туда, отпускал за куриным фрикасе несколько шуточек и светился золотым сиянием победителя. Он уже примеривался к сенату США. Будущее представлялось ему

счастливым – он это прямо-таки чувал.

В июле 1982 года Кэти сказала ему, что беременна.

В постели в тот вечер Джон крепко ее обнимал. Они молодые еще, сказал он. Времени впереди масса. Они уже почти у вершины горы, почти, последний рывок остался – а там хоть целый дом детей заводи.

Утром Джон позвонил куда надо.

Заполнили карточки.

Молодой веснушчатый врач все им объяснил и попросил подождать. Кэти листала журналы, Джон рассматривал картину в рамке с изображением пасущегося стада.

Медсестра вызвала Кэти; она встала, разгладила юбку.

– Ну ладно, – сказала она. – Кошелек мой стереги.

Качнулась, закрываясь за нею, дверь. Потом неизвестно сколько времени он сидел, оценивая достоинства жующих жвачку коров. Почему-то в нем шевельнулось сожаление; это его озадачило, и потребовалось некоторое усилие, чтобы направить мысли в другую сторону. Надо бы сделать два-три звонка. С Тони связаться. Он стал оглядываться в поисках телефона, приподнялся даже, но какая-то непонятная сила усадила его обратно. Комната показалась ему не очень надежной. Колыхалась она как-то. Вдруг, словно оказавшись в зеркальном ящике, Джон увидел на стенах и потолке клиники свои собственные отражения. Как в комнате смеха – все искажено, вывернуто под необычными углами. Он увидел мальчика, показывающего фокусы. Увидел влюбленного по уши студента-соглядатая. Увидел солдата, мужа, кандидата на выборную должность. Увидел себя изнутри, увидел себя сверху вниз; увидел всю свою органическую химию с перекрученными спиралями; и на мгновение он почувствовал, что сама его целостность находится под Угрозой.

Вечером за ужином он попытался рассказать про это Кэти. Безнадежное дело. Он не смог найти нужных слов. Глаза Кэти перебежали с одного на другое, скользя по поверхности вещей.

В какой-то момент он предложил пойти в кино.

– В кино? – переспросила она.

– Ну, если у тебя есть настроение.

Кэти посмотрела на него без всякого выражения. Ее светлые вьющиеся волосы чуть-чуть начали истончаться, в уголках глаз скопились морщинки от всех этих лет.

– Ладно, – сказал он, – кино в другой раз.

Посидели еще молча. Стояла середина июля, было жарко и влажно, и довольно долго в комнате раздавалось только позвякиванье ножей и вилок.

– Кэт, – произнес он наконец. Осекся; потом сказал:

– Мы все правильно сделали.

– Думаешь?

– Да. Момент неудачный.

– Момент... – повторила она.

– На следующий год мы запросто... Ты в порядке?

Она моргнула и уставилась в стол.

– В порядке я или нет? Я-то? Боже мой, да откуда я знаю. Что это вообще значит – в порядке?

Она оттолкнула тарелку.

– Этот ребенок, чтоб его. Это все, чего я хотела.

– Я знаю.

– Просила я тебя еще хоть о чем-нибудь?

– Нет, не просила.

– Нет, ты мне ответь. Хоть о чем-нибудь?

– Ни о чем, – сказал он.

Потом они час смотрели телевизор.

После этого Кэти занялась глажкой, наконец пошла с книгой в спальню.

Джон выключил телевизор уже за полночь. Разделся, принял секонал, лег в гостиной на диван. Квартира была полна странных звуков. Он любил Кэти. Больше всего на свете. Уже поплыв, ощущая действие снотворного, он закрыл глаза и дал зеркалам у себя в голове полную волю. Он был заморожен и немного напуган всеми вступившими в игру углами.

Больше они никогда об этом не упоминали. Ни прямо, ни косвенно. Если эта тема всплывала у кого-нибудь в сознании или они чувствовали, что она витает в воздухе, они благоразумно направляли разговор в более безопасную сторону. Начинали изъясняться шифрованным языком или просто умолкали и ждали, пока настроение изменится. Но оба, хотя и по-разному, ощущали, что в их жизнь проник холод – проник и не уходит. Иногда Кэти просыпалась ночью в слезах. «Ужас такой», – говорила она, и Джон обнимал ее, успокаивал как мог, потом они долго лежали молча в темноте, и каждый пытался угадать мысли другого. Нет, стыда они не чувствовали. Они прекрасно знали все резоны. Они знали, что это каверза природы. Они знали, что биология не должна диктовать условия, что их жизнь и без того сложна, что они еще не готовы взвалить на себя эту ношу. Все это они понимали. Но еще они понимали в эти ночные часы, что ради ненадежного будущего они пожертвовали чем-то очень важным в себе. Как игроки, сделавшие слишком рискованную ставку. Это тоже они понимали и уже чувствовали последствия.

Восемнадцатого января 1986 года в танцевальном зале отеля «Хилтон», откуда всего шесть кварталов до «Магической студии» Карра, Джон Уэйд объявил, что намерен баллотироваться в сенат Соединенных Штатов. Была Кэти, был Тони Карбо, плюс еще изрядная толпа сияющих от счастья функционеров – все в костюмах в тонкую полоску и голубых крахмальных рубашках. Царили оживление и энтузиазм, у Джона был ясный взгляд победителя. Надо было, конечно, еще выиграть первичные выборы, тоже задача не из легких, но по опросам он опережал ближайшего соперника, выдавшего виды партийного бойца Эда Дерки, на пятнадцать пунктов. Не то чтобы полная гарантия, но близко к этому. Год с лишним Тони трудился, складывая все по кусочкам, и в то утро в танцевальном зале было уже видно, что его усилия не пропали даром. Люди улыбались. Войска были построены, важные персоны дали свое «добро».

Речь Джона была недлинной. Он говорил о свежем воздухе и свежих силах.

Когда все кончилось, они втроем поехали на такси через весь город в дорогой ресторан около местного Капитолия. Джон и Кэти заказали салаты и водку с тоником, Тони – фирменное тушеное мясо и две порции виски. Когда принесли напитки, Тони встал и поднял стакан. На нем был все тот же зеленый вельветовый костюм, только-только из чистки и тесноватый в плечах

– За свежеиспеченных сенаторов! – провозгласил он. – За свежий воздух и свежие силы. За свежую молодую кровь.

– Аминь! – рассмеялась Кэти.

Опустив руку под стол, она положила ее Джону на колено. Ресторан был полон обычной полуденной публики – зорких, подозрительных лоббистов и дельцов. Звучала мелодия из бродвейского мюзикла.

– Ну что, пошло-поехало, – сказала Кэти, – Как пресс-конференция, на ваш взгляд?

– На мой взгляд, неслабо, – ухмыльнулся Тони. – Четыре команды телевизионщиков, половина журналистского состава «Стар трибюн». Мистер Гуле[23] и тот бы позавидовал.

– Кто-кто?

– «Камелот». Слышите, поет? – Тони вздохнул, сцепил руки на животе. – Так-то. Не отключайтесь, сохраняйте свежесть.

Кэти улыбнулась.

– Значит, все нормально прошло?

– Еще бы. Ваш муженек – звезда первой величины.

– Здорово. Только вот мне показалось... – Она умолкла; погладила под столом колено мужа. – Не знаю; немножко пустой, что ли, была вся процедура. Я так и не поняла, в чем главный наказ.

- Побеждай, – подмигнул ей Тони.
- Вы не такой циник, каким прикидываетесь.
- Не такой?
- Нет.

– Хм, черт возьми, это даже любопытно. Какой же я на самом деле? – Глазки его заблестели. Он прикончил первый стакан виски и засунул себе под воротник салфетку. – Ну-ну, я слушаю. Что вы обо мне хорошенького скажете?

Кэти пожала плечами.

– Да ничего особенного. Просто весь ваш цинизм и ерничество – это маска и ничего больше. Под ней вы такой же бедный грустный мечтатель, как все остальные.

– Ясно-ясно. Но вы говорите, все остальные. Это кто же?

– Все. И мы с Джоном в том числе.

Тони принесли мясо. Он сделал вопросительный жест, – дескать, могу я приступить? – подцепил вилкой картофелину и взглянул на Кэти с иронической улыбкой.

– Это Джон-то мечтатель?

– Конечно.

– Где, интересно, вы эту теорию откопали?

– Нигде, – сказала Кэти. – Я как-никак его жена.

Тони перевел взгляд на Джона и некоторое время задумчиво жевал.

– Что верно, то верно, вы его жена, и какое же это счастье для нашего кандидата. Прямо-таки невероятное счастье. Не помню, говорил я вам, что вы загляденье?

– Повторить не мешает, – сказала Кэти. – Я только хочу чтобы вы ему позволили говорить по существу.

– Вот оно что.

– Да.

– А о чем же именно? О чем наш кандидат стремится нам повредить?

Джон улыбнулся. Он чувствовал руку Кэти у себя на колене.

– Разные есть темы, – сказал он. – Да ерунда это все.

– Нет, ты мне объясни, – не унимался Тони. – Честное слово, я просто жажду услышать, какие такие животрепещущие темы тебя волнуют. Радиоактивные отходы? Новый план утилизации изотопов?

– Хватит, проехали, не заводись...

Государство социальной защиты. Подозреваю, именно эта тема не дает тебе спать по ночам. Помощь несовершеннолетним.

Джон вдруг почувствовал, что галстук слишком туго затянут. Повернулся к Кэти; постарался придать голосу твердость.

– Он прав, наверно. Сначала выборы, потом все остальное.

– Ясна

– Это не значит...

– Побеждай и еще раз побеждай, – сказала Кэти. – И это должно длиться бесконечно – так, видимо?

– Да брось, у меня и в мыслях такого не было.

– Побеждай и побеждай.

Тони Карбо смотрел на них, лениво улыбаясь.

– Загляденье просто. Поздравьте меня, я влюбился в жену начальника.

Кэти убрала руку.

Некоторое время молчали. Ресторан жил обычной полуденной жизнью: позвякивали столовые приборы, заключались сделки.

Наконец Тони положил вилку на стол.

– Может, я ошибаюсь, – сказал он бодро, – но мне кажется, что нам за этим столом не помешал бы глоток свежего воздуха. Леди, безусловно, права – это должно длиться бесконечно. Побеждай, и побеждай, и побеждай. Тонко подмечено. Но, с другой стороны, есть такая штука, которую все наши распрекрасные патриоты зовут демократией. Считаем голоса, делим власть. Старый, проверенный американский способ. Но, вишь ты, странно немножко получается. Эти же самые распрекрасные граждане ужасно огорчаются, когда кто-то выходит вперед, засучивает рукава и пытается заставить все это работать. Люди злые делаются, собак на тебя начинают вешать.

Тони еще улыбался, но из голоса улыбка исчезла. Допил второй стакан, оглянулся в поисках официанта.

– Ведь это факт, согласись: если ты хоть на вот столько себя потратил – если ты пашешь как лошадь, жилы рвешь и кладешь свою жизнь, – хер тогда с тобой, ты еще один грязный сраный политикан. До смешного доходит. Благостный такой наш идиотизм. Средний американец. Придурок даже конгресс штата своего не найдет без карты и собаки-проводника. Смотрит немножко новости по телевизору и называет себя добрым гражданином. Может, голосует раз в год, может, нет. Но такие, как я, – мы, конечно, подлые махинаторы. Шайка бандитов.

Он перестал улыбаться. На лбу бусинами выступил пот.

– А, пропади оно пропадом, – сказал он. – Знают, как лучше, пусть сами оторвут от стула задницу. Своими ручками пусть говно разгребают.

Кэти смотрела на него с интересом.

– Bravo, bravo. Настоящий мечтатель. Так почему не дать Джону шанс?

– Это я чтоб дал?

– Посмотрим, что выйдет.

Несколько секунд Тони ее разглядывал.

– Милая моя Кэтлин. Мне сдается, вы что-то недопонимаете.

– Что же?

– Есть иерархия. – Он улыбнулся Джону. – Горькая правда состоит в том, что я всего лишь еще один батрак-наемник. Хотите проповедей вместо политики – говорите с хозяином.

– Я не понимаю, при чем здесь...

– Ваш муженек тут главный. И не думаю я, что так уж он рвется всякие темы поднимать прямо сейчас. У человека есть свои приоритеты – сперва победа, а потом уж темы. Но спросите его сами, чего стесняться.

Кэти кивнула.

Отпила глоток, прикрыла на секунду глаза, потом извинилась и пошла в дамскую комнату.

Тони смотрел, как она идет.

– Лакомый кусочек, – сказал он.

– Неудачный ты номер разыграл.

– Номер?

– Можно было и без этого.

Тони усмехнулся и вытер рот салфеткой.

– Мои глубочайшие извинения. Она думает, ты мистер Чистер, так, видимо?

– Я на самом деле чистый.

– Абсолютно и безусловно. – Тони положил в рот кусок мяса и с веселым видом стал оглядывать зал. Пока проглотил, прошло довольно много времени. – Как тебе будет угодно. Странновато только, чего это ты так молчалив насчет некоторых неназванных обстоятельств.

– Каких же именно?

– Не валяй дурака. Если я их назову, они уже не будут неназванными, верно ведь? Так что давай просто скажем: «бум-бум».

– Чушь собачья, – сказал Джон. – Навыдумывал.

– Может, и так. – Тони отдал честь и нажал на воображаемый спусковой крючок – Как бы то ни было, мне ты уж очки не втирай. Если что, ох как мне жаль будет того бедолагу, который встанет у тебя на пути. Искренне, по-человечески жаль. – Он поиграл бровями. — Давай-давай, старый фокусник. Дурачим всех мудаков иногда, иных мудаков всегда. Тони Карбо не даст себя одурачить ни-ко-гда.

Он оттолкнул тарелку и помахал Кэти через весь зал.

– А вот и она, вся из себя свеженапудренная. Милое создание, верно? Мигни она только, и я пятьдесят фунтов сброшу. Шучу, думаешь?

Предположение

Миновав остров Магнуссона, Кэти подлила бензина и продолжала плыть на север мимо мыса Америкэн-Пойнт и острова Букет-Айленд, потом повернула на запад к поселку Энгл-Инлет. Большею частью была открытая вода, бескрайняя и голубая, и лодка шла по прямой, глухим равномерным стуком отзываясь на рассекаемые неуклонно движущимся носом волны. Кэти теперь было лучше. Утреннее солнце бодрило. Иногда она проплывала мимо островков, заросших деревьями до самой кромки воды, совершенно диких, слишком отдаленных для лесозаготовок; куда ни падал взгляд, все было густое, слитное. Даже вода казалась упругой непроницаемой массой, и небо, и осенний воздух. Как мясо, подумалось ей, – как плоть какого-то гигантского зверя, существа слишком большого, чтобы ее городской разум мог его вместить. Все вокруг было насыщено цветом. Изредка она примечала то брошенную рыбацкую хижину, то полусгнивший причал; но вскоре леса стали еще глуше, еще непролазней, и следы человека исчезли вовсе. Ей было слышно, как разматываются мысли. Никакой больше политики. С этим ничто. Меньше, чем покончено навсегда. Политика ничто.

Она поставила регулятор газа на четверть, откинулась назад и отдалась солнцу и скорости. Золотой сентябрьский день, свежий, чистый и юный, и все, что ни возьми, родственно всему остальному. Все перемешано в ровное повторяющееся единство, деревья, бухты, небо и вода, и любой кусок дикой природы неотличим от любого другого куска. Кэти перекинула руку за борт, опустила в воду ладонь и стала смотреть, как озеро мгновенно стирает вспененный след. Единство, уничтожающее всякую единичность. А может быть, оно-то единичность и есть. Самое подходящее место, чтобы потеряться, подумалось ей.

Именно так, может быть, и вышло.

Может быть, неотличимость эта сбила ее с толку. Может быть, Букет-Айленд был вовсе не Букет-Айленд. Может быть, она проскочила узкий залив, в глубине которого находится Энгл-Инлет, прошла на какую-то долю мили больше, чем нужно, чуть неверно оценила место или направление. Замечталась, закрыла на минутку глаза, вытянулась и размякла под утренним солнышком. Всего лишь одна из возможностей. Никакого несчастного случая, банальная человеческая ошибка, и вот она безмятежно плывет

себе дальше, вскоре уже по канадским водам, погружаясь в бескрайний мир лесов и островов, протянувшийся на север на многие сотни квадратных миль.

Она могла так плыть час и больше – уже заблудившись, но еще не понимая, как сильно она заблудилась. Ее глаз не был натренирован. Городская женщина, она была лишена чувства местности. Не умела взять нужный угол по осеннему солнцу, не могла определить, где точно север, не понимала природных подсказок. Она не знала даже главного лесного правила: сомневаешься – остановись, сделай укрытие и жди, пока тебя найдут.

Почти наверняка она попыталась выбраться сама; и почти наверняка окончательно заплутала.

Итак, в какой-то миг тем утром она почувствовала первый толчок беспокойства. Слишком много прошло времени. С Джоном они дважды плавали в Энгл-Инлет, и оба раза это занимало от силы минут сорок от причала до причала.

Она посмотрела на часы. Ясное дело – надо развернуться и плыть назад. Держать на юг, смотреть в оба.

Она находилась в широком, изящно изгибающемся проливе, сбоку виднелись четыре островка; несколько секунд она медлила, прикидывая направление. Открыла красную канистру с бензином, подлила в бак, потом, описав плавную дугу, взяла курс на группу сосен примерно в миле от нее назад по проливу. Поднялся ветер – не сказать, чтоб сильный, но волны стали выше, шее и плечам временами делалось зябко. Тишину нарушал только вибрирующий звук от ржавого «эвинруда».

Кэти доверху застегнула свитер. Не беда, подумала она. Соединить две точки.

Потом больше часа она двигалась по прямой на юго-восток. Ее окружал густой, плотный, величественный край – все в зеленом и голубом, – и ровное тарахтенье мотора успокаивала. Будет о чем порассказать за ужином. Опасное вышло приключение. Может, Джон кое о чем призадумается. Что в его жизни главное, а что второстепенное, к какой категории относится супружество и не рискует ли он остаться без чего-то поважней, чем место в сенате. По-всякому ведь люди пропадают – иной раз так, как он и не предполагал, – и она прямо ему об этом скажет.

Напевая себе под нос, Кэти отрегулировала руль, прикинула меню ужина – два больших бифштекса, салат, холодное пиво, – а потом стала воображать, как будет рассказывать о случившемся. Хоть каплю сочувствия от него получить. Каплю внимания для начала.

На душе стало легко. Вот она рядом, счастливая развязка.

Через двадцать минут показался длинный каменистый остров, деливший пролив надвое; милю спустя остров кончился, но вскоре пролив опять разветвился, на этот раз на три узких рукава, петлявших среди лесистых берегов. Место показалось ей одновременно знакомым и незнакомым. Почему-то она выбрала средний рукав и поплыла по нему в коридоре из сосен и кустарника – все плыла и плыла, что-то уж слишком долго. Порой рукав расширялся, образуя уютные бухточки, затем сужался снова. Будто река, подумала она, только течения нет. Вода казалась стоячей, утратившей смысл и цель, как их брак; она существовала лишь постольку, поскольку была неопределенно связана со всем вообще.

Что странно, бояться она не боялась. Ей как бы даже нравилось находиться в таком положении. Она чувствовала в себе силу и спокойствие, как всегда, когда бралась за новый кроссворд – там тоже нужно было совладать с неумолимой географией, одолеть лабиринт, полный скрытых связей и скрытых значений. Ей нравилось решать задачи, находить ответы. Уже двадцать с лишним лет она начинала день с чашки кофе и кроссворда – своеобразная разминка, что ли, – и какое-то особое довольство мягко расцветало во всем ее теле, когда разбитое на квадратики пространство вдруг обретало стройность и смысл. Это была не просто привычка – что-то в самих ее генах Девочкой она жила в мире загадок, где поверхности вещей были масками, где самые обычные предметы жили сложной и бурной жизнью со своими печалью и стремлениями. Она помнила, как давала всему на свете тайные имена, как затевала беседы со стульями, с деревьями. Нелепо, конечно, но она ничего не могла с собой поделать. Она никогда не допускала мысли, что мир может быть безразличен к своему собственному существованию, и хотя Кэти давно уже не ходила ни в какие церкви, ей казалось, что всем на свете должен управлять какой-то единый принцип, какой-то элемент сознания, и приобщаемся мы к нему, сочувствуя другому человеку. Джон, подумала она. Вся эта печаль под тусклой серой поверхностью глаз. Насколько легче быть одной, далеко от него.

Впереди открылось широкое пространство воды – ярко-синей, холодной на вид. Она посмотрела на солнце – сколько осталось до темноты? Часов пять, решила она. Энгл-Инлет должен быть где-то южнее, может быть, чуть к юго-западу.

Она кивнула, сказала себе «Ладно, ну что ж» и взяла курс на юг – вернее, туда, где, по ее мнению, был юг, – время от времени сверяя направление по солнцу. День был ясный и ветреный; прозрачные белые облака вереницей бежали на восток. Она сбавила скорость и больше двух часов двигалась по цепочке сверкающих озер и заливов, которым, казалось, не будет конца. По берегам –

ни единой хижины, ни единой лодки. Кое-где клонился под ветром камыш, порой пролетала утка или гагара, но большей частью – унылое однообразие леса и воды. Спустя некоторое время на нее напала дремотная лень, какая-то отрешенность. Вдруг она стала петь детские песенки; потом рассмеялась, вспомнив неприличный анекдот Хармона про бурундука и глухую носорожиху. Мгновенной судорогой пробежало чувство вины. Не то чтобы она любила когда-нибудь этого человека – нет, и близко ничего не было, но стыд из-за случившегося все еще оставался при ней. В памяти возникли его обнаженный белый торс, пальцы – толстые, мясистые, не подумаешь, что такие могут быть у дантиста. Даже не верится, что она к нему что-то чувствовала.

Хватит, решила она. К чертям.

Все-таки ей трудно было сосредоточиться на лодке. Трудно было собраться, проявить волю. Сверху светило, не грея, большое бледное солнце. Мало-помалу дело шло к сумеркам.

В ее душе – тоже.

– Хармон, Хармон, – сказала она.

Через пять минут в баке кончился бензин. Внезапная тишина застигла ее врасплох. Несмотря на ветер, все вокруг показалось ей пустым и огромным. Она покачивалась ярдах в тридцати от берега очередного заросшего лесом островка.

Несколько минут Кэти просто тихо сидела. Что ей действительно было нужно – это вздремнуть. Свернуться калачиком и поспать под баюкающий плеск волн. Но она встала на колени, открыла красную канистру и аккуратно наполнила бак «эвинруда». Хватило ума по крайней мере топливом запастись. Теперь не тратить бензин попусту! Ровно держать скорость, плыть по прямой от точки к точке. Закрыв глаза, она подняла канистру – сколько там еще? Галлона четыре – то есть вдоволь и больше. Она так и сказала вслух: «Вдоволь и больше», потом наклонилась и дернула шнур стартера. «Эвинруд» слабо взвизгнул и умолк. Дважды еще пыталась – тот же эффект.

Только хорошие мысли, сказала себе Кэти. Хорошим девочкам – хорошие мысли. Ухватила за шнур обеими руками, уперлась хорошенько и рванула изо всех сил.

В моторе что-то коротко кашлянуло. Старый «эвинруд» зафырчал, пошел.

Кэти прибавила газу. *Хорошим девочкам – хорошие мысли.* Это была одна из поговорок, которые руководительница ее группы девочек-скаутов вырезала из методистских изданий и в воспитательных целях заставляла девочек заучивать. Старая их миссис Брандт была просто кладезь банальностей. Свое присловье на любой случай: день рождения, менструация, первая любовь.

Беря направление к противоположному берегу, Кэти не могла сдержать улыбки.

Не горюет, не скупит, вот девчонка-следопыт.

Так-то оно так, но все же закрадывалась тревога. Тени быстро удлиннялись, и в воздухе появился ломкий металлический привкус зимы. Может, просто изменилась концентрация озона. У миссис Брандт были бы наготове всевозможные практические советы. *Если сбилась ты с пути – на деревья погляди. Мох на севере, подруга, ну а ветки гуще с юга.*

Чтобы пересечь открытую воду, понадобилось почти двадцать минут. На юг прохода не было. В обе стороны, сколько хватало взгляда, тянулась береговая линия – непрерывная, плавно изгибающаяся дуга, сплошная масса камней и сосен, глухая бесконечная зеленая стена. Кэти сбавила скорость и медленно двинулась вдоль берега, пытаясь выработать план действий. Ничего разумного в голову не приходило. Она вглядывалась то в лесистый берег, то в небо. Положение, в общем, ясное. Она заблудилась в совершенно безлюдных местах. И помощи от материальной Вселенной ждать не приходится. Деревья говорить не умеют. Из-за облаков никто за ней не присматривает. Нет никаких законов природы – только сама природа, больше ничего. Такие вот дела, сказала она себе, и придется из этого исходить.

Она повернула лодку и направила ее вдоль берега, как она считала, примерно на запад, высматривая проход на юг. В начинающихся сумерках все становилось призрачно-серым. Необъятность ошеломляла – так много кругом деревьев, воды, неба, – и она вдруг подумала, что почти вся ее жизнь прошла в закрытых помещениях. Ее воспоминания были сплошь комнатными воспоминаниями, ограниченными потолком и ровными белыми стенами. Сплошная геометрия: прямоугольники пригорода, квадраты города. Родительский дом, общежитие, квартира. Открытое пространство было всего лишь промежуточной средой, местом, где размещались дома.

На какой-то миг, закрыв глаза, Кэти почувствовала, что готова заплакать. В горле встал комок «А ну не дури, – сказала она себе. – *Выбраться надо, ясно?*» Долго еще она плыла на малой скорости вдоль изгибающегося берега, глядя на солнце, которое опускалось за деревья прямо перед ней. Ветер стал холоднее. Она миновала два крохотных островка, отклонилась чуть к северу, чтобы обогнуть каменисто-песчаный мыс, потом двинулась на запад, где открывалось широкое пространство покрытой рябью воды. Прошло больше часа – никаких изменений. Абсолютная глушь, все переплетено со всем прочим. В лучшем случае, поняла она, у нее есть еще полчаса до темноты, двадцать минут, чтобы уж с запа-

сом. Поколебавшись, она повернула налево, к маленькому горбтому островку. Делать нечего, решила она. Ночью поспать сколько удастся. Утром вперед со свежими силами.

В тридцати ярдах от берега она выключила мотор. Темнело очень быстро.

Островок, казалось, плыл перед ней в фиолетовых сумерках; его частично загораживали заросли камыша и тростника. Она отвязала весла, вставила уключины в гнезда и стала выгребать к узкой полоске песка, смутно проглядывавшей сквозь камыш. Это оказалось труднее, чем она думала. Волны все время поворачивали лодку, и после нескольких гребков у нее заныли плечи и спина. Силы были на исходе. Дважды она застревала в камышах, отгребала назад, пыталась зайти под другим углом. На третьей попытке перестала грести, вытащила весла. «Брось, к чертям, это дело, – сказала она себе. – Не ребенок уже».

Она сняла кроссовки и джинсы, перешла на корму и спрыгнула в воду – глубина была по пояс. От холода пошли мурашки. Толкая лодку, она двинулась вброд сквозь камыши и наконец выбралась на песок. Привязала нос лодки к большой березе и легла отдыхать. Приятно было ощутить под собой твердую сушу.

Тьма была почти полная. Около шести, прикинула она.

Несколько минут лежала, вслушиваясь в разные звуки – плеск волн, жужжанье ночных насекомых, – потом встала, сняла трусы, выжала. Нашла в лодке кусок мешковины, вытерлась. Надела джинсы, пригладила волосы, использовала последние минуты сумерек для инвентаризации. Результаты были не ахти. Ни спичек, ни зажигалки. Никакой еды. У нее был спасательный жилет, который она теперь надела для тепла, а еще – бумажник, пачка леденцов «спасательный кружок», коробка с рыболовными снастями, несколько бумажных салфеток, канистра с бензином, два весла и сама лодка. В карманах обнаружила расческу и несколько монет.

Она вытащила лодку повыше на берег, подложила под корму пару камней.

Берега-то, по сути, никакого и не было. Просто песчаная отмель, идущая от главной части острова. Она имела форму наконечника стрелы шириной у основания футов в сорок—пятьдесят. Там, где отмель соединялась с островом, Кэти различала только длинную темную стену густого леса.

Она хлопнула в ладоши: «Раз, два, начали» – и сразу почувствовала себя уверенней. Быстро вошла в лес, наломала охапку сосновых веток, разложила на ровной площадке около лодки – вот и матрас готов. Положила сверху мешковину, села. Не так уж плохо, решила она. И до утра ничего больше сделать нельзя. Вынула

«спасательный кружок», прислонилась к лодке и посмотрела на ярко-желтую луну, поднимавшуюся над соснами на севере. Нет, с голоду она не умрет. Озеро полно рыбы. Грибы, ягоды, да мало ли что еще.

Сейчас уже, подумала она, Джон организует поиски. Вертолеты, прожекторы. Целая армия девочек-скаутов рассыплется по кустам.

Все обойдется.

Она же сильная. Хорошее тело, хорошая голова.

Вот, а утром она разберется в снастях и поймает себе на блесну отличный сытный завтрак. Как-нибудь разведет костер. Потом поищет проход на юг. Будет двигаться, пока ее не найдут или пока она сама не упрется в берег Миннесоты.

Просто, подумала она. Проще простого.

Кэти засунула руки под спасательный жилет. Сначала слушала волны и шорох ветвей, потом пришли мысли о Джоне. Кэти вспомнила тот новогодний вечер в колледже, когда они пошли танцевать в «Бутылочное горлышко» на Энпен-авеню. Как он на нее смотрел – никаких тебе фокусов. Просто юный, просто влюбленный. Может, чересчур сентиментальный, но ведь это было в их жизни такое время, когда все тайны мира, казалось, сгущаются во что-то телесное, зримое. Вокруг было полно народу звучали гитары и барабаны, но все равно они были одни на свете, защищены неким невидимым колоколом, они и не танцевали даже, просто двигались вместе и улыбались каждый изнутри себя. В какой-то момент он обхватил ладонями ее голову. Положил ей на веки большие пальцы. «Ох и люблю же я тебя», – сказал он, потом сделал легкое движение рукой, чуть повернул кисть, словно что-то отбрасывая, и прошептал: «Девушка моей мечты».

Она так и не узнала, что же он в тот вечер отбросил. Себя, может быть. Или часть себя.

Но это не имело значения. Потому что наутро он опять занял пост у ее общежития, все те же старые игры, и за все последующие годы ничего, по сути, не изменилось. Секреты и соглядатайство так и не прекращались, во всяком случае надолго, и порой у нее возникало непреодолимое желание оторваться от него, исчезнуть.

Что в конце концов и случилось.

То, что было у нее с Хармоном, – это никакая не любовь.

И не увлечение даже, и не роман, просто необходимость уйти в сторону. И чтобы добрый, заботливый человек был рядом.

Кэти уткнулась подбородком в спасательный жилет, закрыла глаза.

Любовь – это еще не все. Вот она, истина-то в чем. Самая печальная истина на свете.

Она улеглась, приткнувшись к лодке.

Утром начать со свежими силами. Раздобыть что-нибудь поесть, залить полный бак бензина – и поглядим, что принесет новый день. Со свежими силами, подумала она.

Что обнаружили

С раннего утра двадцать первого сентября, на второй день поисков в них уже участвовало около сотни добровольцев, три самолета, принадлежащие полиции штата Миннесота, два патрульных судна от полиции провинции Онтарио и самолет пограничной охраны США, оснащенный аппаратурой для аэрофотосъемки и инфракрасным тепловым индикатором фирмы «Дженерал электрик». На озере было более тридцати частных лодок; из Уоррода и Бодетт подтягивались новые. Зона поиска составляла шестьсот с лишним квадратных миль леса и воды.

Не обнаружили ничего.

Ни лодки, ни человека.

Джон Уэйд почти все утро провел у телефона. Хотя Клод и Рут Расмуссены по очереди исполняли секретарские функции, отфильтровывая хищных репортеров, все равно Уэйду то и дело приходилось что-то мямлить в трубку людям, чьих лиц он припомнить не мог. Он чувствовал себя усталым и беспомощным. Незадолго до полудня из Интернэшнл-Фоле позвонила сестра Кэти и сообщила, что прилетит в час гидросамолетом.

Ее голос звучал резко, почти грубо.

– Подъедешь забереешь меня, – сказала она. – Если тебе не трудно, конечно.

– К часу подъеду.

– Новое есть что-нибудь?

– Ничего. Они все время говорят, что надо потерпеть.

Треск на линии; потом Пат сказала: «О господи» – и повесила трубку.

Уэйд принял душ, переоделся в чистое и за двадцать минут доехал до поселка. Еще один ослепительный день, почти жаркий; деревья вдоль дороги пламенели желтой и красной листвой. С правой стороны то и дело мелькало озеро, и тогда в памяти возникало лицо Кэти, но он каждый раз обрывал эти воспоминания. От мыслей толку не будет. Ни ему ни кому бы то ни было. Выехав на открытую местность, Уэйд постарался подготовиться к встрече с Пат. В их отношениях всегда чувствовалось напряжение, которое ничем нельзя было снять. В лучшем случае – холодная вежливость. С самого начала, еще со студенческих лет, Пат смотрела на него жестким оценивающим взглядом, выискивала недостатки, прожигала его насквозь своими ярко-синими глазами. Отча-

сти тут было недоверие к мужчинам вообще. Два развода, длинная череда сожителей. Четыре года назад она сошлась с тренером из фешенебельного спортивного зала в Сент-Поле. Они давно расстались, но Пат прибрала к рукам и этот зал, и еще три других в пригородах. Эта связь одна из всех пошла ей на пользу: процветающий бизнес и безупречное тело. Непростой случай, подумал Уэйд. Фокус тут будет избегать столкновений; вежливость, но дистанция и еще раз дистанция.

Он въехал на посыпанную щебенкой площадку позади бензопомытки Пирсона. Остановился, вошел в помещение. Там сидел Арт Лакс с двумя морскими рациями.

Шериф встал, налил кофе в кружку-термос и подал ее Уэйду.

– Не сказать, чтоб вагон новостей. Но дело идет, и еще до хрена где смотреть. – Рации у него за спиной непрерывно трещали. – Ну как, сэр, отдохнули чуток?

– Да, слегка. Какой теперь план?

– Обычный, какой. Искать, и все тут.—Лакс показал на приколотую к стене большую карту. – Вот эту площадь, мы ее покрываем надежно. Курорты обследовали. Все уже закрылись, сезон кончился, нигде ничего. Главная для нас неизвестная величина – бензин. Сколько она его взяла, как расходует. Этот маленький «эвинруд», засранец, на столовой ложке хрен знает куда увезет.

Уэйд кивнул. Лакс налил себе полчашки кофе и опять уселся перед рациями. Он по-прежнему был одет как фермер-скотовод – серое плюс серое да на макушке зеленая кепочка с надписью «Каргилл».[24]

– Ну как, сэр, держимся?

– Ничего. В час ее сестра прилетает.

Лакс одобрительно улыбнулся.

– Рад слышать. Всё легче, когда кто-то рядом.

– Верно, но это ведь не ускорит».

– Вы уж извините за откровенность: такое вот происшествие, оно все остальное помогает рассортировать. Что важно, что нет. Политика там и прочее. – Лакс взглянул на рации, потом на цементный пол. – Это, конечно, к делу не относится, но я за вас голосовал. Большой жирный крест против вашей фамилии. Уэйд передернул плечами.

– Значит, нас двое.

– Нехорошо с вами обошлись.

Они посмотрели друг на друга с некоторым любопытством. И не дружелюбно, и не враждебно. Лакс завел за голову руки со сплетенными пальцами, откинулся на спинку стула.

– Скажу вам совершенно прямо. Винни Пирсон, он думает, что вы... как лучше выразиться-то... Он думает, что вы не все до конца

объясняете.

– Винни ошибается.

– Точно?

– Да, – сказал Уэйд. – Я люблю жену.

– Конечно. Еще бы. Только вот Винни-то что говорит: вам бы сейчас искать ее полагалось. Заладил просто: «Муж, а не ищет даже». Так вот и говорит.

– Именно такими словами?

– Да, сэр.

– Тогда, – сказал Уэйд, – передайте ему, чтоб убирался на хер. Именно такими словами.

Шериф усмехнулся.

– Класс. Потому-то я за вас и голосовал. Живчик. Но все-таки маленький совет: почему бы вам не подышать свежим озерным воздухом.

– Согласен. Так я и сделаю.

Уэйд посмотрел на часы и повернулся к выходу.

– Одно только еще, – сказал Лакс. – Будет случай, пришлите ко мне ее сестру. Есть пара вопросов.

Когда Уэйд вышел, было без нескольких минут час. Миновав почту, он повернул к лодочным мастерским, что позади арнда-левского «мини-марта». Берег был завален ржавой колючей проволокой и трухлявыми досками; рядом лежали старые лодки на разных стадиях гниения – всего с дюжину, наверно. У самой воды красовалась надпись, выведенная от руки желтой краской: ГОРОДСКАЯ ПРИСТАНЬ. Все как вымерло: ни людей, ни машин.

Уэйд ступил на один из деревянных причалов, подошел к воде и стал смотреть через залив – туда, где вдоль горизонта тянулась почти черная полоса леса. Опять заболела голова. Нельзя столько пить. Пора, решил он, внести коррективы. Нужен положительный взгляд на вещи. Покончить со спиртным, вообще собраться.

Начну завтра же, подумал он. Никаких сомнений.

В час пятнадцать прилетел гидросамолет, сел на поплавки и подрулил к причалам. Пат вышла первая. Ошибиться невозможно: вторая Кэти, но выше, мускулистей. На ней были красная куртка-безрукавка, черные джинсы, высокие белые кроссовки. Даже на таком расстоянии было видно, как мощно сияют ее руки – точь-в-точь начищенные медные трубы.

Когда они коснулись друг друга щеками, Уэйд странно оробел.

– Пока ничего, – сказал он. – Дай помогу.

Он взял ее чемодан и пошел с ней к машине, торопливо рассказывая, какие меры принял Лаке, чувствовал он себя неловко, слова подбирал с трудом.

Пат выглядела рассеянной.

– Значит, никаких следов?

– Нет. Пока нет.

– А сколько времени прошло?

– Два дня. Чуть больше. – Он попытался улыбнуться. – Хорошо, погода держится, с этой стороны тревожиться не о чем. Можно надеяться, что Кэти в порядке.

– Черт.

– Почти наверняка в порядке.

Пат села в машину, пристегнула ремень, крепко обхватила себя руками. Первую милю или две смотрела прямо перед собой.

– Два дня, – сказала она наконец. – Мог бы и пораньше позвонить. Узнать обо всем по телевизору – удовольствие ниже среднего.

– Я не знал, стоит ли... Думал, она вот-вот вернется.

– Родная ведь сестра

– Прости. Ты совершенно права.

– Права, черт, права, а проку-то...

Пат нервно пошевелилась. Дальше ехали молча.

Уэйд остановился у веранды коттеджа, внес внутрь ее чемодан. В помещении стоял затхлый, сырой, нежилой дух. На кухонном столе лежала записка от Клода и Рут: они поехали кое-что взять, вернуться через час.

Пат понюхала воздух, скинула кроссовки.

– Я душ приму, – сказала она, – потом поговорим.

– Есть хочешь?

– Немножко.

Уэйд провел ее по коридору в свободную спальню, отыскал чистое полотенце, потом вернулся на кухню и открыл банку овощного супа с мясом. Попытался представить себе счастливую развязку. Вот звонит Лакс. Вот открывается дверь, входит Кэти. Улыбается ему, спрашивает, что на обед.

Нет, от фантазий легче не становится.

Он вылил суп в кастрюлю, достал хлеб и масло. Из ванной послышался звук льющейся воды.

Сейчас, сказал он себе, главное – осторожность. Почти наверняка Кэти рассказала Пат о каких-то вещах. Из-за чего могут возникнуть трудности. Уже чувствуется неприязнь во взгляде, подозрение или что там.

Он помешал суп.

Несколько минут постоял неподвижно, скользя туда-сюда. Слишком много разрывов, слишком много в голове теней и затмений. Взгляд упал на железный чайник. Импульсивно он взял его, вынес за дверь и кинул в мусорный бак.

Когда вернулся, Пат уже сидела в кухне за столом. На ней были широкие синие шорты и фуфайка с надписью «Университет Миннесоты». Волосы были гладко зачесаны назад.

Уэйд налил две тарелки супа.

– Так, ладно, – сказала она. – Рассказывай.

Главным образом ее интересовали практические вопросы – здоровье Кэти, ход поисков, состояние лодки, – и в последующие полчаса Уэйд как мог старался давать короткие, дельные ответы.

Лодка, сказал он, прекрасно управляема. Никаких проблем со здоровьем. Поиски ведутся профессионально.

Неплохо пока, подумал он, но не расслабляться.

Временами он замечал, как в ее глазах возникает сомнение – все эти личные вопросы, – и он с облегчением вздохнул, когда она встала и попросила показать ей лодочный сарай. Он провел ее вниз по склону, открыл двустворчатую дверь и постоял в сторонке, пока она разглядывала земляной пол. Некоторое время она молчала.

– Ничего не понимаю, – сказала она наконец. – Смысла не вижу

– Смысла?

– В тот день. Куда она отправилась?

Уэйд отвел взгляд.

– Трудно сказать. Скорее всего, в город. Или, может быть – ну, не знаю, – покататься.

– Покататься?

– Может быть.

– Просто так, ни с того ни с сего?

Уэйд пожал плечами.

– А ей и не нужно было никаких причин. Иногда она срывалась с места без всяких... Брала и исчезала.

– Верно, да не совсем. Причины-то у нее как раз были – еще какие.

– Я что-то не...

– Слишком даже много причин.

Пат повернулась, вышла из сарая и встала, обвив себя руками, у самой воды. Подождав несколько минут, Уэйд подошел к ней.

– Все будет в порядке, – сказал он. – Образуется.

– У меня какое-то чувство...

– Вот как мы сделаем: на завтра я организую лодку. Выйдем на озеро и включимся в поиски. Все лучше, чем сидеть и ждать.

– Да, лучше, – согласилась она.

Еще постояли, посмотрели на озеро. Пат нагнулась, зачерпнула воды, плеснула себе в лицо.

– Господи, – сказала она. – Как мне страшно.

– Да.

– В последний раз, когда мы с ней говорили... У нее был какой-то, не знаю, счастливый, что ли, голос. Словно она может наконец расслабиться и зажить настоящей жизнью.

– Счастливый? – переспросил Уэйд.

– Из-за того, что все это кончилось. Вся политика.

– Я этого не знал.

– А должен бы знать.

Пат помедлила секунду, потом вздохнула и взяла его под руку. От неожиданности он слегка вздрогнул.

– Тебе неприятно? – спросила она. – Телесный контакт?

– Просто не ожидал.

– А, ну еще бы. Давай пройдемся. Ноги размять не помешает.

Они прошли с четверть мили по фунтовой дороге, потом свернули на юг, на тропинку, которая, извиваясь, шла через густой лес к пожарной башне. В воздухе чувствовался осенний лиственный дух, насыщенный и терпкий, но день стоял мягкий, шелковистый, почти летний. Они миновали старый пешеходный мостик и двинулись вдоль ручья, который журчал с левой стороны. Уэйд невольно все время вглядывался в кусты. Кэти ходила по этой тропинке чуть ли не каждый день с тех пор, как они сюда приехали, вот по этой самой мшистой земле, и он вдруг остро почувствовал, что она где-то совсем близко. Может, подсматривает из-за какой-нибудь сосны. Играет с ним в недобрую, призрачную игру.

Минут через двадцать они подошли к пожарной башне. Зеленый с белым знак Службы охраны лесов предупреждал, что посторонним вход воспрещен.

– Роскошные места, – сказала Пат. – Дикая природа.

Она села на солнышке, секунду посмотрела на Уэйда, потом зевнула и запрокинула лицо к небу.

– Устала я, – сказала она. – До смерти, до смерти устала.

– Можно вернуться.

– Погоди. Скоро вернемся.

Уэйд лег на спину в тени. Лес словно наплывал на него во всей своей текучей пышности; он закрыл глаза и дал потоку увлечь себя. Ощущение бабочки. Может, мягкий осенний воздух подействовал, может – сосновый запах, но почему-то ему вдруг стало легче дышать. Пришли приятные воспоминания. Ее смех. Как она спала на боку, придвинув к носу большой палец. Как поглощала за день пять или шесть пачек «спасательных кружков». Масса всего. Масса хорошего. Он вспомнил, как они в колледже ходили танцевать, как она на него смотрела – он сам не свой делался от радости, совершенно полый, совершенно наполнен-

ный.

Радость. Было ведь.

Теперь все по-другому. Амбиции и растроченные годы. Все хорошее исчезло, выветрилось.

На какое-то время он дал чувству вины власть над собой; потом услышал, как Пат села, кашлянула. В лесных зарослях позади них стучал дятел.

– Джон.

– Да?

– Нет, ничего. Не обращай внимания. – Прошло еще несколько минут. – Знаешь, о чем я все это время думала? Я думала, какая она все-таки хорошая. Просто золото.

– Конечно.

– И в любви, среди прочего. Она души в тебе не чаает.

– Я в ней тоже.

Пат покачала головой.

– Прямо как маленькая девочка, вся по рукам и ногам опутана. Ничего своего, а только: Джон то, Джон се. Я прямо на стенку лезла.

– Я могу это понять.

– Можешь?

– Да. Думаю, что могу.

Пат смахнула налипшие на руку сосновые иглы. В лучах солнца ее волосы казались почти седыми.

– Я что хочу сказать, – вновь заговорила она. – Что Кэти как бы... понимаешь... себя, что ли, потеряла с тобой. Всё твоя карьера, твои проблемы.

– Если не считать дантиста, – сказал Уэйд.

– Это пустяк

– Так мне было сказано. Но мне это пустяком не показалось.

– Перестань. Дантист – это ходячая красная кнопка была, сигнал тревоги, чтобы ты проснулся. У этой глупой затеи была одна-единственная цель – заставить тебя увидеть, что ты можешь потерять. К тому же сам-то ты что, безгрешен?

– В этом смысле безгрешен. Я ей не изменял.

– Как же, не изменял. – Пат в сердцах отмахнулась. – А с милашкой этой, с мисс Политикой? День и ночь ведь за ней бегал. Если это не измена, то я лилейная девственница.

Уэйд поднял на нее глаза.

– У меня были планы на будущее, У Кэти – тоже. Это нас с ней объединяло.

– Ты серьезно?

– Вполне.

– Ты что, совсем ничего о ней не знаешь? Да ненавидела она все это. Каждую дерьмовую минуту. Жена политика – так изволь налепить улыбочку и демонстрировать преданность. Тебе это не кажется унижительным?

– Но мы же...

– Джон, послушай меня. Помолчи, послушай. Ненавидела – это еще будет мягко сказано. Ей же плохо делалось на публике, это бросалось в глаза – она вся как замороженная становилась. Совершенно очевидно было. Для тех, кто смотрел.

– Я не смотрел разве?

– Смотрел, да не туда. Тоже, кстати, тема для обсуждения. Детектив ты наш.

Уэйд покачал головой.

– Без проблем, конечно, не обходилось, но разве мы совсем на поперечных курсах шли? Я чего-то хотел, она чего-то хотела.

– Ты сказал «хотела»?

– Хочет. И сейчас хочет.

– Не буду с тобой спорить.

– Пат, тут спорить совершенно не о чем.

Она немного еще посидела, чуть покачиваясь и поигрывая массивным серебряным браслетом; потом передернула плечами, словно отделяваясь от чего-то.

– Пора идти.

– Хорошо, пойдем, – сказал Уэйд. – Хочу только, чтобы ты поняла: было, было у нас с Кэти общее. Не так все ужасно.

– Суть не в этом.

– А в чем?

Пат заколебалась:

– Не хочу развивать эту тему.

– В чем суть?

– Слушай, давай...

– Нет уж ты скажи. Что это за такая таинственная суть?

Они смотрели друг на друга, зная, что подошли к пределу допустимого. Пат стояла и стряхивала с себя иголки.

– Ладно, если уж ты хочешь всю правду. Кэти иногда довольно страшно становилось. Из-за соглядатайства твоего. Из-за того, что ты во сне выкрикивал. Она просто с ума сходила от страха.

– Это она тебе говорила?

– Незачем было и говорить. И потом, эти заголовки. Проснуться однажды и увидеть всю эту мерзость на первых страницах. Что ж, выходит, она связалась с военным преступником?

– Чепуха, – сказал Уэйд. – Слишком упрощаешь.

– Уверен?

– Абсолютно.

– Все равно. Она же твоя жена. Ты мог поговорить начистоту, объяснить все толком.

Уэйд разглядывал свои ладони. Ничего мало-мальски убедительного в голову не приходило.

– Звучит разумно, но это нельзя вот так сесть и объяснить. Что я мог ей сказать? Господи, я едва... Сейчас все подается либо черным, либо белым – вот ведь как просто, – а там были сумасшедшие краски. Никаких четких границ. Ослепительный свет. Это был кошмар, единственное потом желание – забыть. Главное – все казалось совершенно нереальным.

– И убитые тоже?

– Слушай, я не могу...

– Для них-то все было очень даже реально. – Пат повернулась и взглянула на него в упор. – Ты ничего сам не сделал?

– Что значит «сделал»?

Не придуривайся. Ты прекрасно понимаешь, о чем я спрашиваю.

Она держала взгляд несколько секунд. Щебетали птицы, дрожали солнечные блики.

– Нет, – сказал Уэйд. – Не сделал я ничего.

– Я просто...

– Все нормально. Естественный вопрос.

В доме их ждали Рут и Клод. Уэйд познакомил их с Пат, потом извинился и отошел позвонить Лаксу. Голос шерифа звучал глухо и очень отдаленно. «Пока ничего, – сказал он, – очень жаль», и после короткой паузы хмыкнул, что могло означать сочувствие, а могло и досаду.

Повесив трубку, Уэйд посмотрел на часы над кухонной раковиной. Час коктейлей; ладно, коррективы могут и подождать. Он сделал четыре крепких коктейля из водки с апельсиновым соком, достал коробку крекеров и понес все на подносе в гостиную. Клод и Рут тихо разговаривали с Пат, которая сидела на диване закинув ногу на ногу.

Старик вопросительно поднял брови.

– Ничего, – сказал Уэйд. Он раздал бокалы. – Я хочу завтра взять лодку. Может быть, на весь день.

Клод кивнул.

– Ровно в шесть тридцать. Как штык.

– Отлично, но тебе-то самому необязательно.

– Черта с два необязательно. Не хватало мне, чтобы еще двое жильцов потерялись. Хорошенькая будет реклама.

Уэйд пожал плечами.

– Ладно, спасибо.

– Не за что. Значит, в шесть тридцать.

Через четверть часа Пат ушла в спальню. Клод и Рут задержались и выпили еще по бокалу; потом Уэйд проводил их к пикапу. Когда они уехали, он вернулся в гостиную, развел огонь в камине, налил себе еще выпить и развернул «Стар трибюн», которую Клод привез из города. Про Кэти было на второй странице. Он скользил глазами по тексту, едва вникая в смысл. Приводились высказывания Тони Карбо, который выражал беспокойство, губернатора штата, председателя партии и двух сослуживиц Кэти по университету. Внизу, под сгибом, была помещена зернистая фотография, сделанная вечером в день первичных выборов. Кэти стояла обхватив Уэйда одной рукой за талию, другую подняла, словно защищаясь от яркого света. Глаза слегка не попали в фокус, но хорошо было видно, как сияет ее лицо, какую радость излучает.

Уэйд положил газету. Несколько минут сидел, глядя в огонь.

– Ох Кэт, – сказал он.

Допил свой бокал и пошел на кухню за новой порцией.

Дрянная была ночь. Слишком много водки. Он все время опрокидывался внутрь себя, наполовину спал, наполовину бодрствовал, и его сновидения крутились вокруг темы вины – вокруг того, что он помнил, и того, что помнить не мог.

Около полуночи он встал.

Надел джинсы и куртку, отыскал фонарик и двинулся к лодочному сараю.

Он не очень хорошо понимал, что его туда толкает. То ли эти сны, то ли желание знать.

Он открыл дверь и вошел внутрь; стал высвечивать фонариком и поднимать разные случайные предметы: якорь, ржавую коробку с рыболовными снастями, связку блесен. Его омывал поток первопамяти. Что здесь произошло. Что было сказано, что сделано. Он сел на корточки, провел рукой по земляному полу, поднес ее к носу. Запах заставил его отключиться. На мгновение он увидел себя с высоты, словно бы в объектив фотоаппарата. Бывший Кудесник, бывший кандидат в сенат Соединенных Штатов. А ныне – несчастный надравшийся мудака без единого фокуса в мешке.

Он опять понюхал ладонь; покачал головой. Запах сырости вызвал к жизни факты, которые ему не хотелось ворошить.

Железный чайник, к примеру, – это ведь факт. Христа прикончить – тоже факт. И поражение – факт. И ярость – факт. И пар, и погубленная герань – факты, факты. Другое вырисовывалось не так явственно. Вот, скажем, почти наверняка факт, но все же нет полной уверенности в том, что он прошел в ту ночь по коридору в их спальню и там какое-то время смотрел на спящую Кэти, любуясь ее полными губами и загаром на шее и плечах, умиляясь тому, как ее согнутый большой палец лежит на подушке у самого

носа. В какой-то миг, припомнилось ему, она открыла глаза.

Чуть еще постоял. Ветер, казалось, приподнял крышу сарая, подержал мгновение и с грохотом швырнул на место. В слабом свете фонарика Уэйд различал след от лодки, которую проволокли к воде. Он постарался представить себе, как Кэти делала это одна, а потом управлялась с «эвинрудом», но не смог выстроить убедительную цепочку образов. Не то чтобы невозможно, но и не очень-то вероятно, остается пространство для версий.

С фактами, подумал он, вот какая штука: они все разных размеров. Примеряешь и смотришь, какой впору, какой нет. Вопрос в повестке дня – его ответственность. Он не мог избавиться от жгучего чувства вины. Сколько времени потерял. Максимум выгоды извлек из дефектов памяти.

Он вышел из сарая, закрыл за собой дверь, выключил фонарик и поднялся к дому.

Пат сидела на веранде, поджидала его.

– Вышел подышать? – спросила она.

Материалы

Он был точно луковица. Снимешь слой, под ним еще один. Но мне он нравился. Она тоже. В чем-то они были очень схожи – больше, чем вы думаете. Одного поля ягода, так Клод говорил, но мне скорее лук на ум приходит.

Рут Расмуссен

До хрена всего было, о чем он умалчивал. До хрена. Ей-богу, я вот взял бы и перекопал все вокруг этой хибары и на дне озера бы пошарил как следует. Вот косточки бы и нашлись.

Винсент Р. (Винни) Пирсон

Мы живем в наших душах как в неизведанных странах, расчистив себе для обитания лишь по маленькой площадке; в душе ближнего мы знаем лишь полоску вдоль нашей с ним границы.

Эдит Уортон. «Пробный камень»

Он постоянно делал всякие нелепые вещи: например мотался за ней по кампусу, как частный сыщик какой-нибудь; а был он просто недотепа, и Кэти прекрасно это знала. Она его называла инспектор Клузо – помните, этот горе-детектив из «Розовой пантеры»? За глаза, конечно... Не понимаю, как она это терпела – но терпела. Цирк сплошной.[25]

Дебора Линдквист, соученица Кэтлин Уэйд по университету

У Джонни были скользкие руки. У фокусников это комплимент. В десять-одиннадцать лет он уже мог работать вольным стилем, без всякого реквизита, одними своими изящными маленькими ручками. И еще он умел держать язык за зубами.

Сандра Карра («Магическая студия» Карра)

Никогда не следует раскрывать публике секрет фокуса, потому что как бы ни были остроумны ваши средства, человеческое желание верить в сверхъестественное останется в этом случае неудовлетворенным; восхищение вашей изобретательностью не заменит зрителям восторга перед чудом.

Роберт Парриш «Руководство для иллюзиониста»

Хватит про дантиста! Слишком это личное, ясно вам? Это была моя сестра – оставьте ее наконец в покое! У вас как навязчивая идея.[26]

Патриция С.Гуд

СЛОВАРИК

Эффект – профессиональный термин для создаваемой фокусником иллюзии.

Обрезанная колода – колода карт, у которых боковые или торцевые края срезаны под углом, так что если одна карта в колоде перевернута, ее можно найти, нащупав выступающие края.

Исчезновение – технический термин: эффект, при котором пропадает какой-то предмет или человек.

Транспозиция – фокус, при котором по крайней мере два предмета или человека таинственно меняются местами.

Причинная транспортация – технический термин. эффект, при котором происходит исчезновение самой его причины, т.е. фокусника.

Двойное завершение – способ усыпить внимание зрителей, когда делают вид, что фокус окончен прежде, чем он действительно завершается.

М.Кей. «Учебник магии Стейна и Дея»

У него были две жизни, одна явная, которую видели и знали все, кому это нужно было... и другая – протекавшая тайно.

Антон Чехов. «Дама с собачкой»

– Сколько людей вы туда согнали?

– Может, тридцать, может, пятьдесят. И мужчины были, и женщины, и дети.

– Дети какие были?

– Не знаю, дети как дети.

– Где вы обнаружили этих людей?

– Кого-то в хижинах, кого-то на рисовых полях – всюду брали.

– Для чего вы их согнали?

– Мы подозревали, что они вьетконговцы. Те, кого я видел, так по сю пору и остались вьетконговцами.

Пол Мидлоу, показания на военном трибунале

Я никого не убивал. Коров вот убил несколько.

Ричард Тинбилл

Любовь и Война – одно и то же; изворотливость и стратегические ходы дозволительны как в одном, так и в другом.

Мигель Сервантес «Дон Кихот»

Я нашла его отца в гараже Я заранее все знала. Правду говорю. Еще не вошла, а уже знала.

Элеонора КУэйд

[Отец] взял юного Гудини на представление гастролирующего фокусника доктора Линна. Один из его номеров назывался «Воз-

рождение». Доктор Линн притворялся, что усыпляет человека хлороформом, а затем, связав его и положив в ящик, «расчленил» аккуратно накрытое черной тканью тело огромным мясницким ножом, «отрезая» руки, ноги, а под конец и голову. Части тела он бросал в тот же ящик, после чего задергивался занавес. Несколько мгновений спустя казненный вставал из ящика, целый и невредимый. Через много лет Гудини купил секрет этого номера... Существенно то, что уже в раннем возрасте этот номер, воплощающий тему смерти и воскресения, подействовал на Гудини сильнейшим образом; на протяжении всей жизни этот мотив постоянно присутствует в его выступлениях.

Дуг Хеннинг Гудини. «Легенда и волшебство»

Я говорила уже, какой он был скрытный. Никогда нельзя было узнать, о чем он думает. И это усилилось после того, как его отец повесился.

Элеонора К.Уэйд

Воспоминания [Вудро] Вильсона о своей юности ясно говорят о том, что он был подвержен болезненным переживаниям: считал себя глупым, безобразным, никчемным и недостойным любви... Может быть, именно в этом глубоком чувстве фундаментальной неполноценности, нуждавшемся в постоянных опровержениях, коренится его неутолимая жажда достижений, власти и людской признательности, его непобедимая тяга к совершенству. Ибо одним из путей, какими люди, страдающие низкой самооценкой, борются со своими тягостными ощущениями, является стремление к высоким достижениям и обретению власти.

Александр и Джульетта Джордж «Вудро Вильсон и полковник Хаус»

У нас как раз начался урок физкультуры. Я им велел отрабатывать броски по кольцу, прошло минут пять—десять, и тут приходит директриса. Зовет меня в сторонку, сообщает новость. Сама тут же наутек, трусиха такая. Я, правда, тоже не шибко был на высоте. Сказал Джону, чтобы принял быстренько душ, – дескать, мама пришла, ждет. Когда у мальчишки такая беда, просто сердце разрывается.[27]

Лоуренс Элерс, учитель физкультуры

Другая родственница, Джесси Боунс, вспоминает типичный пример «поддразниваний» доктора Вильсона. Семья собралась на свадебный завтрак. Томми [Вудро] опоздал к столу. Отец извинился за сына и объяснил, что Томми был так взволнован, встав с постели и обнаружив у себя над верхней губой еще один волосок, что умывание и одевание заняло у него больше времени. «Я

очень хорошо помню, как мальчик залился краской», – сказала миссис Брауэр.

Александр и Джульетта Джордж «Вудро Вильсон и полковник Хаус»

Его отец никогда не был физически агрессивным. Пол, когда трезвый, мог быть очень внимательным к ребенку исключительно нежным. Джон любил его как сумасшедший. Да и все любили. От моего мужа исходил какой-то Удивительный магнетизм – сияние какое-то, – взглянет на тебя своими синими-синими глазами, словно большим горячим солнцем озарит... Только вот когда он опять за бутылку, солнце как будто перегорало, что ли. Мне кажется, в глубине души он был очень грустный человек. Если бы только знать, о чем он так грустил. Я до сих пор не понимаю.

Элеонора КУэйд

Когда Линдон Джонсон учился в колледже, однокашники говорили не только о том, что он постоянно лжет, лжет по мелким и крупным поводам, лжет так часто, что слывет самым большим вралем на весь кампус, – они говорили также, что есть какая-то психологическая причина, побуждающая его к этому.

Роберт Кейро. «Годы Линдона Джонсона»

Да, амбиции у него были, и еще какие, но лично я это не считаю минусом. Нет амбиций, нет политики – простая истина. К тому же идеалы у Джона тоже имелись. Хороший демократ-прогрессист. Очень преданный делу. Бедным помогать, и так далее, и так далее, до опупения. Теперь, глядя назад, когда я уже знаю то, что знаю, я думаю, что он хотел этим загладить военные дела. Я так себе представляю: возвращается парень сам не свой, раздрызганный весь, потом женится на Кэти, и начинается у них эта великая любовь. Никогда не видел, чтобы два человека были так друг в друга по уши. И потихоньку он приходит в себя. Но про вьетнамское дерьмо никому ни слова – ни жене, ни мне, никому. Проходит время, и он уже не может ничего рассказать. В ловушку попал, понятно? Такая вот у меня версия. Не думаю, чтобы это с самого начала была намеренная ложь, просто он держал язык за зубами – а кто бы не держал на его месте? – и довольно скоро он себя убедил, что ничего и не было. Ведь он, не забываяте, был фокусник. Умел людей дурачить. Меня вот одурачил, поди ж ты... Такую мерзость в себе носить, это же запросто спятить можно... Короче, я думаю, ко всем этим его мечтаниям о том, как жизнь наладить, ко всем его амбициям и вашингтонским грезам с самого начала была подмешана ложь; а раз так, это не могло не кончиться колоссальным самообманом. Когда на уровне штата – это одно. Но он ведь шел в сенат Соединенных Штатов. Дерьмо долж-

но было выйти наружу – так уж политика устроена. И, конечно, нас стерли в порошок, а ему что теперь остается – с самого начала начинать? Опять полный раздрызг. Этот пустой взгляд мертвеца, о котором я вам говорил.

Энтони Л. (Тони) Карбо

Я не знала, что делать. Это на похоронах его отца. Так кричал – унять было невозможно. Ужас просто.

Элеонора КУэйд

Христа прикончить![28]

Джон Уэйд

Я взял одноствольное ружье моего отца, которое он много раз обещал подарить мне, когда я вырасту. Вооружившись им, я двинулся наверх. На первой лестничной площадке мне встретила мать. Она шла из комнаты, где лежало его тело... она была вся в слезах. «Ты куда?» – спросила она... «Я иду на небо!» – ответил я. «Что? Ты идешь на небо?» – «Да, и не останавливай меня». – «А что ты собираешься делать на небе, бедный мой малыш?» – «Я собираюсь убить Бога, который убил моего отца».

Александр Дюма. «Мои воспоминания»

Джон так с этим и не смирился. Я слышала, как он ночью разговаривал, целые беседы вел понарошку с отцом. Как и я, хотел объяснений – знать хотел почему, – но, похоже, в конце концов каждый из нас пришел к своему печальному ответу.

Элеонора КУэйд

Дети действительно часто испытывают гнев, потому что воспринимают смерть родителя как намеренный уход... Это вызывает отрицательные последствия в том случае, если неизжитое детское горе переносится в зрелый возраст.

Ричард Р. Эллис «Маленькие дети: бесправное горе»

Стыд... может быть понят как рана в человеческом «я». Он часто возникает в раннем возрасте как результат интернализации презрительного голоса, обычно родительского. Упреки, предостережения, издевки, насмешки, изоляция и другие формы пренебрежения или агрессии вносят в него свою лепту.

Роберт Кейрен. «Стыд»

Я подошел к хижине, и оттуда выскочила женщина. Я выстрелил и ранил ее, тогда она опять побежала внутрь и вышла с ребенком и другими людьми... Там были мужчина, женщина, две девочки... Подошел один из второго взвода, забрал у меня автомат и сказал: «Всех подряд убивать!» Он их застрелил.

Рой Вуд, показания на военном трибунале

– Кто стрелял?

– Почти все. Иногда это выходило случайно. Мой приятель Кудесник, он просто...

– Кто-кто?

– Кудесник. Он случайно застрелил старика, так он мне сказал. Я думаю, рефлекс сработал.

– Кто такой Кудесник?

– Парень один. Не помню, как его по-настоящему звали.

– Может быть, постараетесь вспомнить?

– Попробую .

Ричард Тинбилл, показания на военном трибунале

Джон! Джон! О, Джон!

Джордж Армстронг Кастер

– Итак, что вы увидели в этом рву?

– В этом рву лежали люди.

– Можете сказать сколько?

– От тридцати пяти до пятидесяти.

– Что они делали?

– На вид все были мертвые.

Рональд Гржезик, показания на военном трибунале

Там все воняло, особенно этот ров. Повсюду мухи. Они светились в темноте. Это было как не знаю что – как потусторонний мир.[29]

Ричард Тинбилл

О природе потустороннего

Убийство продолжалось четыре часа. Убивали основательно, систематически. Под утренним солнцем – сначала розовым, потом багровым – людей расстреливали, полосовали ножами, насиловали, кололи штыками, рвали на куски гранатами. Трупы лежали кучами. Часов в одиннадцать, когда в третьей роте объявили перекус, рядовой Ричард Тинбилл и Кудесник сели на насыпь, что шла вдоль рисового поля около деревни Тхуангиен. Открывая банку персикового компота, Тинбилл вдруг вскинул голову, прислушался.

– Звук-то, – сказал он. – Слышишь?

Кудесник кивнул. Правда, это был не один звук. Много тысяч звуков.

Помолчали. Потом Тинбилл сказал:

– Ну дела.

Чуть позже:

– А говорили, нет гражданских. Помнишь, говорили ведь. Что гражданских нет никого. – Он доел компот, бросил банку, развернул батончик шоколада. – Они, правда, все коммунисты.

– Может, и так.

– Скольких ты?

– Двоих, – сказал Кудесник.

Тинбилл облизал губы. Он был красивый парень, чистокровный индеец чиппева с быстрыми глазами и мягкими движениями. Несколько секунд он смотрел на свой шоколад.

– Звук-то, приятель.

– Пройдет.

– Хрен тебе, пройдет. Я-то хоть не убил никого.

– Хорошо. Это хорошо.

– Да, ну а... Как же так вышло-то?

– Солнце, – сказал Кудесник.

– Как-как?

– Ешь свой шоколад.

Тинбилл начал что-то еще говорить, потом осекся и прижал к ушам ладони.

– О господи. Все бы сейчас отдал за ушные затычки.

Результаты опросов сначала стали плохими, потом ужасными, потом невозможными, и катастрофа девятого сентября была вполне предсказуема. Около девяти вечера Тони Карбо выключил

телевизор.

– Чего еще ждать? – сказал он.

Джон Уэйд подошел к телефону и позвонил Эду Дерки. Это легко было сделать. Никаких переживаний – разве что мимолетная прохладная тень эмоции. В какой-то момент, еще разговаривая, он кивнул Кэти и поднял большой палец,

Через десять минут они спустились на лифте в танцевальный зал отеля, и Джон произнес бодрую речь, поздравляя соперника с победой. Он знал, что его карьера кончена, и все же говорил о политике как о большом человеческом эксперименте. Он поблагодарил Кэти, Тони, всех остальных. Помахал собравшимся и взял Кэти за руку; они поцеловались, сошли с возвышения и поднялись в свой номер. Там разделись, выдернули телефон из розетки, погасили свет, легли в постель и стали вслушиваться в шум машин под окнами.

Через час опять оделись.

Джон сделал несколько звонков и на несколько звонков ответил, потом они заказали в номер поздний ужин. Около полуночи в дверь постучал Тони Карбо. Из-под мышки у него торчала бутылка; пухлое белое лицо было усеяно бусинами пота.

– На посошок, – сказал он.

Он сполоснул два бокала и сел на кровать рядом с Кэти.

– Она настоящий боец, – сказал он Джону. – Люблю твою жену. Нежно-нежно.

Кэти улыбнулась. Она выглядела счастливее некуда.

Тони наполнил бокалы, подал им, себе оставил бутылку. Лацканы его вельветового пиджака были измазаны чем-то желтым.

Ах ты господи, ну поглядите же на меня, – сказал он. – Самая настоящая свинья. – Глотнул из бутылки, утерся. – Мы тут потолковали с твоим приятелем Дерки. Берет меня к себе – хреновая работа, хреновая плата.

– Живенько подсуетился, – заметил Джон.

– Живенько – не мёртвенько.

– Сукин ты сын.

– Что поделаешь – работа. Я же рабочая свинка. – Он поднял глаза на Кэти и попытался улыбнуться, – Так или иначе, не затевай сейчас эту бодягу насчет предательства. Тысячу раз ведь спрашивал про скелеты в сундуках.

– Об этом, пожалуйста, не...

– Единственное, что тебе надо было сделать, – открыть рот и сказать. Я ведь мог это использовать в наших интересах. Другая была бы игра совсем. – Он хлопнул себя рукой по груди. – А деревни уничтожать нехорошо.

– Я сейчас тебя в окно, на хер, выкину.

– Выкинь попробуй. Этакую тушу.

Посидели молча. Кэти очень аккуратно поставила свой бокал, пошла в ванную, заперла за собой дверь.

– А, ладно, – сказал Тони.

Он поизучал свои ладони, крикнул, встал. Выглядел он неважно.

– Беда-то в чем. Я и твоя жена – прощай, мечта. Се ля политик. Жаль, жаль. Ты ей объясни, что так вот она, жизнь, устроена.

– А пошел ты...

– Ладно. Иду. – Поравнявшись с дверью ванной, он тихонько ее поцеловал и повернулся к Джону. – Она мне сердце разбила, понимаешь ты или нет? Она лапочка.

– Давай вали отсюда.

– Сей момент. Ремень дать?

– Нет.

– По старой дружбе. Ремешок.

– Мотай, а?

– Конечно, конечно. Раз-два. – Тони качнулся в сторону, удержался и плеснул еще виски Джону в бокал. – А ты как мертвец выглядишь.

– Спасибо.

– Ну, за мертвецов. Чтоб долго-долго жили.

Они выпили и посмотрели друг на друга. Из ванной послышался шум воды.

– Ой, дама пописала, – сказал Тони. – Так мне кажется. Я даже в этом уверен. Слушай, может, ты ей объяснишь, что человеку нужно работать. На собственном сале долго не протянешь.

– Мог бы подождать.

– Мог бы. А ты мог бы раскрыть рот насчет кой-каких мокрых дел. Сберег бы мне изрядное число калорий. В общем, сотни всяких «бы» со свистом проносились по ночному небу. Ну, по последней?

– Не хочу.

– А зря. Помогает. Мертвец, и тот запляшет.

– Не надо.

Тони приложил ухо к двери ванной. Прислушался, тяжело вздохнул.

Увы, увы, свои грешки у каждого имеются. Как же без них-то. Грязное белье и так далее, и так далее. Хочешь про мои послушать?

– Я хочу, чтобы ты убрался.

– Милая, милая Кэтлин. Тяжко в этом сознаваться, но ведь я по ночам лежал в постели, хлюпал своим жиром и вслух повторял ее имя. Печальный случай. Любовь, вишь ты. Все думал: вот вес

сброшу, и она со мной убежит. И ведь стал ходить в этот зал на Лейк-стрит. Горел энтузиазмом, муки принял адские. Потел как не знаю кто. Восемьдесят монет за сеанс – и хоть бы Фунт сбавил.

Джона вдруг придавила усталость.

– Прекрасно. Шел бы ты теперь.

– Эфемерные мечты.

– Вали наконец, – сказал Джон.

Тони запихнул бутылку в боковой карман и, пошатываясь, двинулся к двери. Сделав два шага, остановился.

– Как дела шли, мне месяц назад надо было деру давать с корабля. Любовный магнит меня держал. Печальная, печальная ситуация. – Он мотнул головой, улыбнулся. – Бедные мы с тобой. Все эти скелеты, как подумаешь – дурдом, да и только.

– У Дерки развеселишься, – сказал Джон. Тони расхохотался.

– Ну, свинтус я, свинтус. Больше знать ничего не знаю.

Ближе к вечеру третья рота построилась в походную колонну и двинулась на восток, в сторону моря.

Кудесник держался ближе к хвосту. Голову опустил, ссутулился, считал шаги и старался отогнать зло. Это было непросто. Жужжание, казалось, шло из его собственного черепа. Мухи, твердил он, – но это были не только мухи. Земля, небо, солнечные лучи. Все соединилось вместе.

Поздно вечером они разбили лагерь на берегу. На западе, где были горы, небо сначала стало матово-красным, потом фиолетовым; вскоре в сумерках начали возникать диковинные фигуры и силуэты. «Потусторонний мир», – сказал Тинбилл, после чего ненадолго все замолчали; потом раздался чей-то голос: «Не умирают, черти, и всё тут».

Они расселись у своих окопов беспорядочными кучками. Одни молчали, другие обговаривали события дня – бинтовали моральные ссадины. В разговорах тон задавал Колли. Гады, они и есть гады, сказал он. Велено же было все там вычистить – вот и вычистили, и кому на этой Божьей зеленой выжженной земле какое, к чертям, дело? Бойс и Конти засмеялись. Тинбилл посмотрел на лейтенанта в упор, потом встал и отошел. Колли взглянул на Кудесника.

– Что это с нашим апачем стряслось? Сам не свой парень.

– Чиппева, – сказал Кудесник. – Не апач.

– Правда, что ли?

– Так точно, сэр.

Колли отвел глаза, стал смотреть в мертвое пространство. От его тела и формы отчетливо несло кровью.

– В племенах я не шибко силен; но ты бы ему объяснил, какая у нас вышла классная операция. Раз-два, заряжай, бей. Работа.

– Так точно, сэр, – сказал Кудесник.
– Ищи и круши.
– Правда вот, оружия не нашли что-то. Пусто. Одни женщины и дети.

Колли смахнул с рукава муху.

– Это какие же такие дети?

– Ну, дети... Там которые были.

– Так, *какие еще* дети? – Колли, вскинув брови, повернулся к Бойсу и Митчеллу. – Вот вы, парни, каких-нибудь вьетконговских детей видели там?

– Никого, – сказал Бойс – Ни единой живой души.

– То-то же, – кивнул Колли. – Плюс к этому я так считаю: пусть невинный бросает камень. Тоже из вашей Библии распрекрасной.

В темноте кто-то хихикнул. Другой сказал:

– Ловко он это.

Настала ночь – темная, непроницаемая. Кудесник еще посидел, послушал, потом встал и прошел через лагерь к окопу Тинбилла. Тот сидел один, уставившись куда-то вверх рисовых полей.

– Минут через десять—пятнадцать Тинбилл произнес:

– Сука лейтенант. Плюнь в глаза, скажет «Божья роса». И убийца.

– Не он один.

Тинбилл испустил короткий, беспомощный вздох.

– Слушай, только глаза закрою, так прямо и вижу... Как мясная лавка. Сколько, по-твоему...

– Не считал.

– Три сотни. Три сотни точно.

– Может быть.

– Не может быть. Точно. – Тинбилл лег на спину и стал смотреть на звезды. Потом вдруг издал тихий горловой звук.

– Да еще вонь эта. Как прилипла.

– Реку найдем. Смоем.

– Фиг ты это смоешь. Слушай, черт, как жить-то теперь? Как письма писать домой?

– Не знаю, – сказал Кудесник – Постарайся забыть.

– Как это?

– Сосредоточься. Думай о другом.

Опять замолчали. Кругом густо, басовито жужжали мухи.

– Чтоб вас совсем, – сказал Тинбилл.

Наутро третья рота двинулась на юг – к реке Сонгча-хук. День был жаркий и пустой. Через полчаса первый взвод повернул на запад и начал подниматься на невысокий пологий холм, который вздымался среди рисовых полей словно усталый старый зверь,

пытающийся встать. Слоны, сказал Мейплс, но кто-то покачал головой, сказал – нет, скорее паршивый буйвол; так вот на ходу судили-рядили довольно долго.

Кудесник не понимал, какое это может иметь значение. Он все представлял себе старика с мотыгой – как бедняга ковылял сквозь красную пыль. Как мотыга дирижерской палочкой взмыла вверх, блеснув на утреннем солнце, и упала наземь. Забыть, думал он, но картина не уходила.

На поддороге к вершине холма рота устроилась на привал, а Колли с Мидлоу ушли вперед с миноискателем. Место было опасное, сплошь мины, и солдаты, прежде чем расположиться, тщательно проверяли любую якобы безобидную площадку. Кое-кто закурил, но большей частью просто сидели и ждали. Запах крови въелся всем в кожу. «Разорители могил», – сказал Конти. Он все хихикал и изображал голосом привидение, пока Тинбилл не велел ему заткнуться.

Кудесник старался не слушать. Он потер кулаками глаза и стал смотреть на раскинувшуюся внизу зеленую равнину. На севере, примерно в километре, лежала деревня Тхуангиен – нечеткое пятно темной древесной листвы посреди рисовых полей. Несколько хижин еще дымились.

– Патруль зомби, – сказал Конти, – вот кто мы. – Он издал замозильный вой, и мгновение спустя Полу Мидлоу оторвало миной левую ступню.

Взрыв был не слишком громкий. Глухой быстрый толчок.

Кудесник оглянулся через плечо. Была секунда замешательства, потом общий гвалт, потом опять одни мухи.

Джонни-студень, так его дразнил отец, хоть он вовсе не был толстый. Джон понимал, что это просто пьяный треп, – и все же ему было больно и обидно.

Иногда наворачивались слезы. Иногда он задумывался, почему все-таки отец его ненавидит.

Больше всего на свете Джон Уэйд желал, чтобы его любили и чтобы отец был им доволен; и вот однажды в шестом классе он тайком отправил заявку на специальную диету, рекламу которой видел в журнале. Когда через несколько недель диету прислали по почте вместе со счетом на тридцать восемь долларов, отец принес конверт Джону в комнату и кинул ему на колени. Он не улыбался. И доволен сыном явно не был.

– Тридцать восемь монет, однако, – сказал он. – Целая гора свиного сала.

Джон вздохнул с облегчением, когда наконец пошел в рост. В восьмом классе он уже был высокий и подтянутый, почти худой и хорошо смотрелся в зеркалах

– Джонни-статуэтка, – сказал раз отец и, хохотнув, хлопнул его по спине.

Зеркала помогали ему со всем справляться. Что-то вроде стеклянного ящика в голове – место, где можно спрятаться; в седьмом, восьмом, девятом классе, когда становилось худо. Джон тихонько проскальзывал в свой ящике зеркальными стенками и там укрывался. Он был мечтатель. Приятелей у него было мало, близких друзей вовсе никого. Свободное время после школы и почти все выходные он проводил в подвале – совершенно один, никто не дразнит, никто не отвлекает, можно отрабатывать фокусы сколько душе угодно. Что-то в этом было умиротворяющее, что-то прочное и надежное, так он получал какую-никакую, но власть над своей жизнью. Иногда на школьных вечерах или днях рождения он выступал с пятнадцатиминутными представлениями и каждый раз с удивлением чувствовал, что аплодисменты заполняют внутри него какую-то пустоту. К нему по-другому начинали относиться. Это не любовь была, все-таки нет, но что-то к ней достаточно близкое. Ему нравилось выходить на сцену. Эти устремленные на тебя взгляды, это напряженное всеобщее внимание. Внутри, конечно, он как был, так и оставался одиночкой, пустым сосудом, но волшебство, по крайней мере, придавало этой пустоте респектабельность.

К восьмому классу Джон понял, что искусство дает ему кой-какие особые возможности. Тогда-то и началось его соглядатайство. Еще один захватывающий трюк Для практики он иной раз шел вслед за отцом к гаражу и стоял за дверью, подслушивал. Позже, когда путь был свободен, он проскальзывал внутрь и находил бутылки. Иногда просто стоял, смотрел на них. А иногда совершал еще один маленький фокус выносил бутылки наружу, открывал кран и превращал водку в обыкновенную воду.

Потом, дома, он с трудом удерживался от смеха. Сидел перед телевизором и ухмылялся.

Иногда отец поднимал на него глаза.

– Что такое с тобой, скажи на милость, – говорил он; Джон, пожав плечами, отвечал:

– Ничего.

– Ну так прекрати. Ведешь себя по-дурацки.

У всех были свои секреты, и у отца в том числе, соглядатайство было для Джона Уэйда изоцренной детективной игрой, оно позволяло ему забираться в душу отца и проводить там некоторое время. Он там осматривался, выискивал ответы на свои вопросы. Отчего эта злоба? Что она такое, в сущности? Почему отец ничему никогда не радуется, не улыбается, не перестает пить? Вопросы так и оставались вопросами – ни одного ответа, – и все же согля-

датайство приносило облегчение. Оно сближало его с отцом. Это была какая-то связь. Что-то общее у них, интимное что-то, сердечное.

Семнадцатого марта 1968 года ближе к полудню, когда Мидлоу забрали, взвод получил приказ двигаться обратно к деревне Тхуангиен. Ходу было всего минут двадцать. Они пересекли два пышущих жаром рисовых поля, а дальше уже можно было идти на запах. Через десять минут они начали обматывать головы полотенцами и майками.

Около полудня подошли к деревне с северной стороны. Там все было мертво – ярко, оглушительно мертво. Вдоль дороги, которая пересекала деревню с востока на запад, виднелось несколько свежих могил, отмеченных белыми камнями, но почти все трупы так и лежали на солнце, страшно раздувшиеся – одежда едва не лопалась. Раны кишели мухами. Слепни, черные мошки, маленькие радужно-синие мухи – они вились тучами, и в ярком тропическом солнце казалось, что тела шевелятся. Кудесник знал, что это иллюзия. Его не так-то легко сбить с толку.

Углубившись в деревню, они чуть в стороне от дороги увидели молодую женщину без обеих грудей. На животе ножом была вырезана буква «К».

Бойс и Мейплс отошли блевать. Кудесник нашел убежище за зеркалами. Он видел, как Колли подошел к трупу, наклонился, упер руки в колени и стал рассматривать то, что лежало, не пропуская ни одной детали. Он был, казалось, искренне поражен.

– Экая бяка, – сказал он.

Поймал несколько мух, зажал в кулак, поднес к уху. Секунду подержал, улыбнулся.

– Слышите, нет? Про что эти сраные мухи жужжат небось про какие-то нехорошие дела. На весь свет разжужжались. Слышит кто из вас?

Все молчали. Одни смотрели себе под ноги, другие на труп женщины.

Колли подошел к Тинбиллу.

– Ты слышишь, про что жужжат?

– Не знаю, сэр.

– Не знаешь.

– Нет, сэр.

– Так, блядь. – Колли ухмыльнулся и прижал кулак с мухами к самому уху Тинбилла. – Лучше?

– Наверно.

– Про убийства слышишь, нет?

Тинбилл отступил на шаг. Он был и выше, и крепче, чем Колли, но молодой совсем.

- Нет, сэр, – сказал он.
- Лучше слушай.
- Не слышу, сэр. Ничего не слышу.
- Уверен?
- Так точно, сэр.

Колли сжал губы. Повернулся теперь к Кудеснику, поднес кулак к его лицу.

- Так, колдун, твоя очередь. Как со слухом?
- Не очень, – сказал Кудесник
- Да ты не торопись, послушай.
- Оглох, сэр.
- Оглох?
- Фокус такой.

Кто-то засмеялся. Бойс и Мейплс подошли, вытирая рты. Митчелл скорбно смотрел на изуродованную грудь женщины.

- Ладно, годится, – сказал Колли мягко. – Теперь насчет зрения.
- Не понял, сэр.
- Глаза, глаза. Зверства видел какие-нибудь?
- Не видел, сэр. И оглох, и ослеп.

Маленький лейтенант привстал на секунду на цыпочки, развернул плечи, принял командирскую позу. Потом проворно обвел взглядом всех по очереди.

– Слушай задачу. Болтовню всякую – отставить, ясно? У начальства уже шило здоровенное в заднице: гражданских лиц каких-то там убили. Лично я этого не понимаю. – Он улыбнулся Кудеснику. – Вот эти тут, они что, похожи на гражданских?

– Нет, сэр.

– То-то, еще бы. – Колли раздавил мух в кулаке, поднес их к носу, понюхал. – Все перерыть здесь. Посмотрим, где у них вьетконговское оружие запрятано.

Они разобрались по двое. Искать было нечего, все это прекрасно понимали, однако поиски продолжались до вечера. В сумерках они устроили лагерь около ирригационного рва поблизости от Тхуангиен. Смрад стал еще гуще. Это было уже нечто осязаемое – маслянистое вещество, обволакивавшее их легкие и кожу. Со стороны рва доносилось ровное непрерывное жужжание. Там были и светляки, и стрекозы, и огромные черные мухи с электрическими крыльями. Ров, казалось, светился в окружающем мраке.

– Блядство, – прошептал кто-то.

Через час тот же голос.

– Хватит, всё, вырубайте!

Взвинченный, сна ни в одном глазу, Кудесник наводил порядок в собственных мыслях. Он думал о Кэти, о ее вьющихся волосах и зеленых глазах, о ее улыбке, о том, как они славно заживут вместе. Он думал о том, что не надо путать войну с убийством. Ясное дело, решил он. Он порядочный человек. Никаких дурных побуждений. Да, а случившееся ему было навязано. Он этого не хотел, ему это ненавистно, и ему нужно от этого избавиться.

Он закрыл глаза. Откинулся назад и нажал стирающую кнопку в самом центре своих мыслей.

Потом, совсем уже глубокой ночью, к окопу Кудесника подошел Тинбилл. Вдвоем сидели, смотрели на мух.

В какой-то момент Тинбилл как будто заснул.

Погодя он сказал:

– Как ты думаешь, может, нам надо... что-то *делать*?

– Что сделать?

– Ну, мало ли. Сообщить. Подать рапорт

– А потом?

Тинбилл неопределенно дернул плечами. Его лицо было все липкое от пота.

– Мы с тобой, мы бы доложили, и... уже не будет так погано, правда? Только вместе.

– А что с Колли тогда?

– Дерьмо вонючее.

– А с остальными?

– Я в мафию не вербовался. Молчать никому не обещал.

Кудесник смотрел прямо перед собой. Там все было в движении. Напротив него над ближним берегом рва густо роились мухи – яростное неоновое свечение во мраке. Звук не давал сосредоточиться. Надо было принять в расчет свое будущее, все честолюбивые мечты; и была еще проблема старика с мотыгой. Плюс рядовой Уэзерби. Винить себя ему было не в чем – чистый рефлекс, ничего больше, – и все же мысль о рапорте в голове не укладывалась. Чтобы вот так прямо, без всяких потайных люков и невидимых проволочек.

Тинбилл толкнул его локтем.

– А как иначе-то, – сказал он. – Хоть спать будем.

– Не знаю.

– Куда деваться.

Кудесник кивнул. Наступил решительный момент; моральный выбор неприятно давил. Из-за этого на него напал смех.

– Эй, ты чего, – прошептал Тинбилл, – брось, слушай...

Кудесник ничего не мог с собой поделать. Он повалился на спину, закрыл лицо руками, и смех взял над ним полную власть. Кудесник весь трясся. В темноте кто-то прошипел: «Заткнись», но

он не мог перестать, не мог восстановить дыхание, не мог заставить этих ночных жужжащих тварей умолкнуть. В голове у него поселился ужас. Он вспомнил, как повернулся, как пронзительно закричал и застрелил старика с мотыгой – безотчетно, не думая, – как потом продрался через кусты в большое сухое рисовое поле, полное солнечного света и цветного дыма. Он вспомнил этот солнечный свет. Вспомнил долгую, померкшую пустоту, вспомнил, как оказался потом на краю ирригационного рва, полного женщин, детей и стариков.

Из-за этих картин он перевернулся на живот.

– Сдурел, что ли? – сказал Тинбилл, но Кудесник был уже не Кудесник, это был беспомощный ребенок, неспособный справиться с глупым смехом.

Он стал кататься туда-сюда и возить лицом по траве. Все равно не проходило. Он видел матерей, прижимающих к себе детей, видел изможденные смуглые лица. Колли стрелял от плеча. Мидлоу стрелял от бедра. Невозможно, сказал себе Кудесник, но цвета были очень яркие и правдоподобные, Митчелл упражнялся в сложной стрельбе через плечо. Рядовой Уэзерби расстрелял обойму, вытер автомат, перезарядил, наклонился над рвом, покачал головой, выпрямился и снова открыл огонь. Это длилось бесконечно. Кудесник видел, как красная трассирующая пуля прошла ребенку ягодицы. Он видел, как у женщины раскололась голова, он видел, как мальчик выбрался из рва и побежал, видел, как Колли его поймал, поговорил с ним по душам, потом толкнул его обратно в ров, прицелился и застрелил. Упавшие дергались повсякому. Были газы. Были брызги плоти и осколки костей. С высоты щедро светило яркое, теплое пастельное солнце, в небе ни облачка, и долго еще люди ложились мертвые ряд за рядом, слой за слоем. Главная проблема была – патроны. У Уэзерби все время заклинивало автомат. Он кинул его на землю, взял у кого-то другой, вытер ствол, воткнул полный магазин, опустился на колени и стал стрелять в шеи и животы. Дети заходились воем. Были фекальные запахи. На лбу у Колли болталось что-то желтое и склизкое, но ему вес было нипочем – утерся и продолжал стрелять. Тела становились одним телом. Одним месивом. «Сдается мне, – сказал Колли, – что у этих друзей со здоровьем будут баальные нелады», а Уэзерби ответил: «Понял, прием»; они оба перезарядили автоматы и стали стрелять в месиво. Пол Мидлоу плакал. Он всхлипывал и стрелял в ров с закрытыми глазами. Митчелл отошел справить нужду. Опять перемотался растяжимый кусок времени, свет и крики, потом Кудесник почувствовал, как что-то в него скользнуло – ощущение падения, – и в следующий миг он очутился на дне ирригационного рва. Он увяз в жидкой грязи. Он

не мог пошевелиться – не было упора.

Он так смеялся, что ему показалось, он взлетел на воздух.

– Тише, тише, – говорил Тинбилл, – ну, успокаивайся.

Кудесник укусил себя за палец. Туго обхватил руками плечи и стал слушать ночь. Бледный прохладный полумесяц стоял высоко; впереди над рвом разливалось голубоватое электрическое свечение насекомых.

Тинбилл щелкнул языком.

– Глубже дыши. Больше воздуху, глотай его.

– Все в порядке уже.

– Вот и я говорю. Молодцом. Кудесник начал приходить в себя.

Смеха, считай, уже не было. Крепко стиснув себя руками, он раскачивался в темноте, стараясь не вспоминать то, что вспоминалось. Он старался не вспоминать ров, как там было склизко и вязко, как много позже его там увидел рядовой Уэзерби. «Здорово, Кудесник», – сказал Уэзерби. Он начал было улыбаться, но Кудесник застрелил его.

– Ну вот, другое дело, – сказал Тинбилл. – Вид нормальный. Лучше гораздо.

– Все прошло.

– Ну еще бы.

Оба они смотрели в сторону рва. Поблизости кто-то всхлипывал. Доносились и другие звуки. Котелок, затвор автомата.

– Как ты сейчас?

– Отлично. Лучше не бывает.

Тинбилл вздохнул.

– Так, наверно, и надо. Отсмеялся – и легче стало. Ну его на хер, этот потусторонний мир.

Предположение

Может быть, вот что.

Может быть, в рассветных сумерках Кэти собрала на берегу кучку веток. Дельная, практичная женщина. Сняла с «эвинруда» стальной кожух. Поднесла к свече мотора комок бумажных салфеток, дернула шнур стартера, зашептала слова молитвы – и готово, загорелось.

– Гениально, – сказала она. Может быть, улыбнулась себе в этот момент. Может быть, ей представилось довольное лицо руководительницы девочек-скаутов.

Очень осторожно, прикрывая от ветра, она перенесла горящие салфетки к сложенному хворосту; наблюдала, как занялись мелкие веточки, как отдельные огоньки слились в одно цельное пламя. Подбросила еще мелочи, потом сучьев потолще; когда хорошо разгорелось, сняла свитер и майку и положила, чтобы согреть, на два больших камня.

На завтрак был «спасательный кружок».

Голод, решила она, пока не так чувствуется. Во всяком случае, никаких особых мучений. Главное сейчас – согреться. Присев на корточки, она протянула к огню руки, наклонилась вперед, носом и ртом стала втягивать жар. Безрадостная ночь, безрадостное утро. Над озером неподвижно висели пласты промозглого тумана. Холодный воздух колот кожу иголочками.

Она кинула в костер еще одну толстую ветку и попыталась составить разумный план на день.

Первым делом высушить одежду. Потом залить в бак бензин. Потом взять направление на юг и плыть до тех пор, пока она не упрется в берег Миннесоты. Плыть, и все. Вперед, несмотря ни на что. Попозже, если начнет одолевать голод, она попробует порыбачить, но в тот момент настоящая потребность была – наложить на дикий простор воображаемую линейку и двигаться вдоль нее к дому. Точно на юг, и ничего больше.

Она сжала губы. Всё, решение принято. Раздумывать больше не о чем.

Когда вещи высохли, она оделась, поставила на место кожух «эвинруда» и вылила в бак остатки бензина. Ей показалось, что стало еще холодней. Как зима прямо, если не считать густого тумана. Глушь словно прогибалась под собственным весом, сырость давила, и на миг решимость Кэти пошатнулась. Без толку,

подумала она. Безнадежно заблудилась – факт есть факт, и отрицать его глупо. О природе она не знает ровным счетом ничего. Север, юг, какая разница – если ее не найдут, она погибла.

И все же была необходимость двигаться. Хоть как-то влиять самой на обстоятельства.

– Чего тут околачиваться, – сказала она себе. – Вперед, ноги в руки.

Быстро, пока не прошла решимость, Кэти положила в лодку мешковину и коробку со снастями. Провела лодку на чистую воду, села в нее, надела спасательный жилет, дернула стартер и повернула в открытое озеро. Когда оглянулась, костер был только мягким просветлением в толще тумана; через минуту его уже вовсе не было видно. Она засунула одну руку под спасательный жилет, другой держала руль. Убийственный холод пронизывал до мозга костей. Слева за облаками угадывалось солнце, там должен быть восток, и мысленно она представила себе карту и стальную линейку» которая поможет ей держать курс Карта была большая и пустынная. Наверху карандашом она отметила север, положила линейку вертикально и вообразила лодку, движущуюся вдоль нее от верхнего края к нижнему.

Это упражнение ее воодушевило. Просто и ясно. Геометрия, больше ничего.

Прошло около часа; туман медленно рассеивался, превращаясь в грязные клочья. Небо все еще было затянуто, но по крайней мере впереди стали видны темные очертания леса. Пустота вокруг превосходила всякое разумение. Все словно обесцветилось от сырости, бледно-серое перетекало в темно-серо-стальное, было ощущение дождя без дождя, всепроникающей влаги, вселенской печали, тоски и скуки. Уныние исходило даже от птиц – пролетели несколько диких гусей, несколько одиноких гагар. Таким полным, таким откровенным было это однообразие всего и вся, что ей вдруг захотелось увидеть рекламный щит, небоскреб или огромный стеклянный отель – что угодно, лишь бы яркое, сверкающее, искусственное.

Представить себе это было приятно.

Может быть, когда-нибудь она построит тут казино. «Двадцать одно» под пластиковым куполом. Сплошной неон. Эскалаторы под открытым небом. Она вспомнила поездку в Лас-Вегас несколько лет назад. Одна из этих пустопорожних политических конференций – все оплачивалось из партийной кассы, – и Джон с Тони уговорили ее поехать с ними. Смешно вспомнить, но не прошло и трех часов, как она крепко села на крючок Ей понравилась вся эта суэта. Понравился стук бросаемых костей и игровых автоматов, вся эта дробь, которую выбивала математика. Не

деньги как таковые завели ее на всю ночь; скорей – хотя она не особенно старалась разобраться – это была возможность колоссального выигрыша просто так, с ходу. Сама возможность. Золотое будущее Все было близко – ближайший кон, ближайшая карта, ближайший час, ближайший стол, где улыбнется удача. Кричаще-безвкусное, надуманное, дешевое в самом фундаментальном смысле, заведение олицетворяло все то, что она глубоко презирала, – и все же как ее возбуждал вид пикового туза, что опускался, точно космический корабль, на улыбающуюся червонную даму! Неважно, что ставка была всего пять долларов. Важно, как бежала по жилам кровь. Предвкушение чуда, восторг везения.

Кэти улыбнулась хмурому утру.

– Ну же, – сказала она и подмигнула. – Шарахни меня.

Через десять минут прямо по курсу показался низкий заросший лесом остров. Самое место для казино. Соорудить что-нибудь блестящее, гладкое. В форме космического корабля или роскошного полного сил пениса.

Она обогнула остров с востока, поправила мысленно линейку.

Потом, выйдя на открытую воду, она вновь скользнула назад, к той необыкновенной ночи в Вегасе. Они с Тони прочно засели у стола, где шла игра в «двадцать одно», – как там было жарко, как все кипело, как быстро росла перед ними груда аккуратных фишек, зеленых и черных! Она вспомнила, как потоком несся сквозь нее азарт. Весь вечер над столом стоял конус мягкого белого света – горячего света, – накаленное, мерцающее сияние. Все было возможно. И роскошь, и счастье. Два с лишним часа они не сходили с места.

Около полуночи к ней сзади подошел Джон. Положил ладони ей на плечи и так постоял, ничего не говоря. Его руки неприятно давили.

– Доходное дело, – произнес он наконец. – Грандиозная добыча. Но не пора ли ее в мешок складывать?

Она вспомнила, как засмеялась.

– Да ты что! – сказала она.

– Понимаешь, нам не следует...

– Смотри, смотри.

Она вспомнила, как переглянулась с Тони, улыбнулась ему, потом толкнула вперед четыре зеленые фишки. Она вся горела. Едва чувствовала пальцы Джона, надавившие ей на плечи. Выиграв, она взвизгнула и хлопнула рукой по столу. Джон нажал еще сильнее.

– Очень мило, – сказал он.

– Еще бы не мило! Гораздо милей, чем ты думаешь.

– И поздно.

– Поздно?

– Поздновато.

– Ничего подобного. Хоть из пушек пали – все равно не уйду.

– Ладно, как знаешь. Что-то это на тебя не похоже.

Тони посмотрел на него, растянув в улыбке широкое бледное лицо.

– На какую «тебя», интересно? Мне сдается, у нее этих «я» навалом. «Я» здесь, «я» там.

– Вот оно как.

– Ага.

– Помолчав, Джон выдавил из себя смешок

– Я что-то не понимаю.

– Ладно, проехали, – сказал Тони.

Она вспомнила, как руки Джона соскользнули с ее плеч. Он еще раз принужденно усмехнулся и двинулся сквозь толпу.

– Не берите в голову, – сказал Тони.

– Не буду. Я и забыла уже.

– Не имеет никакого значения.

– Конечно, не имеет.

Они поиграли еще несколько минут, в течение которых их фишки начали быстро переключиваться на другую сторону стола; потом забрали в кассе выигрыш, перешли в людный бар с мягкими кожаными сиденьями и взяли по коктейлю. Даже потеряв немного под конец, она выиграла восемьсот с лишним долларов; и все же она чувствовала только боль в животе. Опять казино было только казино.

– Карты приходят, карты уходят, – сказал Тони. Он внимательно на нее смотрел. – Так наш мир устроен. Он тут ни при чем.

– Паршивец.

– Нет, нет.

– Гнусно все-таки, – сказала она. – Прямо вынести не может, когда кому-то хорошо.

– Кошелек-то у вас все равно туго набит.

– Дело не в деньгах.

– Не в деньгах?

– Нет. Кое в чем получше. – Она чувствовала, что в голосе ее звучит обида, чувствовала приставшую к нёбу горечь. – Я хочу сказать, ведь здорово было, правда? Восторг, полет. Словно – ну, я не знаю, – словно волшебство какое-то.

– Да нет, не волшебство. Удача.

– Как хотите. Все равно у нас была чудесная команда.

Тони опустил глаза в свой коктейль, помешал его кончиком большого пальца.

– Это верно, – сказал он, – но деньги тоже важная вещь.

– *Ощущение* славное было, вот что. Потом он приходит и все рушит, губит волшебство.

– Не намеренно.

– Откуда я знаю?

– Просто так он устроен, – сказал Тони. – Характер такой.

– Об этом лучше не будем.

– О чем тогда?

– О чем-нибудь хорошим. О том сиянии.

– Это было прекрасное, долгое, победное сияние.

– Да, – сказала Кэти.

– Можно еще разок попробовать.

– Чуть попозже. Тут хорошо сидится.

Она вспомнила, как Тони издал короткий потрескивающий звук, словно компьютер, обрабатывающий очередную порцию данных. Его быстрые маленькие глазки метнулись через весь зал. Нервный, подумала она, или чем-то постоянно встревожен – взгляд все время бегаёт, ни на чем не может остановиться. Странный тип. Грубоватый, застенчивый, циничный, тщеславный, бестактный и неуверенный в себе чуть не до самооплевывания. Составные части плохо друг с другом сочетаются. Как вот он одет сейчас вельветовые брюки от костюма, розовая спортивная рубашка и выдавшие виды черные ботинки. Смешно, но скорее печально. Рубашка увеличивала его живот, наверно, фунтов на двадцать. Жидкие бесцветные волосы были гладко зачесаны назад.

Чудной, одним словом. Особенно глаза. Вечно мечутся туда-сюда, вечно выискивают новые углы зрения.

Впрочем, его голос, когда он заговорил, звучал мягко и раздумчиво. На нее он не смотрел при этом.

– Тут, наверно, надо вот что держать в уме. Ваш благоверный, он не то чтоб шибко верил в красотку-удачу. Риск – не его конек. Он же фокусник. Если надо, подтасует карты. Удача тут ни при чем.

– Это вы его защищаете?

– Нет. Я бы так не сказал.

– А как бы вы сказали? Очень хочу услышать.

– Так он устроен, вот и все. – Тони допил коктейль. – В конце концов, вы за ним замужем, а не я.

– Верно. Интересная мысль. – Она поглядела в другой конец казино, где стоял Джон с группой молодых законодателей. У всех такие свежие лица. Все такие элегантные, стильно подстриженные, наодеколоненные.

– Как бы то ни было, – сказала она, – он не карточный шулер.

– Как вам будет угодно.

– Не шулер, нет.

– Еще коктейль?

– Конечно, и большой. Он не обманщик.

Тони улыбнулся и посмотрел на нее, но, скользнув по ее лбу, его взгляд тут же устремился куда-то в сторону. Тони хмыкнул.

– Нет, думаю, что нет. Убить драконов, накормить голодных. Меня лично это восхищает. Другое дело, что он не допускает саму возможность проигрыша. – Он грузно откинулся на спинку стула. – Вот взять это хобби его. Человек тащит из шляпы кролика – вы же не кричите «Обман!», правда? Вы *знаете*, что это фокус. Это и *задумано* как фокус. А вы бешено аплодируете и думаете «Ого, ловко это он, однако». С политикой в точности то же самое. Трюкачи, у каждого свои пассы. – Он помолчал, улыбнулся ей. – Грязно то, что неэффективно. Природа этого зрелища.

– Вы, значит, тоже такой?

Он усмехнулся.

– Верный помощник. Подношу реквизит. Кроликов там.

– Но вас же это восхищает. Вся интрига.

– Увы, увы. Восхищает – не то слово.

– И Джон восхищает?

– Мой хозяин и повелитель. – Тони вздохнул. Помахал официанту и, перевернув бокал, поставил его на стол. – Мой Дэвид Копперфилд.[30] Может, когда-нибудь перетащит меня в Вашингтон, там мы такое представление закатим – ух!

– Поезжайте один, – сказала Кэти. – Становитесь звездой.

– Стану, как же.

– Я серьезно.

Тони поворачивал глазами.

– Остроумная мысль. Я – в копперфилдовских шмотках. Брючки в обтяжку, полосатый пиджак. Верх элегантности.

– Чушь собачья.

– Что именно?

– Все это не имеет значения.

Он издал отрывистый, чуть ли не злобный звук

– Да уж. Особенно если собственный член не можешь увидеть без перископа – пузо мешает. Мы, тюлени, свое место знаем. И не надо мне сказки рассказывать насчет похудания.

– Не буду.

– А ведь едва с языка не сорвалось.

– Ваша правда, – кивнула она.

– Вот и отлично. Моя правда.

– Так что же?

– Так ничего же.

– Стоп. – Она положила ладонь на его руку – Я была не права. Будем бережней друг с другом. Куда же этот официант пропал?

– Точно. Официант.

– Я была не права.

– Изящная, остроумная Кэтлин.

Целый час потом они всячески старались вернуть это сияние. Теперь ей вспомнились разные любопытные мелочи. Прилипшая к его животу розовая рубашка. Как у него непрерывно двигались руки. Как он все метал и мешал свои коктейли, как его взгляд пробежал по ее лицу и скатывался по плечам куда-то в темное пространство позади нее.

Даже сейчас, когда у нее перед глазами расстилалось плоское серое озеро, она ощущала сквозившую во всех его жестах уязвленность, которую он пытался скрыть под маской циника и шута.

Чудной, странный тип, вновь подумала она.

Повернув немного руль, Кэти выправила курс вдоль воображаемой линейки, тумана уже почти не было. На востоке из-за облачной дымки светило, не грея, бесформенное белое солнце; там и сям среди волн проблескивали пятна металлической синевы. Хоть дождя нет, подумала она. И на том спасибо. Но утро, казалось ей, стало еще холоднее – дерущий, зазубренный озноб, как колючая проволока. Мелькнуло сожаление о рассветном костре. Бросив его, она совершила ошибку. Может быть, грубую ошибку.

Потом она оборвала эту мысль.

Думать о другом.

Какое сегодня число?

Какое-то сентября – двадцатое, что ли. Или двадцать первое. То есть по календарю еще лето. От холода она не умрет. Дурной расклад можно побороть. И она непременно, непременно вернет это сияние. Вернет, как же иначе. И с Джоном тоже. Она ведь любит его всем сердцем, несмотря ни на что, всем сердцем. И всегда любила. Их постоянно окружало это поразительное сияние. В нем они жили, в белом ослепительном свете, он всасывал их в себя и уносил далеко за обычные пределы. Они парили в пространстве. В точности такое чувство. У других отношения могут закиснуть от времени, но только не у них – ведь они отринули закон средних чисел, воспарили над всем, что есть среднего. Выиграть выборы, потом еще одни выборы, а там уж начнется эта прекрасная жизнь, о которой они мечтают и которой заслуживают, – они сделали на это ставку, они поставили на кон даже ребенка у нее в чреве, – но сияние ушло, они бесславно проиграли и продолжают проигрывать дальше.

Ей захотелось вернуть это чувство. Захотелось вновь верить, захотелось просто надеяться и надеяться без конца.

Кэти закрыла ненадолго глаза. Когда открыла опять, увидела впереди, на расстоянии четверти мили, группу четко очерченных островов; озеро разделялось на шесть узких проливов, уходивших сквозь лесные дебри в разные стороны наподобие спиц колеса.

Она проверила направление по солнцу и выбрала пролив, который как будто шел на юг.

Туда, где сиянье, влечет расстоянье.

Тут она позволила себе слегка улыбнуться. Вспомнила, как в тот вечер в Вегасе Тони со всевозможными пьяными подробностями и отступлениями стал ей объяснять, что удачу можно приманить. Нужно только открыться, как окно, и гадать, когда влетит счастье. Потом они поговорили о том, что бывает, когда окно заклинит. Почему бы ей не попытаться освободить окно, сказал Тони, Она пожалала плечами и ответила, что попыталась раз, но ничего хорошего не вышло. Хуже некуда, сказала она. Она не назвала имени Хармона и не стала распространяться о том, что произошло в Лун-Пойнте, но объяснила, что в результате заклинило еще сильнее. Неутешительный итог, сказала она. Полный проигрыш. Никакого сияния. Пока Тони слушал, его глаза блуждали где-то далеко, а когда она кончила, он кивнул и сказал: «Смысл, в общем, ясен», а она сказала: «Смысла-то никакого и нет». Она спросила, хочет ли он знать об этом больше. Он ответил – нет, спасибо. Может, знал и без нее. Очень даже вероятно. Но про муки раскаяния он наверняка не знал, так что она ему про них рассказала. Как она потом много месяцев не спала по ночам. В общем, жутко неудачная была попытка освобождения, сказала она, и потом хотелось только одного – сохранить все в тайне; но очень скоро умолчание стало для нее хуже, чем сама эта жуткая провинность.

– Значит, он узнал? – спросил Тони.

– Кое-что. Не все.

– И как он?

– Слезы, ужас. Сказал, я была для него святыней. Мое тело, мой язык, всё. Наше «мы». Сказал, если это случится опять, он уйдет и не вернется.

– А случится? Опять?

– Это вопрос. – Она вспомнила, как покачала головой, потом встала. – Я вам тут вконец голову заморочила. Глупо получилось.

– Ничего подобного.

– Нет, глупо, глупо. Пошли, еще счастья попытаем.

Поиграли еще час, большей частью проигрывая, потом поднялись на лифте на восьмой этаж. У двери ее номера Тони сказал: «Я бы вас поцеловал, не будь я таким свиным окороком», она рассмеялась, сказала: «Не такая уж плохая вещь» – и поцеловала

его в щеку, а Тони тогда сказал «Я теперь буду жить вечно». Она пожелала ему спокойной ночи.

– Пока, – ответил он.

Открыв дверь, она помедлила, глядя, как он уходит по коридору.

В темном номере Джон лежал в постели, обняв подушку. Дыхание неровное, не такое, как у спящего. Притворяется, что спит, – вполне в его духе. Она вспомнила, как разделась, откинула одеяло и легла рядом, не дотрагиваясь до него. Устала пытаться. Вот где они у нее, все эти попытки. Не сейчас, во всяком случае. Пусть сам себя трогает. Перекатилась ближе к краю и долго так лежала – в голове все шумело казино, перед глазами копились яркие фишки. Она выиграла около семисот долларов. Недельная зарплата. Хотя главное было не деньги. Пивное было – манящий свет всего, что в этом мире возможно, всего, что она для себя хотела, и не могла назвать, и звала счастьем, потому что не находила других слов. Может быть, она слишком полагалась на Джона – что он ей поможет в поисках названий. Может быть. С ним все ощущалось совершенно по-другому. Ощущалось так, словно взбираешься на гору, что громоздится выше облаков и никогда не кончается. Ощущалось как работа. Веселье, игра – все ушло, а ведь было когда-то. Она вспомнила, как они в студенческие времена играли в «подначки» в уголке уютного бара, как шли на риск, испытывали друг друга и выдерживали испытания. Тогда сияние было с ними. Проиграть они не могли.

Она вспомнила, как выскользнула из постели. Джон бормотал во сне, бормотал злые слова.

Она так до него и не дотронулась.

Не поможет. И ничто не поможет.

В темноте она надела свежее шелковое платье, причесалась. Отыскала кошелек, вышла в коридор, заперла за собой дверь и спустилась на лифте в казино. В три часа ночи жизнь там кипела вовсю. Она нашла стол, который как будто обещал успех, и втиснулась между двумя игроками-азиатами. Уже чувствовала себя лучше. Свет внушал надежду. Она заказала кофеи апельсиновый сок, накупила зеленых фишек на семьсот долларов, улыбнулась сдающему, попросила спроворить ей ровнехонько двадцать одно и получила, что хотела, со второй сдачи.

Верона, подумала она. Уж как-нибудь она выиграет себе будущее.

Туда, где сиянье.

Она неуклонно вела лодку по краю воображаемой линейки – окончательно заплутавшая, почти уже без бензина, почти без надежд на спасение – и вглядывалась в невообразимые серые

просторы небес, лесов и вод. Сдавай же карты, думала она. Шанс всегда есть. Кто не играет, тот не выигрывает.

Где искали

Двадцать второго сентября в шесть тридцать утра Клод Расмуссен подвел свою восемнадцатифутовую моторную лодку «крискрафт» к причалу около желтого коттеджа на Лесном озере. Джон Уэйд помог старику пришвартоваться, подал руку Пат, когда та шагнула в лодку, а сам бегом назад к дому взять сумку-термос, которую Рут наполнила сандвичами и прохладительными напитками. Он чувствовал, как в нем поднимается бодрость. Не то чтобы прямо уж оптимизм, но какое-то все же здоровье, какая-то ясность, чего не было уже очень долго.

Когда он вернулся к лодке, Клод сидел в ней, склонившись над потрепанным атласом.

– От чего бы я не отказался, – говорил он, – это от какой-нибудь заваливающей волшебной лозы. Без интуиции, черт бы ее драл, чистая лотерея выходит.

Уэйд поставил сумку с провизией и сел рядом с Пат. Она не повернула к нему головы. Быстро окинула озеро взглядом, потом показала на цепочку островов в миле или двух от берега.

– Туда, – сказала она. – Близкие места сначала.

Клод кивнул. Слегка оттолкнулся от причала, ставя большую лодку поперек волны.

– Держитесь теперь, – сказал он. – Эта мамаша чешет будь здоров.

Минут десять шли полным ходом прямо на восток, к островам. Утро было сырое и туманное, как в начале зимы, и в хмуром свете Уэйд видел, как ветер уносит назад пар от его дыхания, растворяя маленькие серебристые струйки в безбрежном тусклом серебре. Небо было низкое, непроницаемое. Приблизившись к первому острову, Клод сбросил скорость и двинулся на север вдоль берега. Безлюдье поражало – лес, камни и ничего больше. Они обогнули остров и пошли на восток, оставив в стороне несколько совсем уж крохотных островков. Нигде ни малейшего следа пребывания людей в последнее время, да и когда-либо вообще, и через час Уэйда стало одолевать забытье. Говорить и не хотелось, и не о чем было. Откинулся назад, тянул себе под нос какой-то мотив и скользил глазами по водам – не покажется ли что. Обломок лодки, весло, теннисная туфля; а плавают теннисные туфли или тонут? Сердечко осталось или смыто? ДЖОН+КЭТ? А что с человеческим телом? Какой у него удельный вес? Сколько времени газы держат

его на поверхности?

Очень трудно было не отвлекаться. Он делил озеро на квадраты и тщательно обследовал каждый квадрат. Все время тихонько тянул мелодию старого военного марша. Вдруг он понял, что слова крутятся у него в голове все утро. *Я знаю девушку одну...* Мотив никак не отвязывался, нырял и извивался: *Я знаю девушку одну – Джилл, Джилл!..* И он вспомнил, как они шлепали по тропе в муссонный ливень, мокрые и грязные с головы до ног, как война жижей переливалась в легких, как вся рота гоготала, и пела, и маршировала сквозь нескончаемый дождь. И другие песни вспомнил; и других призраков; вспышками выхватывалось то одно, то другое – как Кэти гонялась за ним по квартире с водяным пистолетом – старик с мотыгой – рядовой Уэзерби, начинающий улыбаться, – влажная и липкая кожа Кэти, когда они любили друг друга в июльскую жару, чмокание их животов, шум машин за окном и то, как ее глаза размягчались, теряли фокус и закатывались выше, выше, – и другие еще счастливые минуты – как он был Фрэнком Синатрой – как, все с себя скинув, скакал по комнате, пел *Меня немало жизнь потрепала*, совершенно голый, разгульный, виляя задом, как Кэти визжала, хохотала, кричала ему, чтобы он убрал с глаз долой свою сосиску, потом повалилась спиной на кровать, схватила себя за лодыжки, как маленькая девочка, и принялась кататься и раскачиваться, и все смеялась, все визжала и никак не могла остановиться.

– Где витаешь, сенатор?

Уэйд поднял глаза. Протянув назад руку за банкой газировки, старик бросил на него косой взгляд. Они двигались вдоль острова, неотличимого от других островов.

– Прошу прощения. Отключился слегка.

– Я уж вижу.

Уэйд попытался придумать какое-нибудь подходящее замечание. За ним наблюдали, и это неприятно давило.

– Выглядишь что-то не очень, – сказал Клод. – Сейчас такой был вид, будто с завтраком надумал расстаться. А то давай найдем место, пристанем, передохнешь чуток.

– Исключено, – сказала Пат.

– Но если он...

Пат резко передернула плечами.

– Господи ты боже мой, мы же только начали. Я думала, он хоть попытается что-то сделать.

– Я и пытаюсь, – сказал Уэйд. – Я не...

– Ну дерьмо.

– Пат, прекрати.

– И не подумаю. Дерьмо и еще раз дерьмо. – Ее взгляд метался по поверхности озера. Отчетливо было слышно, как шумит ветер.

– Эй, милая парочка, – сказал Клод, – а повежливей нельзя? Рот на замок, глаза пошире. Хорошее правило, пока мы здесь.

– Но он даже не... Сидит носом клюет.

– Послушай, я...

– Хватит, – сказал Клод. – Достали уже.

Уэйд смотрел на воду. Ему пришло в голову, что сейчас можно заявить о своей невинности. Вознегодовать. Произнести громкую, яростную речь. Объяснить, что он знать ничего не знает, что просто любит жену и хочет ее вернуть, вот и все.

Он свел ладони, стиснул их.

– Пат, послушай. О чем ты думаешь – твое дело. Но что бы это ни было, я сожалею.

– Чудненько.

– Это не признание вины.

– Ну еще бы, – сказала она.

Дважды они замечали другие поисковые лодки, беззвучно двигавшиеся поодаль. Потом, когда подошли к острову Магнуссона, низко над головой развернулся маленький красный гидросамолет; отчетливо были видны борода и соломенная шляпа летчика. Но большей частью вокруг было плоско и пусто. От острова Букет-Айленд поплыли на запад, к мысу Америкэн-Пойнт, потом час с лишним шли на средней скорости вдоль самого берега.

Ближе к полудню немного развиднелось. Все еще было ветрено, и зыбь не утихала, но на западе, у горизонта, озеро блеснуло под солнечными лучами. Пат сняла куртку и подалась вперед. На ней была желтая трикотажная баскетбольная майка, очень обтягивающая, и было видно, что тренинг с поднятием тяжестей не пропал даром. Впечатляющая особа, подумал Уэйд. В самой осанке, в позе есть что-то атакующее. Он сидел прямо, чувствуя у себя на животе мягкую двойную складку.

Нельзя больше пить, решил он. Ни капли.

В полдень они съели сэндвичи, потом поплыли на север большей частью по открытой воде. Уэйд помалкивал. Все время было чувство, что за ним подсматривают; Пат порой как бы невзначай поворачивала голову, фокусируя взгляд на среднем расстоянии. Он старался не обращать внимания. Что поделаешь – главный подозреваемый. И не одна ведь Пат, все так думают. Арт Лаке, Винни Пирсон, газеты, партийные боссы, весь благовоспитанный штат Миннесота. И нечего на них обижаться. Он хотел исполнить невозможный фокус: взять и переродиться, сделать так, чтобы прошлое исчезло, а взамен возникло хорошее и новое. Умней следовало быть. Надо было изъять этот номер. Вообще похерить

все сволочное представление. Жаль, подумал он. И ни одна ведь сука не подумала, чего это ему стоило. Целых двадцать лет. Улыбаться, заниматься любовью, завтракать, болтать о том о сем, отгонять кошмары, пытаться устроить себе маленькую респектабельную жизнь. Никогда не было дурных намерений. Обман – возможно, но цель-то сама была благая.

Никто не понимал. И не хотел никто понимать.

Лжец и шулер.

В чем весь риск. Приходилось жить внутри своих фокусов. Быть Кудесником. Сам не поверишь – провалишься. Вот он и верил двадцать лет.

Теперь-то всё, подумал он.

Еще один мудака, растерявший все карты, какие были в рукаве.

Когда пришвартовались у пристани в Энгл-Инлет, уже начинало темнеть. Берег производил мрачное впечатление. У мостков моталось больше дюжины лодок, борта беспрерывно ходили ходуном в надвигающихся сумерках. Чуть поодаль горел костер, вокруг него кучками стояли люди с темными лицами, курили и пили пиво. Даже на расстоянии Уэйд ясно слышал в их голосах минорные ноты. Изредка вздымался и тут же опадал смех, но и он казался частью всеобщего уныния. Это напомнило ему разговоры после боя. После гибели Вебера, или Райнхарта, или рядового Уэзерби. Та же меланхолия. Те же музыкальные подъемы и паузы.

Клод немного постоял в лодке, оценивая обстановку. В тускнеющем свете его лицо выглядело изможденным.

– Да уж, – пробормотал он. – Особого ликования не наблюдается.

– Я надежды не теряю...

– Конечно, хрен ли терять. Никто не теряет.

Старик подтянул брюки, подал Пат руку и помог ей сойти на берег. Уэйд немного поотстал. Его наполнила странная, пенная легкость. Воздушный животик, говорила в таких случаях Кэти. Возбуждение при выходе на публику. Он чувствовал, как поворачиваются головы, чувствовал позади себя цепенеющий воздух. Он двигался прямо вперед, к костру, стараясь найти верное сочетание мужественной выдержки и супружеского беспокойства. Прозвучало несколько ободряющих возгласов – темные бороды, глубоко посаженные глаза, – и, пока он шел, шепотки, казалось, сливались воедино и подгоняли его, как дуновения ветра.

Впереди, у самого костра, Арт Лакс и Винни Пирсон пожимали руку Пат. Уэйд остановился, не очень хорошо понимая, что ему делать.

Кто-то хлопнул его по плечу. Чья-то рука протянула банку пи-ва.

– Завтра – значит завтра, – говорил ей Лакс, потом на секунду его голос заглушило тарахтенье большой двухмоторной лодки, причалившей к пристани. Лакс повернулся к Уэйду, кивнул ему:

– Пока что-то не везет. Но утром все опять как штык. Никого не отпускаю.

Моторы большой лодки умолкли. Фонарь на ней, мигнув, погас, и в сумерках воцарилось глубокое, плотное молчание.

Лакс шагнул к Уэйду. В отблесках костра глаза шерифа выглядели мягкими и заботливыми.

– Рад, что вы теперь с нами, сэр. Вид вполне бодрый.

Бодрячок наш, – захохотал Винни Пирсон. – Свеженький как огурчик. Три дня всего – и уже как стеклышко.

Шериф махнул на него рукой. Он поглядел на Уэйда так, словно ждал от него шутки.

– Что с него возьмешь, сэр. Мы вот как, пожалуй, поступим: мисс Гуд и я, мы уединимся где-нибудь, поболтаем. А вы, ребята, помозговали бы вместе, как вам перестать цапаться.

– Спасибо, я и так обойдусь, – сказал Уэйд.

– Совет просто.

– Уэйд попробовал улыбнуться, но не смог.

– Черт, – сказал он. – В чем дело, можете мне объяснить?

– Что-что?

– Все тут, похоже, думают... – Он заставил себя отвернуться. – В общем, с меня хватит. Вот так уже нахлебался.

– Бедняжка наш, – сказал Винни Пирсон.

– Особенно от этого типа.

– Верно, и я бы на вашем месте...

– От великого альбиносного сыщика.

Винни расправил плечи. Глаза у него были желтые – ровная, яркая желтизна.

– Я не альбинос, – сказал он. – Швед.

– Рад за вас.

– Факт.

Они стояли вполоборота друг к другу. Клод втиснулся между ними.

– Эй, охолоните-ка оба. Этого еще не хватало.

– Какой еще альбинос, хрена лысого... – хрипел Винни.

– Зародыш, – сказал Уэйд

– Так, я терпел-терпел...

– Наш великий белый альбиносный зародыш.

Пальцы Винни дернулись, но так и не сжались в кулаки. Уэйду пришло на ум, что у них двоих есть некое общее интуитивное

понимание природы человеческого животного. До каких пределов можно идти.

Он чувствовал себя раскрепощенным и опасным – то самое скользящее ощущение,

– Значит, так, я вам вот что скажу – проговорил Винни медленно. – Альбинос там или не альбинос, я невинных людей не расстреливал.

– Еще не все потеряно.

– А идите-ка в...

– И вы туда же.

Винни секунду помедлил, потом повернулся и пошел было прочь, но вдруг остановился, уже не освещаемый костром.

– Сыворотка против лжи, – прорычал он. – Вот что надо заказать, и в большом количестве! – И, хохотнув, отошел.

Уэйд слышал вокруг себя разные голоса. Оглядевшись, он увидел, что Лакс ведет Пат к стоящей поодаль деревянной скамейке. Клод опустил руку Уэйду на плечо.

– Ладно, плюнь ты на это. А про альбиноса ловко загнул.

– Ага. Ловко.

– Пошли присядем.

Они подвинулись ближе к огню. Клод стал знакомить его с людьми; ему кивнуло шесть или семь сумрачных лиц под козырьками кепок, а потом довольно долго Уэйд сидел, слушая разговор, который звучал, казалось, на чужом языке. На языке невероятно отвлеченном – сплошь приливы, направления ветров и течений в протоках. Сосредоточиться было невозможно. Отчасти из-за Винни, отчасти из-за этого скольжения. Раз или два его сносило завихрениями голосов, мотало туда-сюда. Другая вселенная, подумал он. Обыденная логика вывернута наизнанку; все существенное, на чем раньше строилась его повседневная жизнь, превратилось в нечто летучее, зыбкое, бесконечно изменчивое. Что реально? Что нереально? Кэти, к примеру, – никакой уверенности. Трудно представить себе, что вот прямо сейчас, в этот миг, она смотрит на то же самое звездное небо.

Он ничего толком не чувствовал. Глотнул пива и попытался взять себя в руки.

– Эти все ребята, – говорил ему Клод, – они же самые настоящие озерные волки. Профессионалы, каких мало. Они откуда угодно ее тебе вытащат.

Из темноты послышался подтверждающий гомон голосов.

На скамейке Лакс и Пат были погружены в свою беседу. Уэйд смотрел на них какое-то время, соображая: может, подойти к шерифу и попросить достать наручники. Выложить кой-какие секреты. Про чайник и про лодочный сарай. Сказать, что он ни в

чем не уверен. Хоть раз в жизни объяснить все начистоту. Про отца. Про то, что с давних пор он справляется с жизнью исключительно с помощью зеркал, а теперь совершенно растерян, сбит с толку и понятия не имеет, как выпутаться. И это чистая правда. Он не понимает ни хрена. Не понимает, где находится, как сюда попал и куда двигаться дальше.

Клод тронул его руку; ему показалось прошло уже много времени. Они встали и направились в ту сторону, где Арт Лакс разговаривал в темноте с Пат. Винни Пирсон куда-то пропал.

Уэйд застегнул куртку.

– Под арест? – спросил он беззаботно.

Наутро они отправились снова, и так каждый день в течение двух недель. Озеро было огромное и пустое.

Восьмого октября полиция штата Миннесота отозвала свои три поисковых самолета. Четыре дня спустя пограничная служба вернулась к обычному режиму работы, и к семнадцатому октября из тех, кто вел поиск, остались только две-три частные лодки.

Погода большей частью держалась: сухие ясные дни, холодные ночи. Утром девятнадцатого октября был снег, через два дня слегка подморозило, но потом небо очистилось, с юга подул теплый ветер, и вновь ровно и ярко засияло осеннее солнце.

Размеренный ритм не давал Уэйду впадать в апатию.

По утрам Рут Расмуссен наполняла сумку-термос сандвичами и газированными напитками. Клод и Пат склонялись над атласом, делая в нем пометки красным карандашом, потом все трое спускались к лодке и целый день бороздили озеро, оставляя длинный серебристый след. Глушь подавляла своей массой. Тут, понял Уэйд, кто потерялся, тот просто подчинился закону. Вода в одном месте неотличима от воды в другом месте, Ничего в частности, всё вообще. Леса развертываются в новые леса, небеса наплывают друг на друга. Безлюдье множится, накладываясь само на себя. «Везде» равнозначно «нигде». Безупречная слитность, безукоризненное единство, плоские зеркальные воды, в которых видны точные копии других копий, гипнотическая повторность всего и вся, голубизна, бессмысленность, вечная неизменность. Сюда, понял Уэйд, попадают все исчезнувшие вещи. Оброненные монетки. Иголки, потерянные в стогах сена.

Поиски не имели смысла, он это знал, но он обретал странный покой, глядя в бесконечность вод и лесов. Она напоминала зеркальный ящик у него в голове, куда можно было скользнуть, чтобы пропасть на время.

– Нет – и точка, – сказал Клод.

– Так мы большую площадь охватим.

- Нет.
- Но я же не.. У меня карта будет.
- Можешь ей подтереться. Сказал – нет.
- Все-таки я мог бы.
- Мог бы.
- Чего ж тогда?
- Ничего, – вздохнул старик – Просто нет.

За ужином Уэйд заговорил о том же. Тут, дескать, не практические частности важны. Просто он должен это делать, и все.

Старик поднял на него глаза.

- Согласен, – сказал он. – Но ты и так это делаешь.
- Один, в смысле.
- Не тяни из меня жилы.
- Я не тяну.
- Все равно. Нет – значит нет.

Уэйд посмотрел сначала на Рут, которая качала головой, потом на Пат, которая передернула плечами – мол, нелепость очередная.

Если серьезно, что может такого случиться? – сказал он. – Компас будет, карта будет, какие проблемы? Рацию можно взять.

- Предположим, – буркнул Клод. – И что дальше?
- Искать буду.
- Вот-вот. Где жена, там и муж решил кончить.
- Я должен использовать любой шанс.

Пат метнула в него взгляд.

– Какое рыцарство, кто бы мог подумать. Я просто в восторге. И Кэти небось тоже была бы.

Я вовсе не собираюсь...

– Одинокий объездчик.[31]

Клод смотрел на него через стол. Старик вынул верхний зубной протез, прополоскал в чашке с кофе, поставил на место.

– Какие бы ни были твои личные проблемы, ясность нам не помешает. Есть такое слово *нет*, и это значит – и думать не моги. Это значит – забудь.

– Вот это по его части, – сказала Пат. – Доблестный рыцарь-забывальщик.

- Спокойно, – сказал Клод.
- Просто маленькое замечание.
- Я понимаю.
- Он храбрец у нас, куда там, – сказала Пат. – Н-но, галопом.

На следующее утро пошел снег, сменившийся сильным дождем, и в полдень Клод повернул назад, к коттеджу. Весь остальной день переживали непогоду. Во второй половине дня опять заснежило, с резким косым ветром, и из окон коттеджа невоз-

можно стало разглядеть ни причал, ни лодочный сарай, ни озеро за ними. Часа два они вяло играли в скрэбл, сидя перед камином. Около пяти Уэйд вышел наружу с широкой лопатой, стал медленно расчищать тропку от крыльца к дороге. Мысли его были большей частью о магии. Он с усилием отгребал мокрый тяжелый снег, а в уме разбирал механику последнего сногшибательного фокуса. Образчик причинной транспорти. Вполне осуществимо. Как эти две чокнутые змеи в Розовом секторе.

Продумывая детали, Уэйд неожиданно проникся новым, угрюмым сочувствием к отцу. Вот, значит, как оно было. Ходишь, делаешь свои дела. Несешь эту ношу, замуровываешь себя в молчание, прячешь адскую правду от всех остальных и большую часть времени от себя тоже. Никакой театральности. Гребешь снег, околачиваешься в политике или торгуешь в ювелирном магазине; периодически ищешь забвения», предаешь настоящее каждым вдохом из пузыря с прогнившим прошлым. А потом в один прекрасный день обнаруживаешь бельевую веревку. Изумляешься. Подтаскиваешь мусорный бак, влезает и подцепляешь себя к вечности, словно включаешься в электрическую сеть. Ни записок, ни схем – никаких объяснений. В чем искусство и состоит – искусство отца, искусство Кэти: величественный переход в область чистой, всеобъемлющей Тайны. Не надо путать, подумал он, абсолютное зло с несчастливым детством. Узнать – значит разочароваться. Понять – значит быть преданным. Все жалкие «как» и «почему», все низменные мотивы, все абсцессы души, все отвратительные мелкие уродства личности и истории – не более чем реквизит, который ты прячешь до самого конца Пусть публика завывает во тьме, потрясает кулаками, пусть одни кричат – *Как?*, другие – *Почему?*

Когда стемнело, Уэйд положил лопату и спустился к причалу. Снегопад прекратился.

Он ни секунды не раздумывал. Быстро разделся, набрал в легкие воздух и нырнул на дно – туда, где Кэти.

К его удивлению, холода он не почувствовал – а может, был уже к нему нечувствителен. Глаз не открывал. Нащупал основание сваи, забитой в каменистое дно, ухватился за нее и поднырнул под мостки причала, лицом вниз, ощущая всего лишь неуют из-за своих неясных намерений. Это было как репетиция. Прогонка номера. Может, отец в свое время тоже проделывал подобные трюки в затхлой тишине гаража, примеряясь, испытывая балки – какая лучше подойдет для левитации.

Несколько мгновений Уэйд колебался – открыть глаза или нет, просто чтобы знать; но в темноте это не имело значения, все равно ничего не разглядишь.

Всплыл на поверхность и погрузился опять.

Набор возможностей был невелик. Или она там, или ее там нет. И если ее там нет, значит, она где-то еще.

И даже это не имело значения.

От вины так не избавишься. Это штука с двойным дном. Крышка люка, на которой он давал представление все эти годы, любовь, которой не доверял, яд, который копил внутри. Всю жизнь его преследовал ужас разоблачения. Толстый мальчик делал фокусы перед большим зеркалом. «А что, сынок, неплохо», – мог бы сказать отец, но по неизвестным, таинственным причинам так никогда и не сказал. А он ведь хотел, чтобы его любили. И ради этой любви шел на обман. Прятал все дурное. Всю свою жизнь разыграл как фокус. Только ради любви. Только чтобы быть любимым.

Холод сдавил грудную клетку. Он почувствовал озеро на вкус.

У самого дна, не открывая глаз, он скользил, перехватывая отполированные водой сваи под настилом причала. Он чувствовал ее близость. Да, чувствовал. Прикосновение ее тела. Широко раскрытые глаза. Босые ноги, пустое лоно, волосы-водоросли.

Поразительно, думал он, на что способна любовь.

Он выпустил остатки воздуха, рывком всплыл на поверхность, вскарабкался на мостки, быстро оделся и потрусил по снегу к дому.

В начале девятого позвонил Арт Лакс. Он поговорил сначала с Пат, потом с Уэйдом. Пока шериф объяснял ему, что официальный розыск приостанавливается, его фермерский голос прошел через все тональности извинения. Чистая формальность, сказал он. Бумажные дела. Отчетность и тому подобное.

Уэйд переложил трубку в другую руку. Посмотрел на Пат – она плакала.

– Крест, значит, поставили? – спросил он. – Так надо понимать?

– Не совсем.

– С ваших слов...

– Нет, сэр, мы не бросаем это дело. Есть еще где искать, если вы понимаете, о чем я говорю.

– Не понимаю, – сказал Уэйд.

– Что-что?

– Где будете искать?

Лакс помолчал.

– Ну... есть места.

В трубке раздались невнятные звуки – чей-то еще голос, показалось Уэйду. Потом Лакс попросил позвать Клода.

Уэйд передал ему трубку. Сам он бестолково топтался посреди кухни, с трудом удерживая равновесие и соображая, что еще он может сказать или сделать. Жест какой-нибудь. Или заплакать –

правда вот, устал он что-то притворяться. Пошел к холодильнику, вынул поднос с кубиками льда, налил себе водки с тоником. Всхлипы Пат его раздражали. Совершенно не то, думал он. Когда все потеряно, надо хвататься или за молоток, или за стакан. Куда отец, туда и сын.

Поговорив несколько минут, Клод повесил трубку и махнул Уэйду рукой – выйдем, мол. Они перешли в гостиную. Старик выглядел очень усталым.

– Хоть и смешно все это, – сказал он, – но ты, надо думать, догадываешься, что теперь будет.

– Пожалуй.

– Я не могу сказать «нет».

– И не надо.

Клод тяжело опустился на диван, помассировал мешки под глазами,

Ничего не попишешь. Лакс ясно сказал. Так или иначе, они тут все перероят. Взбрело им, вишь ты, в голову, что она может тут где-то быть. Под лодочным сараем, Или еще где.

– Ее тут нет, – сказал Уэйд, – но это не имеет значения.

– Как это, к лешему, не имеет? Слушай, я хочу в конце концов...

Старик закрыл глаза. Глядя на него, Уэйд вдруг подивился мысли, что у него есть на свете настоящий друг. Надо же, подумал он.

Клод моргнул и поднял на него задумчивый взгляд.

– Положеньице, да?

– Что есть, то есть, – сказал Уэйд.

– Ты в проигрыше при любом раскладе. Ничего не найдут – все равно ты злодей. После предвыборных этих дел. Дерьма-то вылилось... – Старик взглянул на питье Уэйда. – Можно мне?

Уэйд протянул ему стакан. Некоторое время они сидели молча, отхлебывая из него по очереди, потом Клод протянул руку и положил ее Уэйду на колено.

– Не люблю ходить вокруг да около. Она – все, что у тебя оставалось, верно?

– Да.

– И ты ни хрена плохого не сделал.

– Что-то, может, и сделал. Но не это.

– Ясно. – Клод убрал руку. – И тебе нечего – ну, понимаешь сам, о чем я, – тебе нечего к этому добавить?

– Абсолютно нечего.

– То-то и оно. Вот и я им без конца талдычу. Человек волком воет, заело у него, уперся и ни в какую не хочет оправдываться. – Старик вздохнул и допил, что оставалось в стакане. – И перед выборами то же самое было, верно? Плакаться еще, расстилаться перед ними. Все равно не поможет.

Вроде того, – сказал Уэйд. – Устаешь политиканствовать.

Клод кивнул.

– Про что я и говорю. Тогда и сейчас – одинаково. Пусть мудаки что хотят, то и думают.

Старик встал, пошел на кухню и вернулся с двумя изрядными порциями выпивки. По дороге он зажег еще одну лампу, но все равно в доме было как в покойнице. Оба молчали. За окном в лесу вели свой разговор две совы.

Наконец Клод со вздохом сказал:

– Ну ладно. Ты, наверно, не горишь желанием видеть тут весь спектакль. Как они все в щепки разнесут. Что ж, машина у тебя на ходу. Езжай себе обратно в город, только рули хорошо. Пока ты еще свободен ехать.

– Не могу я уехать – понимаешь сам. Я лодку хочу, Клод.

– Хоти на здоровье.

– И бензин. Полный бак

– От меня шиш получишь. Сколько раз тебе повторять. Чтобы второй клиент там кончил, этого мне не надо.

– И атлас.

– Ничем не могу помочь.

– Да найду я дорогу.

– Найти-то найдешь, только вот куда. – Клод посмотрел на него усталыми глазами старого ворона. Неважно он себя чувствует, подумал Уэйд. – Увы, сенатор, ничем не могу помочь. Совесть, знаешь. В моем возрасте да еще по ночам не спать. – Он вынул красный носовой платок, вытер лоб. – Понял?

– Да, конечно. Сколько у меня еще времени?

– До послезавтра. Или послепослезавтра. Лакс вызвал ребят из полиции штата, из уголовного розыска. С ищейками.

– Прелесть какая, – сказал Уэйд.

– Это должно было случиться. – Само собой. – Уэйд подмигнул ему. – Сенатор. Как мне это нравится.

К утру сильно потеплело, и снег почти весь стаял. Целый день они провели на озере, северней и северо-восточней острова Магнуссона. Других лодок видно не было. Ни самолетов, ничего вообще. Время от времени низко над горизонтом показывалось солнце, но даже и в эти минуты небо оставалось уныло-серым, в тон их настроению. Напряжение было превыше сил. Никто и не пытался его уменьшить. Пат сидела на корме неподвижно, как скала. Ни на него, ни даже сквозь него она не посмотрела ни разу; когда нужно было, адресовалась к озеру.

Так даже лучше, думал Уэйд. На душе у него помягчело. Часть ноши уже снята. Скоро будет снято все остальное.

Озеро не внушало ему ужаса. Вот что он усвоил: у окружающего мира есть свои маленькие хитрые фокусы. За прошедшие дни поражение на выборах стало, как ни странно, представляться ему чуть ли не удачей. Теперь было легче нечего скрывать. Деревня Тху-ангиен, разумеется, никуда не исчезла и не исчезнет, но ужас изнутри вышел наружу. Мерзкий, прискорбный, позорный. Зла меньше не стало, но, по крайней мере, отпала необходимость таиться. Еще одно плутовство природы. Когда ты разоблачен, перестаешь бояться разоблачения. Люк под тобой распаивается. Тебе остается только падать, грациозно и. глубоко-глубоко.

Скоро и со всем остальным будет порядок. С душевным здоровьем, например. С мужской доблестью. Наконец, с любовью.

Он смотрел на два островка, мимо которых они плыли. Впервые за много лет, а может быть, и за всю жизнь, он был вполне уверен в себе.

В три часа Клод подогнал лодку к пристани в Энгл-Инлет – нужен был бензин. Они вдвоем двинулись к бензоколонке Пирсона; не доходя до нее, Уэйд извинился и перешел на другую сторону улицы.

В «мини-марте» он купил две буханки хлеба, мясо для сэндвичей, большую бутылку водки, подробную туристскую карту, три банки концентрированного топлива и маленький пластмассовый компас, одобренный американской организацией бойскаутов. Пока он расплачивался, толстая девушка за прилавком не отрывала от него взгляда. Майра – забыл, как дальше. Альбиносная порода, всюду надо нос сунуть. Его подмывало высказаться на эту тему, но он просто пожелал ей всего хорошего и вышел с покупками.

В ту ночь, насколько ему потом помнилось, он ощущал себя во сне сидящим внутри хромированного корпуса компьютера. Он влез туда через какое-то отверстие. Он требовал пересчета – кричал: «Арифметика!» – но компьютер ответил лишь легким покашливанием, которое перешло в густое издевательское урчанье. Все провода были безнадежно спутаны. Цепь состояла сплошь из электрических угрей, там же были и цветные рыбешки, и ядовитые жидкости, и еще всякая мерзость без числа. Проснулся он перед рассветом. Надел чистые вельветовые брюки, хлопчатобумажные носки белую фланелевую рубашку и великолепный свитер из козьей шерсти, который Кэти ему подарила на последнее Рождество.

Скатал два одеяла.

Прихватил старую простыню.

Когда он прошел через коридор на кухню, уже начинало светать. Он совершенно не удивился, увидев аккуратно лежащий в

центре пластикового стола ключ от лодочного замка. Рядом был оставлен конверт. Он сунул и то, и другое в карман, надел резиновые сапоги, взял провизию и спустился к причалу. Никаких особенных чувств он не испытывал. Жизнь вырулила не туда, только и всего.

Кэт, ох Кэт, думал он. Невозможно было представить себе ее мертвой. Просто потерялась. Пропала без вести.

В хрупкой полутьме он шагнул через борт лодки и уложил в нее вещи. Чуть оцепенелый, чуть сонный. После всех неправд выявились две небольшие правды – или, по крайней мере, некая определенность, заставлявшая его повторять в своем сердце: «Кэт, моя Кэт». Он отвязал канаты. Завел мотор и почувствовал, как лодка привстала, пошла. Ярдов через сто обернулся и посмотрел на маленький желтый коттедж на берегу озера.

Любовь, думал он. В чем состоит одна из правд. Ее нельзя потерять, даже если пытаешься.

Он вынул свой новенький компас и взял направление на север. Позже, когда он опять обернулся, желтого домика уже не было видно. Но все равно он видел внутренним взором мужчину и женщину, тихо лежащих рядом на веранде в густом ночном тумане, обнимающих друг друга под одеялом, делающих вид, что не так все плохо. Он слышал их голоса, когда они по очереди называли имена детей, которые у них родятся, порой уморительные имена, специально чтоб посмеяться, – и он слышал, как они обсуждали обстановку своего будущего дома, роскошные ковры и старинные медные светильники, выбирали цвет для обоев, входили во все подробности. «Верона», – говорила Кэти, и они разговаривали о Вероне, куда там пойти и что посмотреть, и вот уже вокруг них сплошной туман, а вскоре и в них – поглощены, пропали. Ни следа, ни единой приметы. Только лес и вода. Место, где две единицы всегда дают в сумме нуль.

Предположение

Или, может быть, она покинула его уже давно – летом 1983 года, когда летала в Бостон к Хармону. Все последующие годы она держала поездку в секрете, неся этот груз сквозь жизнь и супружество, и, может быть, в конце концов он стал для нее непосильным. Не только ведь этот роман. Всё вместе. Прогнивший брак. Отложенное счастье, взаимное отчуждение. Все эти годы, даже еще до знакомства с Хармоном, она чувствовала, как растёт пропасть между тем, что она хочет, и тем, что имеет.

Итак, самоубийство?

Неизвестно.

Слишком многое, конечно, на нас давило. Она держалась на валиуме и ресториле. Всюду одни обломки. Муж, выборы, неродившийся ребенок. Так что, может быть, она сделала это сознательно – или полусознательно села в лодку, взяла курс прямо на север и затерялась в Лесном озере навеки. В какой-то момент – скажем, на каменистом берегу, в темноте – она, возможно, стала перебирать в уме все обстоятельства, которые привели к этому концу. Все разочарования. Медленное удушение политикой. Роман с Хармоном, который начался чуть ли не случайно – мимолетная встреча, несколько писем – и через четыре месяца так же и кончился, без всякого решения или выбора с ее стороны, словно она вдруг очутилась на заднем сиденье своей прежней жизни и ей осталось только пристегнуть ремень.

И что тогда изменилось? Все равно никакой возможности решать за себя. Жить по указке внешнего мира, который, казалось, устроил против нее заговор. Невыносимо грустно. Как все сложилось. И как могло сложиться.

Может быть, она уже проглотила таблетки. Или сделала это сейчас, обильно запив их озерной водой, а потом опять села на берегу и позволила мыслям перенестись в прошлое, в бостонский аэропорт. Там ее встретил Хармон. Они поехали вдоль побережья на север, в штат Мэн, где провели в курортном городке Лун-Пойнт четыре дня и три ночи; а утром четвертого дня, после завтрака, она сказала ему, что все прекращается. Ошибка. Она любит своего мужа.

Она вспомнила белое круглое лицо Хармона. Настоящее лицо дантиста – сосредоточенное.

– Так, – сказал он.

И все.

Теперь это вообще стало загадкой. Она не могла вспомнить, какого цвета у него глаза, с какой стати она вдруг обратила на него внимание и что заставило ее с ним порвать. Весь роман выглядел каким-то нелепым, диким. Она вспомнила, как в один из вечеров в Лун-Пойнте они пошли на танцы, каким все казалось захватывающе рискованным, как музыка, звездное небо и риск усиливали ее тягу к нему, как от наслаждения кружилась голова, – и все же, странным образом, не к Хармону она льнула тогда, а к мечте о счастье, об искушении, об иных возможностях и плыла в медленном томном вальсе не с ним, а с прекрасным неведомым будущим.

Посидев несколько минут, поглядев на туманные воды, она, может быть, дала волю слезам. Или, может быть, таблетки начали действовать, и ее уже утягивало вниз, в желанную спокойную тьму.

Обратный перелет в Миннеаполис помнился смутно. Почти пустой самолет. Пара коктейлей. Уже ближе к вечеру она вошла с чемоданом в свою квартиру, опустила его на пол и постояла, вслушиваясь в тишину. Она вспомнила, как налила себе рюмку вина. Вспомнила, как наполнила ванну, села в нее, долго не вылезала. В шесть отправилась на кухню приготовить ужин. Через полчаса, когда пришел Джон, она постаралась не встречаться с ним глазами – взялась регулировать температуру электросковородки, потом стала класть на нее лопаточкой куски свинины. Джон подошел к ней сзади. «Путешественница моя», – сказал он и поцеловал ее в шею, на миг слегка сдавив пальцами мягкую плоть у нее на талии. Эта его привычка вообще-то была ей неприятна – сразу начинало чудиться, что она толстеет, – но тогда, вспомнилось ей, она ощутила мгновенное облегчение и благодарность. По одному прикосновению его пальцев она поняла, что он ни о чем не подозревает.

Они поужинали перед телевизором. Когда шла реклама, он голосом, в котором ясно читалась незаинтересованная, формальная вежливость, задал несколько вопросов про поездку. Как погода, как в самолете кормили, как она нашла школьную подругу, у которой гостила. Отвечала она кратко. Подруга – жуткая зануда, погода была жаркая, кормежка отвратительная. Джон кивал в экран телевизора. Слишком уж легко все сходило. Под конец она извинилась: глупо, дескать, вышло.

– Что глупо вышло? – спросил он.

– Ну, с обратным рейсом.

– А в чем дело?

Она подняла на него глаза.

– Я завтра должна была прилететь. Я объяснила почему... Ты не получил сообщение?

– Увы, – сказал он и улыбнулся ей. – Не удосужился проверить автоответчик

Она вспомнила, как уставилась в свою тарелку. От свинины во рту был мясной прогорклый привкус. Ее вдруг охватила бессмысленная, безотчетная злость. Надо было, подумала она, наговорить ему побольше про танцевальную площадку в Лун-Пойнте. Про уютный номер в отеле. Какого цвета там обои и покрывало на постели. Все подробности рассказать.

Она вспомнила, как унесла свою тарелку на кухню, вымыла ее, потом вышла в крохотный задний дворик и просто стояла там в свинцово-серых сумерках.

Он никогда не узнает. Секрет в безопасности.

И все же в вечернем воздухе пустой магнитофонной лентой шелестел цепенящий вопрос «А это и вправду так важно?» – и переходил, углубляясь, в рокот неясного, бесконечно приблизительного ответа: «Как знать?»

Она вспомнила, как распахнула халат, подставив тело влажному воздуху. Сердце наполнилось огромным, отчаянным желанием, чистым желанием, не направленным ни на что. Позже к ней вышел Джон.

– Привет, прелестница, – сказал он и встал рядом с ней в густеющей мгле. – Значит, здорово съездила? Развлеклась?

Она вспомнила, как, туго запахнувшись, повернула к нему непроницаемое лицо без следа раскаяния:

– Все было отлично.

Но в конце концов она, может быть, возложила вину на себя. Не столько за этот роман, сколько за угасание энергии, за то, что мало-помалу поддалась губительной многолетней усталости. Она перестала пытаться. Перестала стрелять из водяных пистолетов, утратила все мечты, и интрижка с Хармоном была только символом всех разочарований. Может быть, сказалось действие скрытых сил, от которых у нее не было защиты. Может быть, память; может быть, таблетки. Может быть, затерянная на Лесном озере, где всё – сплошное повторение и эхо, она прошептала: «Почему?» – а потом закрыла глаза и канула в глубину нескончаемого ответа: «Как знать? Кто может знать?»

Материалы

Это как про трех обезьян. Мол, ничего не слышал, ничего не чуял, ничего не видел. Будьте уверены – этот гад кой-чего *сделал*

Винсент Р. (Винни) Пирсон

Это просто смешно. Мистер Уэйд любил свою жену, это всем было видно. Как мы с Клодом, так и они.

Рут Расмуссен

Я только одно могу сказать: они пришли в «мини-март» ужасно несчастные. Сидели несчастные. Ушли несчастные. Больше я ничего не знаю.

Майра Шоу, продавщица

Я не занимаюсь гаданьем на кофейной гуще.

Артур Дж. Лаке, шериф округа Лесного озера

Я молил Бога, чтобы эта история оказалась выдумкой.

Полковник Уильям ВУилсон, военный следователь армии США

Приобщено к делу под № 10: фотографии (12 шт.) жертв в деревне Тхуангиен

Дата съемки: 16 марта 1968 г.

Автор снимков: Рональд Эберле

...настроение у людей – ну, у большинства, скажем так, – было мстительное.

Грегори Т.Олсон (третья рота, первый взвод)

Разговоры шли о том, чтобы убивать все, что движется. Все знали, что мы собираемся делать.

Роберт У.Пендлтон (третья рота, третий взвод)

Порок никогда не видит своего собственного безобразия – увидев, он ужаснулся бы своему облику. Речи шекспировского Яго, который поступает согласно велениям своей природы, звучат фальшиво, потому что условности нашей драматургии заставляют его срывать с себя маску, раскрывать самому себе тайны своего сложного и бесчестного сердца. В действительности же люди крайне редко попирают свою совесть с таким равнодушием.

Жорж Санд. «Индиана»

...мы все психовали, потому что хотели отомстить за павших товарищей, которые погибли в Розовом секторе до этой операции.
АлленДжВойс (третья рота, первый взвод)

После этих дел мы прямо дышали мухами. Они забивались человеку в нос.

Ричард Тинбилл

Мы должны покарать индейцев сиу по всей строгости, вплоть до их полного уничтожения, – мужчин, женщин и детей.

Генерал Уильям Текумсе Шерман

Уничтожить все это краснокожее братство.

«Небраска сити пресс»

Джон! Джон! О, Джон!

Джордж Армстронг Кастер

В тот день в деревне Милай я лично убил около двадцати пяти человек. Лично. Мужчин, женщин. Кого расстрелял, кому горло перерезал, кого скальпировал... отрубал кисти рук, вырезал языки. Да, это все я сделал.

Варнадо Сим неон (третья рота, второй взвод)

Пленных не брали, и все, кто мог быть убит, были убиты. На дороге, по которой бежали индейцы, вышел ребенок примерно трех лет, совершенно голый. Один солдат увидел его, выстрелил с расстояния около семидесяти пяти ярдов и промахнулся. Тогда другой спешил и сказал: «Дай-ка я гаденьша пристрелю». Он тоже не попал, тогда с замечанием такого же рода спешил третий, и после его выстрела ребенок упал... Индейцы потеряли триста человек, исключительно убитыми, из них примерно половину составляли воины, остальные были женщины и дети.

ДжП.Данн-младший. «Бойня в горах»

Кэти старалась, я вам скажу. Даже перестаралась. Лично мне давно уже стало ясно, что тут безнадежный случай.

Патриция С.Туд

Она же хотела путешествовать. Повидать мир. Помнится, все время говорила о Вероне, хотя вряд ли много про нее знала помимо того, что там жили Ромео и Джульетта.

Бетани Ки, помощница секретаря приемной комиссии, университет штата Миннесота

Ты включаешься, стараешься помочь, пренебрегаешь своими собственными нуждами. И вот прошло уже двенадцать лет, и ты разучилась вообще чему-либо радоваться. Ты измучена, вымотана, издергана, удручена до предела и к тому же чувствуешь себя

виноватой, потому что бессильна это исправить. Ты переусердствовала, пытаясь скрыть от окружающих проблемы партнера; такое поведение, увы, считается в нашем обществе нормальным.

Пейшенс Мейсон, «Выздоровление от войны»

Столько лет прошло, а все равно это во мне сидит, никуда не делось. Джон, похоже, мучился тем же самым и по-своему хотел защититься. Стереть все, понимаете? В прямом смысле.

Ричард Тинбилл

Они сражались не как регулярная армия, а как дикари, прячась за деревьями и каменными стенами, стреляя из лесных зарослей и окон домов... [Колонисты] уподоблялись индейцам, скальпируя трупы и отрезая им уши и носы.

Неизвестный британский пехотинец, 1775 г. (после битв при Лексингтоне и Конкорде)

Когда наша рота начала нести потери, это было большей частью из-за мин-ловушек и снайперов... Никому нельзя было доверять.. В конце концов все, кто еще оставался в этих местах, стали для нас врагами.

Фред Уидмер (третья рота)

...это была как бы возможность отомстить за всех, кого мы потеряли.

Томми Л. Мосс (третья рота)

[Наши британские войска] были в такой ярости из-за потерь от невидимого неприятеля, что они врываются во многие дома... и убивали всех, кого там находили.

Лейтенант Фредерик Маккензи, 1775 г. (после битв при Лексингтоне и Конкорде)

– Вы убивали мужчин, женщин и детей

– Да.

– Вы действовали по приказу?

– Да.

– Почему вы выполнили этот приказ?

– Мне приказали, я сделал. И я был тогда в душевном расстройстве» Мы должны были в этой деревне поквитаться за всех ребят, которых мы потеряли. Они все там были вьетконговцы или их пособники, я и сейчас так думаю.

Пол Мидлоу, показания на военном трибунале

На обратном пути мы обнаружили, что все дома вдоль дороги полны людей и заборы, как прежде, тянутся сплошной линией. Каждый дом, откуда по нам открывали огонь, был немедленно взят штурмом. И КАЖДАЯ ЖИВАЯ ДУША В НЕМ ПРЕДАНА СМЕРТИ.

Жуткое злодейство! О англичане, до каких низостей кровавого варварства вы пали!

Неизвестный британский офицер, 1775 г. (после битв при Лексингтоне и Конкорде)

– Вы можете вспомнить фамилию этого Кудесника?

– С ходу не могу.

– И он смеялся, вы говорите?

– Это было потом. Он был в расстройстве.

Ричард Тинбилл, показания на военном трибунале

Я приказал солдатам преследовать и уничтожать апачей всеми возможными средствами, охотиться на них, как на диких зверей. Они выполняли этот приказ со всей непреклонностью и мужеством. Со времени моего последнего рапорта убито более двух сотен индейцев.

Генерал Эдвард О.Орд

Кэти не была ангелом. Этот дантист... Я не могу вам назвать его фамилию. Так или иначе, я не думаю, что ангелы вообще бывают на свете. Похоже, это его сильно ранило – Джона, в смысле.

Патриция С.Гуд

[Британские войска] совершили все мерзкие злодеяния, на какие могла их подвигнуть кровожадная месть.

Неизвестный очевидец, 1775 г. (после битв у Лексингтона и Конкорде)

Моя совесть мало-помалу становится замарана... Бели бы я только мог вырваться из этой войны и встать на чистую землю, которая сотрет с меня эти пятна!

Дж.Гленн Грей. «Воины»

БЕЗДОМНЫЙ ВЕТЕРАН,
УЧАСТНИК СОБЫТИЙ В ДЕРЕВНЕ МИЛАЙ,
УБИТ В ПЬЯНОЙ ДРАКЕ

Питтсбург. Ветеран Вьетнама, который участвовал в убийствах в деревне Милан, а позже стал бездомным алкоголиком и жил под мостом, был застрелен после ссоры за бутылкой водки. Полиция предъявила обвинение собутыльнице Роберта У. Цуваса в том, что, повздорив с ним, она выстрелила ему в голову. По словам родственников 39-летнего Цуваса, он почти двадцать лет катился по наклонной плоскости – с тех самых пор как предстал перед судом по обвинению в убийстве двоих вьетнамских детей во время бойни 1968 года. «Он постоянно мучился из-за этих вьетнамских дел, хотя много об этом не распространялся», – сказал его отец Уильям Цувас... Военный прокурор обвинил Цуваса в преду-

мышленном расстреле из ручного пулемета двоих вьетнамских детей, личности которых не установлены; Цувас, однако, утверждал, что дети истекали кровью, были изувечены и умирали, что он убил их, желая положить конец их мучениям. Таинственным человеком, приговоренным по делу об убийствах в Милай, был [лейтенант Уильям] Колли.

«Востон геральд», 24 сентября 1988 г.

Странное бывает чувство. Оглядываешься назад и недоумеваешь, как ты мог такое совершить. Думаешь о том, что случилось двадцать лет назад, о том, что выяснилось, о том, что ты сам сделал, и спрашиваешь себя: «Почему? Почему я так поступил? Это был не я. Что-то со мной тогда произошло».

Фред Уидмер (третья рота)

Приобщено к делу под № 8: сундук с фокусами Джона Уэйда. Из описи содержимого

Симпатические чернила

Монеты на проволочках

Подставка-«сервант»

«Летающая стеклянная ваза»

«Дар волхвов» (книга)

Отчет комиссии Пирса (книга)

После смерти отца он массу времени проводил у меня в магазине... Я даже думаю, он слегка был ко мне равнодушен. Прозвище для меня придумал – Морковная дама, – вроде как я что-то для него значила.

Сандра Карра («Магическая студия» Карра)

Под конец Джона никакая магия не могла выручить. Пресса как накинется – всё, считай, крышка. Он это понимал. Одни пакостные эти заголовочки святого вышибут из политики в два счета. Миннесота – не такое место, где скажешь, мол, сожалею, ребята, – и тебя простили. Тут лютеране сплошные.

Энтони Л. (Тони) Карбо

Все Джон да Джон! Спятить можно. Да проснитесь же наконец. Я замучилась повторять: у Кэти были свои беды, своя история, своя собственная жизнь, черт возьми!

Патриция С.Гуд

Очень многие [жены политиков] чувствуют себя здесь [в Вашингтоне] несчастными. Лишенные своей собственной жизни, они спрашивают себя: «Кто я такая? Просто чья-то жена? Или все-таки нечто большее?»

Арвонн Фрейзер, жена бывшего конгрессмена Дона Фрейзера

Пат [Никсон] вводила в заблуждение тех, кто не знал ее близко, тщательно скрывая, что почти все тут ей ненавистно... Политика была для Пат проклятием... она сделала это кристально ясным для всех, с кем была дружна и кому доверяла.

Лестер Дэвид. «Одинокая дама из Сан-Клементе»

[После своей отставки] Никсон впал в глубокую депрессию. Он часами сидел в своем кабинете, не мог или не хотел двигаться, почти ничего не ел. Он страдал жестокой бессонницей... Можно предположить, что если бы не постоянное внимание и забота Пат Никсон в тяжкое время его жизни, начиная с августа и кончая периодом после Дня благодарения, Ричард Никсон мог перейти грань, отделявшую его от полного душевного расстройства. Он был от нее близко. Он сам признаёт, что опускался «в глубины».

Лестер Дэвид. «Одинокая дама из Сан-Клементе»

Взять, скажем, Ватерлоо. Как Наполеон тогда себя чувствовал. Жизнь кончена, ты мертвец.

Энтони Л. (Тони) Карбо

Психотерапевты часто имеют дело со стыдом, который люди подавляют в себе, загоняют внутрь, *не чувствуют* ... Но в потенции стыд все равно существует, и нередко такой сильный, что человек ведет себя как если бы у него была изуродована одна из частей тела и ему приходилось скрывать это уродство от себя и других

Роберт Кейрен. «Стыд»

Поставим вопрос ребром: возможно ли, что Никсон лгал относительно степени своего участия в сокрытии обстоятельств уотергейтского дела не только стране но и жене, и другим членам семьи?

Лестер Дэвид. «Одинокая дама из Сан-Клементе»

Кудесник еще какой-то. Все себе имен напридумывали, охреть можно. Сам-то он хоть знал, кто он такой на самом деле?

Винсент Р. (Винни) Пирсон

Джону каких только прозвищ не давали. Отец, помню, называл его то малолетним Мерлином, то юным Гудини, а то еще Джонни-студнем – было и такое Может, Джон к этому привык. Может, он чувствовал... может, ему легче было под именем Кудесника. Хочется так думать.

Элеонора КУэйд

Взяв другое имя... не до конца сформировавшаяся личность надеется вступить в более динамичные, хоть и необязательно более глубокие отношения как с внешним миром, так и со своей

«подлинной душой», с обнаженным «я».

Джастин Каппан, «Обнаженное „я“ и другие проблемы»

В его [Б. Травена[32]] желании, умирая, исчезнуть без следа, вернуться к простейшим элементам, из которых он возник, отразилось пронизавшее всю его жизнь стремление к анонимности, к растворению в толпе без всякого имени или под вымышленным именем – так, чтобы навсегда утратить свое подлинное лицо. Жизнь под псевдонимом есть жизнь мертвеца, жизнь несуществующего человека.

Карл Стутке. «Б.Травен: легенды и жизнь»

Бросьте вы это дело. Тут безнадежно. Никто никогда не узнает.

Патриция С.Гуд

Я уже все, что могла, сказала. Не пора ли с этим кончить? Я старая женщина. А вы все спрашиваете, спрашиваете почему-то.-
[33]

Элеонора К.Уэйд

О природе тьмы

Они все были очень молодые. Колли было двадцать четыре, Цувасу девятнадцать, Тинбиллу восемнадцать, Кудеснику двадцать три, Конти двадцать один – все молодые, напуганные, постоянно плутающие. Война была лабиринтом. Первые месяцы после Тхуангиен они шатались взад-вперед без всякого смысла и толка, обшаривали деревни, устраивали засады, несли потери – в общем, делали, что от них требовалось, потому что ничего другого сделать было нельзя. Дни были тяжкими, ночи – невыносимыми. На закате, выкопав свои ямы, они сидели кучками, смотрели в рисовые поля и ждали, когда совсем стемнеет. Тьма была их проклятием. Она была их будущим. Они старались про нее не говорить, но иной раз кто-то не выдерживал. Тинбилл говорил про мух. Цувас – про запах. Их слова вдруг как будто относилось куда-то вдаль, а потом они возвращались из колеблемых ветром полей. Отчасти это было просто эхо. Но внутри эха им чудился звук словно бы и вовсе не от их голосов – то ли плач, то ли надгробное пение, что-то мелодичное и скорбное. Они замолкали, вслушиваясь, но звук тут же исчезал, смешивался с ночью. Вокруг раздавались шорохи – одно они видели, другого не видели, – и все это было в природе тьмы.

Третья рота больше не возвращалась в Тхуангиен. Начались разговоры о расследовании, нервные шуточки и нервный смех, но в конце концов обошлось. Война продолжалась. Новые деревни, новые патрули, террор от случая к случаю. Поздно ночью иной раз Кудесника опять засасывало зло, и он барахтался на дне рва в пузырящейся трясине, но чем дальше, тем больше случившееся становилось похоже на сон – оно полупомнилось, в него полуверилось. Он хотел затеряться в заварухе войны. Шел на смертельный риск, совершал невероятные поступки. Дважды был ранен, один раз серьезно, и боль странным образом мирила его тело с душой.

В конце ноября 1968 года он подал рапорт с просьбой оставить его еще на год.

«Тут чисто личные причины, – писал он Кэти. – Может быть, когда-нибудь я сумею тебе объяснить это решение. Сейчас я не могу отсюда уехать».

Порой в ночной засаде, притаившись на рисовом поле близ спящей деревни, Кудесник смотрел на луну и слушал многие голоса, доносившиеся из тьмы, – голоса духов и призраков, голос отца и всех прочих поздних гостей. Говорили деревья. И камни говорили, и заросли бамбука. Он слышал, как люди умоляют сохранить им жизнь. Он многое слышал – одно дышало, другое не дышало. Все это происходило исключительно у него в голове – некая полночная телепатия; порой, подняв глаза, он видел процессию мертвецов, тянувшихся сквозь тьму с зажженными свечами, – видел женщин и детей, рядового Уэзерби, старика с костлявыми ногами и маленькой деревянной мотыгой.

– Прочь отсюда, – бормотал он, и иной раз они его слушались.

А иной раз нет, и тогда ему приходилось давать по рации сигнал артиллеристам. Джунгли вспыхивали ярким пламенем. Реки горели огнем.

За два месяца до демобилизации Кудесник перешел в батальонный штаб. Работенка не бей лежащего: сплошь бумажки, никакого напряжения, над головой жестяная крыша. Война, по сути, кончилась. Фокус теперь был – обеспечить себе нормальное будущее.

Он несколько недель об этом думал, взвешивал все возможности. Однажды поздно вечером заперся в штабе, взял список личного состава батальона и, чуть поколебавшись, вставил его в пишущую машинку. Через десять минут он улыбнулся. Стопроцентной гарантии, конечно, не будет, но попробовать можно. Он порылся в архиве и вытащил толстую папку с утренними рапортами третьей роты. За два часа, работая ножницами и пишущей машинкой, сделал все необходимые изменения: убрал отовсюду свою фамилию и тщательно исправил цифры. В каком-то смысле даже вина стала меньше чувствоваться. Появилась приятная легкость. На более высоких уровнях, рассуждал он, тоже подправляются кой-какие документы и аккуратно вымарываются кой-какие факты. Около полуночи он приступил к более тонкой работе – стал переводить себя в первую роту. Начал с первого же дня своего пребывания во Вьетнаме; решая арифметическую задачу в обратном порядке, он внес свою фамилию во все ротные списки, зафиксировал все повышения, сделал все записи о вручении медалей, проставил всюду нужные даты. Ясно, что иллюзия не будет полной. Она никогда полной не бывает. И все же, считал он, классно получается. Все гладко, все логично. В третьей роте его знали только как Кудесника. Настоящую фамилию слышали очень немногие, да и те, скорее всего, уже забыли. И чем дальше, тем надежней память о нем будет изглаживаться.

Он закончил работу перед рассветом шестого ноября 1969 года. И через неделю вылетел в Штаты.

В Сиэтле он стал звонить Кэти из аэропорта, но на втором гудке вдруг ухмыльнулся и повесил трубку. Перелет в Миннеаполис был потерянным временем. Из-за часовых поясов, наверно, но и не только из-за них. Он не знал, чего от себя ждать. В небе над Северной Дакотой прошел в уборную, снял там форму, надел свитер и слаксы и долгим оценивающим взглядом посмотрел на себя в зеркало. Постояв, подмигнул себе «Здорово, Кудесник, – сказал он. – Как колдуется-то?»

Предположение

Может быть, дважды в ту ночь Джон Уэйд просыпался весь в поту. В первый раз, около полуночи, он, может быть, повернулся на другой бок и приткнулся к Кэти в каком-то полубреду, в легкой лихорадке, и ночной шепот озера и леса бежал сквозь его мозг, как электричество.

Позже он откинул одеяло и прошептал:

– Христа прикончить.

Он тихо спустил ноги на пол и, качнувшись, встал. Прошел по коридору на кухню, наполнил водой старый железный чайник, зажег газ и поставил чайник на плиту. Может быть, стоял потом в ожидании, совершенно голый, глядел в потолок и чувствовал всю тяжесть поражения, весь ужас, весь позор, крушение всех надежд. Это были не просто проигранные выборы. Это было бесчестье. Тайное стало явным, и он, беспомощно кружась, летел сквозь пустоту. В мире не было места для жалости. Голая арифметика – чистая мощная волна. Сент-Пол проигран в самом начале. Дулут проигран один к четырем. И профсоюзы, и немцы-католики, и вся безликая мелкая сошка. Очевидный победитель, потом раз – и раздавлен. Так все стремительно.

Чайник бодро засвистел, но он не мог заставить себя шевельнуться.

Политика из-за угла. Он вновь видел все как было в точности. Фотографии на первой странице: трупы вповалку в немыслимых позах. Фамилии и даты. Показания очевидцев. Он вновь видел, как Кэти поворачивает к нему лицо в то утро, когда это вышло наружу. Теперь она узнала. И всегда будет знать, тут не только ужас Тхуангиен – тут и ужас сокрытия самого по себе, ужас молчания и предательства. Лицо ее было безучастно. Ни шока, ни изумления – пустое, темнеющее лицо, в котором двадцатилетняя любовь смывалась уверенностью в том, что ни в чем нельзя быть уверенной.

– Христа прикончить, – сказал он.

Он чувствовал, как в крови гудит электричество.

Может быть, потом, когда вода уже кипела вовсю, он рывком поднялся и подошел к плите

Может быть, прихватил железный чайник полотенцем.

По его лицу бродила глупая, бессмысленная улыбка. Этого он не запомнит. Запомнит только горячий пар и электричество в

стиснутых кулаках и напряженных мышцах рук Он вошел с чайником в гостиную, включил свет и принялся лить кипяток на большую цветущую герань у камина. «Христа, Христа», – повторял он. От цветка пошел запах тропической гнили.

– Теперь порядок. – Он удовлетворенно кивнул. Потом хмыкнул: – Ну дела.

Прошел в дальний конец гостиной и обварил маленький юный цветок клеоме. Это не ярость была. Необходимость. Он вылил оставшийся кипяток на карликовый кактус, филодендрон, каладиум и другие растения. Потом вернулся на кухню. Наполнил еще раз чайник, дождался, пока закипела вода, улыбнулся, расправил плечи и пошел по коридору в их спальню. Лицо покалывало от пара; чайник негромко шипел в темноте. Джон Уэйд почувствовал, что плывет. Прошло время, о котором он ничего не запомнил; позже он очнулся склоненным над постелью. Он покачивался на пятках и смотрел на спящую Кэти. Поразительно, подумал он. Потому что он любил ее. Потому что он не мог помешать чайнику клониться вперед. Ее голова пошевелилась на подушке. Кэти посмотрела на него, озадаченная, в каком-то подобии улыбки, словно пыталась сформулировать некий новый важный вопрос. Клубы пара поднялись от ее глазниц. Вены на шее взбухли. Она рывком повернулась на бок. В темноте послышались звуки – вопли, хрипы, может быть, его имя, – но потом пар повалил из самого ее горла. Она скрючивалась, распрямлялась, скрючивалась опять. Невозможно, подумал Джон. В комнате стало влажно, душно, она наполнилась разваренным мясным запахом, и пальцы Кэти затеяли странную игру с изголовьем кровати, то отбивая костяшками чечетку, то судорожно сжимаясь, то опять отбивая чечетку, словно она что-то передавала по телеграфу. На щеках пузырьками вскипал жир. Он вспомнит, как думал, насколько все невероятно. Вспомнит этот жар, вспомнит электричество в запястьях. «Почему?» – подумалось ему, но ответа не было. Была только ярость. Одеяло промокло насквозь. Ее зубы стучали. Она вывернулась, сползла, отталкиваясь локтями, к изножью кровати. По шее и плечам расплылось багровое пятно, Лицо собралось складками. Он все думал: «Почему?» – но не знал почему и никогда не будет знать. Может быть, виной солнце. Или отсутствие солнца. Или электричество. Или акт исчезновения. Или пара змей, заглатывающих друг друга на тропе в Розовом секторе. Или отец. Или тайна. Или поражение и позор. Или безумие. Или зло. Он слышал голоса из тьмы – женские, детские, звуки смертоубийства, – но этих голосов он помнить не будет. Темноту будет помнить. Кожа у нее на лбу лопнула, стала сходиться длинными рваными лоскутами, губы стали лиловыми. Она дернулась, потом мелко затря-

слась, потом свернулась калачиком, обхватила себя руками и затихла. Она выглядела холодной. Только пальцы еле заметно подрагивали.

Может быть, он поцеловал ее. Может быть, завернул в простыню. Может быть, прошел какой-то нулевой отрезок времени, прежде чем он отнес ее вниз к причалу, плывя и скользя, исполненный любви; положил ее на доски причала, потом двинулся к лодочному сараю, открыл двустворчатую дверь.

– Кэт, моя Кэт, – прошептал он. Вытащил лодку на мелкую воду и оставил там, а сам пошел за мотором. Туман рассеялся. Стали видны луна и множество звезд, Несколько секунд он прислушивался к разным звукам из тьмы; к ночному плеску воды и шелесту леса, к собственному дыханию, когда он устанавливал мотор и снова ходил в сарай за веслами, канистрой с бензином и спасательным жилетом. Опять он был Кудесником. Его окружали зеркала. Веслами подгреб к причалу, привязал лодку, чувствуя под собой колыханье волн, потом поднял ее и подумал: Кэт, моя Кэт, положил ее в лодку, вернулся в дом за ее кроссовками, джинсами и белым хлопчатобумажным свитером. Может быть, прошептал волшебные слова. Может быть, почувствовал что-то помимо плывущего скольжения. Жалость, скажем, или горе. Но тогда не было ничего определенного, никаких фактов, и он, как лунатик, двинулся к лодке, сел в нее, завел мотор и поплыл по большому безмолвному озеру. Далеко отходить не стал. Может быть, всего ярдов двести. В темноте, в покачивающейся лодке, он заставил кроссовки исчезнуть в глубокой воде. За ними последовали джинсы и свитер. Ее он утяжелил гладкими серыми камнями, которые взял на берегу. Должно быть, сказал: «Кэт, Кэт», и другие, может быть, слова говорил, а потом отправил ее на дно. Чуть позже сам спустился в озеро. Опрокинул лодку и крепко ее держал, не давая уплыть, пока она не наполнилась и не погрузилась в воду.

Может быть, он нырнул, провожая Кэт. Может быть, не стал нырять глубоко. В какой-то момент он почувствовал, как вода ринулась ему в уши. В другой момент он сидел один на краю причала, холодный и голый, и смотрел на звезды.

А потом он проснулся в своей постели. На занавесках играл мягкий розоватый свет. Несколько секунд он вглядывался в эффекты зари, в бледную рябь и пятна. Протянул руку, желая дотронуться до Кэти, но ее не было на месте, и он, обхватив подушку, снова канул в глубины.

Как он ушел

Отдалившись от берега по открытой воде мили на три, Уэйд взял точно на север. Занимался жиденький холодный рассвет.

К семи утра, двигаясь со скоростью пятнадцать узлов, он оставил далеко позади Букет-Айленд и видел перед собой только дикую глушь. Раз поймал себя на том, что всматривается в озеро, сбрасывает газ, проходя мимо хмурых каменистых островков, поросших сосной. Безнадежно, решил он. Кэти уже не найти. Конченное дело, т говорить больше не о чем – остается искать утешения в узком пограничье между биологией и духом.

Еще через пару часов он пересек канадскую границу и продолжал плыть на север сквозь скопление покрытых густым лесом островов. Лодка «крис-крафт» шла великолепно – быстрое, изящное, дорогое судно со штурвальным управлением. При умеренных скоростях, прикинул Уэйд, полные баки дают ему запас хода в двести миль. На запасных канистрах можно в крайнем случае вытянуть еще пятьдесят. И этого достаточно. Хотя время крайних случаев прошло. Настало время срединных сущностей. Он откинулся назад, спокойный и размягченный, позволяя мыслям тянуться вместе с лентой берегового леса, течь вместе с водой, плескаться вместе с волнами. Не так уж и плохо, оказывается. Почти все время светило солнце, день был не сказать что совсем уж теплый, но приятный; на западе клубились маленькие облачка, оживляя чистое осеннее небо. Дважды он замечал на берегу брошенные рыбацкие хижины, но спустя еще час лес уплотнился, превратился в косматые непролазные заросли. Он плыл на север, иногда сверяясь с новым пластмассовым компасом.

Все было очень просто.

Это ведь был его конек – теряться, терять. Дело жизни.

Ближе к полудню он вошел в сеть проливов и рукавов, что прорезали глушь, причудливо изгибаясь. Он повернул на северо-восток, где лес казался более дремучим и манящим; проливы раздваивались, ветвились, множились. В какой-то момент он вдруг услышал свой собственный голос. Ничего вразумительного, по правде сказать. Мотивчик привязался:

Путей несчитано – немерено,
А что потеряно – потеряно...

Он велел себе заткнуться. Это терять еще рано, подумал он, успеешь еще – но вскоре снова пел под стук мотора: *Не знаю я, ты явь или мечта-а-а...* Потом на ум приходили другие песни, и он оглашал ими разгоревшийся день; довольно долго ему казалось, что он скользит по стеклянному морю, окруженный бесчисленными отражениями. Порой он ловил себя на том, что обращается к Кэти, словно она в соседней комнате, в потаенной камерке за зеркалами. Он рассказал ей все, что мог рассказать Тхуангиен. Про пастельный солнечный свет. Про пулеметный ветер, который словно подхватил его и принялся носить с места на место. «Ох, Кэт, – сказал он тихо, – милая потерянная Кэтлин». Объяснить, подумал он, тут можно только одно: что все совершенно необъяснимо. Скрытность в целом, подлость в частностях. Хотя вообще-то он не считал себя таким уж подлецом. Сколько помнил, всегда стремился к усовершенствованию – себя, мира, – но вдруг подхватил страшную заразу, от которой не вылечиться, не очиститься. Он даже не знал, как она называется. Может, обыкновенная дурь. Может, утрата нравственной цельности. Может, потеря души. Даже теперь, окидывая взглядом необъятное стекло озера, Уэйд чувствовал отчуждение от вещественности мира, от его вечно новой данности: под конец он остался лишь с образом иллюзии, как таковой, с чистым отражением, с головой, полной зеркал. Он засмеялся и пропет вслух: *Поверь в меня, пожалуйста, пове-е-ерь*, потом умолк, чтобы еще раз рассмотреть лес и воду. Все очень естественно. Белые барашки, растительная жизнь. Вот край, в чем-то сходный с его собственным маленьким душехранилищем, – та же спутанность, тот же всеобщий беспорядок, льдистые, дикие места. И эта игра углов, игра отражений. Один угол, другой угол. Чудовище он или нет? *Ну?* – спросил он, но без толку. Чуть позже крикнул:

– Эгей, Кэт!

Нет, не чудовище, решил он. Конечно, нет. Он же Кудесник.

– Кэт! – завопил он.

Прошло какое-то пустое время, может, час, может, больше; вновь сфокусировав взгляд, Уэйд увидел, что солнце уже довольно низко стоит на западе. Полпятого, подумал он. Надвинулись тучи, разбухшие и фиолетово-черные, – угрюмое, давящее небо. Дохнуло зимой. Не сам снег, но идея снега – физически ощутимая. На секунду-другую возникло что-то похожее на страх. Если бы его цель была уберечься – такой цели, правда, не было, – он развернулся бы на сто восемьдесят и дал газу, спасая свою жизнь или что там от нее осталось.

Он всего лишь хмыкнул.

– Ну дела, – сказал он и повернул на восток к плоскому островку, до которого было с четверть мили.

Пока устраивался на ночь, пошел снег. Мудрить особенно не стал. Две сосны. Костер, одеяло. Он съел сандвич, показавшийся довольно безвкусным, потом вытащил из кармана записку Клода и прочел при свете костра. Вот ведь душевный старик. Сумел сохранить верность в эпоху предательств.

«Псих ты или нет, я не знаю, – писал Клод корявым почерком, – но честно могу сказать, что не виню тебя ни в чем. Понял меня? Ни в чем. Какой там у нас выбор – мы как вода, что бежит по трубе, куда труба, туда и мы. Так ли, сяк ли, тебя тут ждал суд Линча. Люди что-то себе предполагают, мигом эти предположения превращаются в факты, и ни хрена ты теперь этих людей не переубедишь. Если хочешь, вот тебе моя версия. Довольно простая, надо сказать. Твоя жена потерялась. Конец. Точка. Больше ничего. Это мы доподлинно знаем, а все остальное чушь собачья. Верно говорю?»

Уэйд улыбнулся.

Он поднял голову, посмотрел на небо и кивнул было, но подумал – какой смысл? Со смыслами вообще стало туго. Он подкрепил себя глотком водки и принялся читать дальше.

«Пара практических советов. В лодке есть рация. Она настроена на нужную частоту, просто включай и говори. Атлас я засунул под заднее сиденье. Кусок суши на верху большинства страниц – это и есть Канада. Очень рекомендую. Я не рассчитываю, что ты изменишь свое решение – если ты вообще способен еще что-либо решать. И все же подумай. Там большая страна, податься есть куда. Удачи. Люблю».

Уэйд перечитал письмо снова, потом откинулся назад и стал смотреть, как снежинки косо прочерчивают желтое пламя костра. Старик, в общем, прав. Кэти нет, все остальное – догадки. Может, несчастный случай. Или она заблудилась. Что-нибудь совсем простое. Наверняка – ну почти наверняка. Правда, большого значения это не имеет. Он в ответе за их неудавшуюся жизнь, за предательства и обман, за фокусы с истиной, подменившие собой простую любовь. Он был Кудесником. В этом его вина, ныне и навеки.

Вскоре после полуночи Уэйд проснулся от сильного дождя. Он продрог и весь вымок. Остаток ночи просидел, скрючившись, под двумя соснами, с которых нещадно капало; то задремывал, то глядел в темноту. Придется, понял Уэйд, столкнуться с кой-какими суровыми фактами. Сырость. Холод. Его донкихотская маленькая война со Вселенной принимает довольно жалкий вид.

– Ну Кэт же, – сказал он. Потом еще раз:

– Ну же.

Его голос звучал сердечно, доверительно, но никакого ответа он не услышал.

С рассветом он продолжил путь на север. Дождь сменился туманом, который, однако, вскоре рассеялся под порывами резкого западного ветра со снежными зарядами. К девяти утра заряды перешли в сплошной снегопад. Ветер утих, температура – чуть выше точки замерзания. Плохая видимость, напомнил он себе, проблемы не составляет. Все утро он хаотически кружил по лабиринту широких проливов и рукавов с единственной целью – окончательно, безнадежно затеряться. Снег в этом только помог. В какой-то момент в середине дня он увидел, что со всех сторон его окружают сверкающие белые острова. Зимнее великолепие. Рождественская открытка, подумал он. Счастливых праздников вам. Вопреки всему он был в странно приподнятом, веселом настроении, и ему пришло на ум, что счастье тоже подчиняется законам относительности. Он вынул бутылку и пропел «На Рождество вернусь домой», потом другие рождественские песни, и, пока он плыл дальше на север, в его сознании стали возникать соответствующие картины – веночки, гоголь-моголь, набитые подарками чулки и большие тарелки с тушеными устрицами.

– Эгей, Кэт, – сказал он. Подождал, потом крикнул: – Кэт!

Через какое-то время он включил рацию. Послушав несколько секунд, выключил.

Внешний мир был недосыгаем. Сплошной шорох в наушниках.

А потом он вступил в полосу белого времени, в душевную метель, когда долгими стелющимися порывами проносилось то одно, то другое. Помимо холода, он физически мало что ощущал. Иногда он был Кудесником, иногда нет. Связь с окружающим ослабла. Связь ведь тоже вещь относительная. В какой-то миг он почувствовал, что плачет, потом вдруг перенесся в Тхуангиен и стал царапать ногтями солнечный свет.

В сумерках он повернул в маленькую укрытую от ветра бухточку и бросил якорь в двадцати ярдах от берега. Отмерил себе два дюйма водки, выпил, потом опять взялся за рацию. На этот раз в наушниках прорезался голос Клода.

– Слышать еле-еле, – сказал старик – Ты не на Аляске? Прием.

Уэйд не мог сообразить, что ответить.

– Ты здесь еще?

– Где? – спросил Уэйд.

– Ха-ха, смешно. – Голос Клода звучал слабо, уныло. – Имей в виду, Лакс и компания, может быть, сейчас нас слушают, так что если ты не хочешь, чтобы кто-нибудь... Понял меня?

– С кристальной ясностью.

– Ты в порядке?

– Как птенчик в гнездышке. Затерялся как только мог.

– Атлас нашел?

– Нашел, – ответил Уэйд, хотя он и не искал. – Очень благодарен. Спасибо.

Старик фыркнул. Потом пошли помехи; наконец опять послышался его голос:

– ...подняли все доски пола, теперь за обшивку взялись. Ищи и круши. Винни ползает на четвереньках что твоя ищейка. Ни черта не нашли.

– И не найдут, – сказал Уэйд.

– Само собой.

– Спасибо на добром слове. Слушай, я ничего ей не сделал.

– Наконец-то раскололся.

– Я серьезно.

Клод засмеялся.

– Лучше поздно, чем никогда. Обещаю, что это останется между нами. – Радиоволны, казалось, взбухли от чувства. – Прочитал мою записку? Виннипег – не такое уж плохое место. Насчет Калгари не знаю, врать не буду.

– Спасибо еще раз.

– Почему не попробовать, как думаешь?

Уэйд молчал.

– Ну ладно, – сказал Клод. – Лодку мою не уделай.

Уэйд выключил рацию и посидел немного в неподвижности. Уже изрядно стемнело. Он отхлебнул из бутылки, потом нашел отвертку и потратил десять минут, отсоединяя наушники. Существует ли звук, думал он, если нет восприятия? Слышишь ли ты выстрел, которым тебя убило? «Большой взрыв», он действительно был такой громкий? Достигают ли наши жалкие земные вопли чьих-нибудь ушей? Молчание – золото или простой камень?

Он выключил лодочные фары. Съел в полутьме половину сэндвича, завернулся в одеяло и скрючился на переднем сиденье с бутылкой водки и своей антологией кошмаров.

Ночь была долгая и холодная, со снегопадом по временам, и Уэйду не раз приходилось напоминать себе, что страдание подразумевает по смыслу с самого начала. Только вот сам смысл порой ускользал. Нынешние обстоятельства, решил он, лежат вне компетенции психиатров, священников и подобной публики.

Смысл, говоришь?

Соединиться с ней как можно теснее

Почувствовать, что она чувствовала.

Помучиться? Нет, конечно. К тому же мука – тоже вещь относительная. Счастье, мука. Одно с другим сплетено, так или нет?

Счастлив он был? Мучил он ее?

Нет и в то же время да.

Вскоре вклинились другие мысли. Если пространство и время на деле завязаны петлей теории относительности, как же тогда достичь точки невозврата? Может быть, все такие точки – фикция? Бессмыслица? Тогда в чем опять-таки смысл?

Не возвращаться.

Ipsa facto[34], рассудил он.

И все же он не мог перестать возвращаться. Всю ночь раз за разом он оказывался в деревне Тхуангиен, каждый раз будто заново, и у него на глазах вновь и вновь падали и дергались те, кто уже достиг своей воображаемой точки невозврата. В относительном смысле, решил он, эти жители со скорбными глазами так и не умерли до конца, иначе они уже давно перестали бы умирать. То же самое насчет отца. Так сказать, теорема петли. Все вешается и вешается, чтоб его. Вновь и вновь говорит ему за столом свои поганые слова: «Перестань наворачивать!» – а потом пробирается в гараж, влезает на мусорный бак и окунается в бесконечное возвращение, подцепленный за шею к неизвестной точке «икс».

Поздно ночью Уэйд включил рацию и поведал эти мысли спящему эфиру.

Подзадоренный водкой, он разнес в пух и прах понятие человеческого выбора. Чушь собачья, заявил он. Фикция.

– Какой нужно достичь точки, – вопрошал он, – чтобы решиться на перекладину и веревку? Ответ никаких точек и в помине нет. Есть только то, что произошло, то, что происходит сейчас, и то, что произойдет после. Разве мы засыпаем потому, что так решили? Нет, черт возьми, и еще раз нет – мы проваливаемся в сон. Мы уступаем возможности, причуде и прихоти, постели, подушке, маленькой белой таблетке. И они за нас выбирают. Учтите еще силу тяжести. Не забудьте о люках. Мы влюбляемся? Нет, проваливаемся в любовь. Где тут выбор? То-то и она

Раз или два его голос пресекался. Он лежал под дюймовым слоем снега с микрофоном в руке и объяснял радиоволнам, как глубоко» как далеко он провалился. Мало кто так проваливался.

Сенатор Кудесник.

Высокие притязания, вечная любовь.

– Вы думаете, я выбрал эту обманную жизнь? Не смешите меня. Постель была постелена, я просто в нее лег.

Он забылся недолгим онемелым сном; проснувшись, стал разминать замерзшие пальцы. В четвертом часу утра еще раз включил рацию.

– Водники и греховодники, мы рады вновь вас приветствовать на волнах звездного радио-вradio. По состоянию на нынешнее ненадежное воскресное утро мы застигнуты непогодой в пункте Циклон-центральная. Движение транспорта слабое, на дорогах скользко. – Он чихнул и вытер нос. – Как мы вам обещали, передаем перечень последних отмен. Отменяются службы в церкви Овец Потерянного Пастыря. Месса, то бишь масса приравнивается нулю, скорость тоже. Возвращение отменяется навсегда. Ждите новых отмен.

На рассвете он провел с самим собой интервью. На вопросы отвечал бойко.

– Моя любовь, моя жизнь. Причина всех обманов. Она – все, что у меня было. Упоминал ли я о том, как она преследовала меня с водяным пистолетом? Было такое. С *водяным* пистолетом. Кричала: «Прыск, прыск!» Однажды во время приема – много лет уже прошло – мы удрали домой и занялись кое-чем, прислонившись к холодильнику, потом приняли роскошную пенистую ванну и поспели обратно как раз к речам. Сенаторским поведением это не назовешь. Это был ее стиль. Провалился ли я в любовь? Да, и еще как. Остался ли я в любви? А то нет. Заметьте себе: с *водяным* пистолетом. Девушка моей мечты. Ее кожа, ее душа. Так что в этот тяжелый час давайте уж начистоту – вы разве не приврали бы на моем месте?

Он покинул эфир в шесть тридцать.

Пальцы совсем одеревенели.

Двадцать минут он отвинчивал рацию от лодки. Потом выбросил ее за борт. Запустил джонсоновский двойной мотор и двинулся на север – вдаль по Лесному озеру.

О природе угла

Такова природа угла, что звездный свет преломляется на поверхности озера.

Угол творит сновидения.

Ухает сова. Олень подходит к берегу и пьет воду у верхушки сосны. Лежа на дне озера, Кэти Уэйд смотрит широко раскрытыми глазами на рыб, летящих в вышину поплавать в стране небесно-синих вод, куда их магнитом, как мотыльков, манит утренняя луна.

На карте Миннесоты видно, как Северо-западный угол, подобно большому пальцу, тычет в гладкое канадское подбрюшье на уровне сорок девятой параллели. Географический подкидыш, детище сумасшедшего картографа, угол представляет собой самую северную точку Соединенных Штатов, если не считать Аляски; это заброшенный кусок леса и воды, окруженный с трех сторон канадской территорией. С запада к нему подступает Манитоба; на севере и на востоке лежат большие густые леса Онтарио; к югу начинается американская земля. Это – настоящая глушь. Сорок миль в ширину, семьдесят с севера на юг. Величественный край, да, но полный призраков. Одинокий ястреб кружит, высматривая добычу. В кровавой тьме лежит парализованная мышь. И в глубоком нерушимом одиночестве век за веком Лесное озеро глядит само на себя подобно огромному жидкому глазу. Ничего не прибавляется, ничего не убавляется. Все есть – и ничего нет. Три немолодых рыбака пропали здесь в 1941 году; в 1958 году заблудились и бесследно исчезли двое охотников на уток. Густо поросший лесом, почти совершенно необитаемый, угол устремлен в бесконечность. Растительность превращается в гниль, на которой опять восходит растительность, и само это повторение – в природе угла.

История здешних мест проста и сурова. Сперва ледник, затем вода, затем, много позже, – племена сиу и оджибуэев.

В 1734 году появились французы – авантюристы, исследователи и иезуиты; они обращали индейцев в христианство или убивали их, смотря по обстоятельствам. Затем пришли охотники-промысловики, лесопромышленники и дровосеки. В 1882 году первые поселенцы возвели свои хижины вдоль южного и западного берегов Лесного озера. Они построили бревенчатую церковь, вслед

за ней амбар и склад. Несколько упрямых шведов и финнов, вырубив лес, начали было возделывать свои маленькие квадратные участки, но ни пшеница, ни кукуруза на этой земле толком не росли, и вскоре фермеры ушли – глушь восторжествовала. Почти сорок лет, как встарь, полными хозяевами Северо-западного угла были комары. Граница угла с Канадой не была точно проведена до 1925 года; до 1969 года в эти места можно было добраться только водой или гидросамолетом.

Даже сейчас тут нет никаких шоссе. Единственная гудроновая дорога, проложенная сквозь густой лес, ведет к маленькому поселку Энгл-Инлет. Ближайший город – Виннипег – находится в 122 милях к западу. Ближайшая автобусная станция – в Розо, что в 47 милях к юго-западу. Ближайший полицейский, работающий на полную ставку, живет в Бодетт, главном городе округа, куда надо лететь 90 миль самолетом через Лесное озеро.

И здесь, на северо-восточном берегу полуострова, стоит, глядя на озеро, старый желтый коттедж. Здесь много деревьев, большей частью сосна и береза, да еще причал с лодочным сараем, и через лес идет узкая грунтовая дорога, которая поблизости от коттеджа упирается в полосу отполированных водой серых прибрежных камней.

Природой угла, под которым Земля повернута к Солнцу, обусловлена смена времен года, и он же меняет от сезона к сезону цвет озерной воды: голубой, серый, белый, потом опять голубой. Вода вбирает цвет. Вода отдаст его обратно. Углом творится реальность. Зимние льды превращаются в испарения лета, как плоть превращается в дух. Частью окно, частью зеркало, угол есть место, где растворяется память. Математика дает неизменный нуль, вода заглатывает небо, небо – землю. И здесь, в воображении Джона Уэйда, в одном из закоулков где ничто не живо и ничто не мертво, Кэти лежит и смотрит на него из-под посеребренной поверхности озера. Зеленые ее глаза светятся, лицо чуткое, настороженное. Она хочет заговорить, но не может. Она принадлежит углу. Не вполне на этом свете и не вполне на том, она плывет в полумраке промежутка.

Материалы

Мы много раз это обсуждали, все сотрудники: собирались в обеденный перерыв и старались вспомнить, не было ли у Кэти каких-нибудь признаков – ну, депрессии, домашних неурядиц и тому подобного. И вы знаете – никто ничего не мог вспомнить. Она ничем таким от остальных не отличалась. Казалось, что она в целом счастлива или думает, что *может* быть счастлива. Или же она была великая актриса.

Бетани Ки, помощница секретаря приемной комиссии, университет штата Миннесота

Пропавшего человека искать – все равно что прокапываться через кучу песка, эта дрянь просто осыпается, и все дела... Где мы только не смотрели – в доме, в лодочном сарае, каждый дюйм обнюхали-обстукали. Водолазов вызывали, полицию штата с ищейками – все без толку. Он, конечно, уже смылся к тому времени! Короче; ничего не нашли.

Артур Дж. Лакс, шериф округа Лесного озера

Ну и что из этого? Он хорошо ее упрятал, только и всего.

Винсент Р. (Винни) Пирсон

Нью-йоркское бюро по пропавшим без вести с момента его открытия в 1917 году регистрирует более 30 000 случаев в год.

Джей Роберт Наш. «Пропавшие без вести»

Мой план, насколько это слово здесь уместно, состоит в том, чтобы пересечь Мексику и добраться до одного из тихоокеанских портов... Разумеется, возможно – даже вероятно, – что я не вернусь вовсе. Это – «странные края», где всякое может случиться; потому-то я и еду.[35]

Амброз Бирс

Иногда человек просто срывается с места – и поминай как звали. Ведь бывает такое, правда? Не понимаю, почему все думают самое плохое.

Рут Расмуссен

Одна зацепка, мне кажется, все же есть. Это было сразу после первичных выборов, может, на следующий день. Кэти сказала, что едет на север, и я, вполне естественно, спросила, когда ее ждать на работе – примерно хотя бы. А она вместо ответа подхо-

дит вот к этому окну. Стоит, смотрит в него какое-то время, а потом смеется – только вот не был это настоящий смех. Словно она что-то знала.

Бетани Ки, помощница секретаря приемной комиссии, университет штата Миннесота

Всякий, кто берется за биографию, обрекает себя на ложь, умолчание, подтасовку фактов... Истина недостижима.

Зигмунд Фрейд

Надо было мне порасспросить его еще кое о чем. Прав Винни – есть вещи, которые просто-напросто не стыкуются. И что бы там Уэйд ни говорил, из двух единиц никогда нуля не выйдет, по крайней мере в моей арифметике.

Артур Дж. Лакс, шериф округа Лесного озера

Клоду, само собой, не слишком понравилось, как они в тот день заявили и все там разворотили. Какая нужда была? Мой старик всем постарался объяснить, что он об этом думает. Бывало, так разойдется – безобразия, мол, и так далее, – и всякий раз, когда они ни с чем уходили, усмехался этой своей усмешечкой. Как мне теперь хрыча моего не хватает. Как не хватает. Вот кто имел веру в людей.

Рут Расмуссен

Я могу сказать одно: он очень странно на меня тогда посмотрел. За день до того, как он пропал, заявляется, суется туда-сюда, все это добро выбирает – я уже вроде вам говорила, компас, карты там и так далее, – потом не спеша так идет к кассе, что-то начинает мне говорить и перестает, просто смотрит. Едва он ушел, я тут же дверь заперла.

Майра Шоу, продавщица

Да, я еду в Мексику с довольно определенной целью, которую, однако, пока не хочу раскрывать. Постарайтесь простить мое упрямство, которое выражается в том, что я не «догниваю» там, где я есть... Я весьма сильно к Вам привязан. Живите так долго, как Вам угодно, а потом с улыбкой переходите во тьму – в добрую, добрую тьму. Ваш преданный друг.

Амброз Бирс Из письма миссис Дж.Маккракин

Люди из комиссии Пирса его не искали. Этим мы занялись. Дело обычное... После того как мы прознали насчет так называемого Кудесника, это уже был только вопрос времени. Я дал поручение ребятам. Никакого напряжения.

Эдвард Ф.Дерки, кандидат в сенат от демократической партии

Дорогой Кудесник!

Пишу тебе коротко, потому что ты, конечно, знаешь уже, что произошло. Я не собирался тебя выдавать – веришь ты мне или нет, но это чистая правда. Ушлые они люди, этого у них не отнять. Я даже сам не заметил, как все рассказал. Вот тебе и молчун-индеец. Впрочем, они и так уже тебя, считай, накрыли – что ты был там в тот день, они знали и без меня. Может, это меня извиняет отчасти. Я никому зла не желал, и на душе у меня тяжело, но кое-что я теперь знаю наверняка. Помнишь ту ночь у рва? Я сказал, что нам надо облегчить свою совесть и доложить про эти дела, а ты меня вроде как послал. Но ведь прав я был, разве нет? Честность – лучшая политика, это уж точно. Я диву даюсь, как ты смог так долго вытерпеть.

Ричард Тинбиэлл

Да, мы заранее знали, какая каша заваривается. За два дня – звонок из «Стар трибюн», просят прокомментировать. Джон говорит «Скажи им – с первым вас апреля». Я так и сел. Клянусь, вот именно это он и сказал, а взгляд пустой, как у мертвеца. И больше ни единого слова. Тогда-то я и понял, что пора мне искать другую работу.

Энтони Л. (Тони) Карбо

Кэти, как все, прочла об этом в газетах. В июле, помнится. Жара была страшная. Попросила меня приехать, и я помчалась – даже не переоделась после тренировки, весь тот день и всю ночь от нее не отходила. Джон дома не появлялся. Я помню, в какой она была ярости – в настоящей ярости, – а я все повторяла: «Господи, ну какая разница, придет он или нет?» Но Кэти больше всего бесило именно это, а не то, что ее муж оказался лжецом, предателем и... Наутро наконец заявляется. Надменно так входит – не смей, дескать, ни о чем спрашивать, – и сразу в душ. Я прекрасно понимала, что она останется с ним несмотря ни на что. Очевидно было. Ну так какого... Я плюнула и ушла. Как вспомню, так... Потому-то и не следовало мне все это рассказывать.

Патриция С.Гуд

А мне вес пила приходит на ум. А мистер Уэйд в дупле сидит, отсиживается.

Рут Расмуссен

Приобщено к делу под №8: сундук с фокусами Джона Уэйда. Из описи содержимого

Мышиная клетка

Зеркало в полный рост

Свидетельство об увольнении из армии с сохранением звания и знаков отличия

«Руководство для вступающих в брак» (книга)

Я лично думаю, что Клод был в курсе. Никогда ничего такого не говорил, но когда мистер Уэйд взял «крис-крафт» и пропал... Я-то видела, что Клод не очень-то этому удивился. Улыбнулся только слегка – понимаете, что я хочу сказать? Они ведь близки очень были по-своему, по-тихому, доверяли, можно сказать, друг другу, и, наверно, оба понимали, чем дело пахнет и что выбирать не приходится... Когда мой старик умер в прошлом году, я все ждала весточку какую-нибудь. Все проверяла почту. Ничего.

Рут Расмуссен

Случилось так, что он ушел из мира – исчез – отказался от места и привилегий среди живущих, не будучи причисленным к мертвым.

Натаниел Готорн Уэйкфилд

Если вы не в состоянии поверить в нечто, полученное путем реконструкции, вам и вовсе не во что верить.

Джон Доминик Кроссам «Исторический Иисус-жизнь средиземноморского крестьянина-еврея»

Какое-то время мистер Уэйд выходил на связь по радиации. Недолго, сутки или около того. Слышимость была так себе. «Полоумная роза»[36], так его Винни окрестил –ничего не поймешь, что он говорил, смысла никакого. Скоро, правда, перестал. Точка. Молчание.

Артур Дж.Лакс, шериф округа Лесного озера

Выходит, оба уплыли и не вернулись. И он, и она. Я вам честно скажу, бывает такое, от чего лучше просто отойти в сторонку и сказать себе как знать? Я серьезно. Вот вы бьетесь, бьетесь над этим, я погляжу, слишком уж долго бьетесь, а ведь рано или поздно все равно приходится к своей жизни возвращаться. Ато не упустить бы ее.[37]

Рут Расмуссен

Писатели... проявляют какой-то маниакальный интерес к пропавшим без вести.

Джей Роберт Нэш «Пропавшие без вести»

Мухи! Слышите? Мухи!

Ричард Тинбилл

Он навсегда покинул эту жизнь.– О да! То было истинное чудо...
Софокл «Эдип в Колоне»

Моя версия? Да какие тут версии. Сделал он это. Угробил ее. Какой взгляд у него был, каким он ходил бесчувственным истука-

ном. Я тысячу раз обращал внимание... А что ничего не нашли – подумаешь. Значит только, что он надежно упрятал концы.

Винсент Р. (Винни) Пирсон

Я, знаете, оптимистка. Верю в жизнь после смерти и всякое такое. Эта большая лодка «крис-крафт», у нее запас хода очень приличный, до Кеноры запросто могло хватить, и гораздо дальше. Так что не знаю даже. Может, они сейчас у Гудзонова залива или где еще. Я хочу сказать, они же любили друг друга. Любили, и всё – ну, как мы с Клодом. Это бросалось в глаза. Если хотите знать, я все жду эту весточку по почте. И вот увидите – рано или поздно она придет.

Рут Расмуссен

Я не собираюсь тут играть в загадки-отгадки, но вот вам несколько существенных фактов. Первое: они были в долгу как в шелку. Второе: на их банковском счету не оставалось ни гроша. Все было подчищено еще до того, как они отправились на север. Третье: ни ту, ни другую лодку так и не нашли. Ни обломка даже, ни весла, ни спасательного жилета. Четвертое: он был фокусник. Пытался вычистить свою фамилию из списков третьей роты, исчезнуть из них совсем, и ведь едва не преуспел, поди ж ты... И последнее, уж не знаю, какое по счету: у Кэти была своя жизнь, своя история. Взять этого дантиста, взять то, как она время от времени пропадала. Помню, раз в Лас-Вегасе, давно уже, вышел у нас разговор о том, как иногда заклинит тебя и нужно освободиться. Может, она в конце концов так и поступила. Может, они вместе все это подстроили. Подумать, так их ни черта больше тут не держало – имя замарано, карьера кончена, денежки в трубу пущены. Господи, да я бы тоже на их месте сделал ноги.

Энтони Л. (Тони) Карбо

А туристскую карту зачем купил? Кто едет просто прогуляться, тому такая карта не нужна. Нет, он серьезное путешествие затевал.

Мойра Шоу, продавщица

Да, конечно, это мне приходило в голову. Один пропавший без вести – еще куда ни шло, но два подряд – чересчур, пожалуй. Меня с самого начала кое-что насторожило. К примеру, когда она исчезла, Уэйд чуть ли не полдня занимался счетами, приводил дела в порядок. Завещания, однако, не составил. Интересно, правда? Но главное – как он себя вел. Понимаете, о чем я? Ни капли беспокойства, ничего такого. Просто сидел сиднем. Такое поведение не то что меня удивило – оно просто выглядело ненормальным.

Артур Дж.Лакс, шериф округа Лесного озера

Поначалу я думала, что она утонула. Несчастный случай, в общем; но теперь я сильно в этом сомневаюсь. Я вам говорила уже, как мы усаживались на работе и устраивали мозговой штурм, как все сошлись на том, что она была в отличном настроении. В эти дни после выборов она чуть ли не порхала. Невероятно счастлива была. Я никогда ее такой не видела. Тогда я подумала – ну, отпустило ее, вроде того. Но, может, тут было что-то еще. Может, они решили... Трудно сказать. Одно я знаю наверняка: характера ей было не занимать. И она хотела перемен.

Бетани Ки, помощница секретаря приемной комиссии, университет штата Миннесота

Человек без надежды не живет. Вот и я надеюсь, что они счастливы. Они заслужили хоть немного счастья.

Элеонора К. Уэйд

Да уж, кто-кто, а Кудесник всегда кой-чего имел в рукаве про запас. Миллион всяких штучек знал. Но где бы он ни был сейчас, я вам точно скажу: кошмары его попрежнему мучают. Небось сидит сейчас и хлопает мух.[38]

Ричард Тинбилл

Предположение

Если повсюду одни гипотезы, если окончательный вывод – фикция, то почему не предположить счастье? Неужели мы настолько циничны, настолько лишены простоты, что отвергаем самую возможность счастливой развязки? На веранде в тот туманный вечер Джон Уэйд пообещал своей жене Верону.[39] Отели-люкс и полный автобус детей. Потом они долго баюкали друг друга в темноте, словно ожидая, чтобы все это каким-то внезапным чудом осуществилось. «Счастливыми быть, – шепнула Кэти. – И ничего больше».

Неужели нам так трудно допустить мысль о счастье? Неужели это неотъемлемое свойство человеческой души – не доверять ее же собственным стремлениям, ее же собственной жажде исцеления и довольства? Неужели мы не в состоянии поверить, что два взрослых человека, любящих друг друга[40], могут решиться на свое маленькое чудо?[41]

«Заснуть бы сейчас и проснуться счастливыми», – могла она сказать, а Кудесник, может быть, засмеялся и спросил: «Так что мешает?» – и всю оставшуюся ночь они, может быть, лежали обнявшись и обсуждали детали предприятия. Маловероятно, конечно. Скорее всего они утонули или заблудились – то ли случайно, то ли намеренно. Но кто может знать наверняка? Тут от начала до конца сплошные предположения. Может быть, в тумане Кэти сказала: «Давай, я готова – сейчас прямо», а Кудесник, может быть, пробормотал что-то насчет пары змей на тропе в Розовом секторе – дескать, он долгие годы думал о том, что бы случилось, если бы эти две придурочные змеи как-нибудь ухитрились слопать друг друга. В общем, старая песня. Может быть, Кэти только улыбнулась из вежливости. Но, может быть, она сказала: «А попробуем-ка!»

Слишком сентиментально? Значит, предпочтем ночное убийство? С чайником и обваренной плотью?[42]

Может, и так.[43] Но, во всяком случае, материалы не исключают возможности их побега. Джон Уэйд был горазд на фокусы. И его ничто не удерживало. И вот в один холодный вечер он, может быть, присоединился к ней на одном из островов – на Оук-Айленде, или на Мэсекер-Айленде, или на Букет-Айленде. Может быть, она выбрала его за задержку. Вокруг них была дикая ширь, темная и безмолвная; этого-то они и хотели. Им нужно было оди-

ночество. Им нужно было скрыться вдвоем. Может быть, они просидели всю ночь обнявшись у маленького костра, праздновали встречу, называли имена детей, которые у них родятся, – порой уморительные имена, специально чтоб посмеяться, – а потом обсуждали обстановку своего будущего дома, роскошные ковры и старинные медные светильники, выбирали цвет для обоев, входили во все подробности. Они вслушивались в ночь. В лесу раздавались шорохи, что-то потихоньку гнило, что-то росло, волны с тихим плеском накатывали на берег. Может быть, они занялись любовью. Может быть, уснули потом, завернувшись в одеяла, и проснулись счастливые, и утром, может быть, взяли курс на Кенору или на запад, в сторону Виннипега, а прибыв на место, утопили «крис-крафт» и пешком дошли до автобусной станции или маленького частного аэропорта.

Документы? Паспорта?

Он же Кудесник.

В воздухе над Атлантикой они, может быть, откинули назад спинки кресел и поведали друг другу все тайны. Рассказали обо всем хорошем и обо всем дурном. «Кэт, моя Кэт», – шептал, может быть, Кудесник, словно вызывая ее дух, чувствуя ее легкие вдохи и выдохи у себя на ладони. Для них обоих это была игра в желания, но теперь они были внутри своих желаний, и теперь, может быть, им откроется счастье на земле – в неизведанной стране или в экзотической чужой столице с диковинными обычаями и малопонятным языком. Чтобы там освоиться, нужно приложить много усилий и многое в себе изменить, но они будут прилежными учениками.[44]

Джон Уэйд в последний раз вышел в эфир рано утром в воскресенье двадцать шестого октября 1986 года. Он отправил в атмосферу поток бессвязных заклинаний, чередуя их с извинениями, сожалениями и тихими изъявлениями печали. Тон был исповедальный. Временами он плакал. Напоследок, когда уже светало, он, похоже, надломился совсем. Не разумом – сердцем. Прозвучали исковерканные молитвы, судорожные обращения к Кэти и к Богу. Он взывал к отцу, чьей любви теперь требовал, моля об уважении и постоянстве; под конец его голос звучал еле слышно, словно уже из самого озера, маленькие пузырьки сентиментальной невнятицы: «Твои теннисные туфли. Эти сердца я нарисовал... Только ради любви, только чтобы быть любимым. Потому что ты однажды спросила: что свято? И потому что ответ всегда был – ты. Свято? Теперь ты знаешь... *Где ты?*»

Убийца?

Человек, способный лить кипяток?

Ни разу в этих своих речах Джон Уэйд не дал повода подозревать, что он хоть что-то знает о местонахождении Кэти или что он скрывает хоть какие-то факты. И это заставляет меня задуматься. Возможно или нет, что даже для Джона Уэйда все было полнейшей загадкой? Что просто однажды он проснулся и увидел, что его жена пропала – пропала навсегда, – а остальное было ему неизвестно? Что все пути вели в никуда? Что случившееся было выше его разума?

Одна лишь печаль, думается мне, может быть здесь абсолютной истиной. Джон горевал по Кэти. Она была для него всем. Они могли быть счастливы вместе. Он любил ее, а она пропала, и он не мог вынести этого ужаса.

Зима в том году пришла рано. К вечеру двадцать шестого октября снег на полфута покрыл берега и острова Лесного озера. Птицы улетели, зверье забило норы, сосны застыли под белыми шапками. До самого горизонта во всех направлениях протянулся сплошной необъятный морозный панцирь, где все сцеплено со всем остальным – льдистая решетка валентностей и зависимостей. Джон Уэйд затерялся в лабиринте. Он был один. Лодка шла на полной скорости. Ветер срывал с его губ выкрики – ее имя, его любовь. Он двигался на север, минуя остров за островом, плавно скользя между водой и небом.

Можем ли мы поверить, что он был человеком, а не чудовищем? Что он был повинен только в том, что родился на свет?

Может ли истина быть такой простой? И такой ужасной?

Примечания

1

Интервью, 4 декабря 1989 г., Сент-Пол, Миннесота.

2

Интервью, 12 и 16 июля 1993 г., Сент-Пол, Миннесота.

3

Протоколы о разыскиваемых лицах, форма 20, архив шерифа, округа Лесного озера, Бодетт, Миннесота. Заявление об исчезновении Кэтлин Уэйд поступило утром 20 сентября 1986 г. Поиски продолжались 18 дней на площади более 800 кв. миль; в них участвовали дорожная полиция штата Миннесота, подразделение окружного шерифа, пограничная служба США, канадская конная полиция (приозерное подразделение) и полиция провинции Онтарио.

4

Интервью, 21 сентября 1991 г., Идайна, Миннесота.

5

Интервью, 19 июля 1990 г., Фарго, Северная Дакота. Бывший рядовой 1-го класса Тинбилл, индеец племени чиппева,

6

«Миннеаполис стар трибюн», результаты опросов общественно-го мнения, 3 июля и 17 августа 1986 г., стр. 1.

7

Интервью, 6 мая 1990 г., Миннеаполис Миннесота.

8

Интервью, 6 июня 1989 г., Энгл-Инлет, Миннесота.

9

Интервью, 10 июня 1993 г., Энгл-Инлет, Миннесота.

10

Интервью, 3 января 1991 г, Бодетт, Миннесота.

11

Интервью, 9 июня 1993 г., Энгл-Инлет, Миннесота.

12

И я ведь тоже теоретик Биограф, историк, медиум – называйте как вам угодно, – после четырех лет тяжелого труда я мало чем обладаю, помимо догадок и предположений. Джон Уэйд был фокусник; он не очень-то делился своими секретами. Кроме того, есть еще тайны, которыми пронизана сама ткань жизни, тайны людских желаний и побуждений. И даже многое из того, что в этом повествовании подается как факт – действия, слова, мысли, – следует, если уж начистоту, рассматривать как тщательную, но все же творческую реконструкцию событий. Я старался, конечно, быть верным имеющимся материалам. Но материалы – еще не истина. Вот истинная правда. Так или иначе, Кати Уэйд пропала навсегда, и если вам нужна единственно верная разгадка, придется искать ее за пределами этих страниц.

13

Коджак – отважный полицейский из популярного телесериала. (Здесь и далее звездочками отмечены прим. перев.)

14

Интервью, 16 декабря 1991 г., Сент-Пол, Миннесота.

15

См. ниже – результаты первичных выборов.

16

Эл (Альфред Эмануэл) Смит (1873—1944) – американский политический деятель. В 1928 году безуспешно баллотировался в президенты.

17

Не все ли мы таковы? Джон Уэйд – он за пределами нашего знания. Он для нас – другой. После всех лет тяжкого труда над этими удручающими материалами, после всех поездок, интервью и затхлых библиотек личность его остается для меня абсолютной, непроницаемой загадкой, табличкой с именем, беспомощно плывущей по океану безрадостных фактов. Двенадцать тетрадок написано, а конца все нет. Мне ясно, что мною движет, – страстное желание проникнуть в чужое сердце, обхитрить рычажки и колесики законов естества, сотворить чудо понимания. Такова уж природа человека. Нас всех, всех без исключения, мучит это неумолимое свойство других – быть другими. И мы хотим преодолеть – гипотезой ли, мечтой ли, научным ли исследованием, – хоть как-нибудь преодолеть свинцовые стены, окружающие душу другого, очерчивающие ее границу, охраняющие ее и навеки преграждающие к ней путь (Кто-то нам говорит: «Я люблю тебя», и мы немедленно начинаем выяснять: «Сильно любишь?» – и, услышав ответ: «Всем сердцем», размышляем, много это или мало – все хрупкое человеческое сердце.) Возлюбленные наши, мужья наши, жены наши, отцы наши, боги наши, все они – за пределами нашего знания.

18

Из отчета комиссии министерства сухопутных сил об итогах предварительного расследования инцидента в Милай (далее – «комиссия Пирса»).

19

Из вечерней программы новостей «Си-би-эс» 25 ноября 1969 г.

20

Эван С.Коннглп. «Сын утренней звезды». Коннелл пишет, что кличка «Джон» часто использовалась белыми, когда они обращались к индейцам. 25 июня 1876 года у Литл-Биг-Хорн один охваченный ужасом солдат, «рыдая, выкрикивал это имя, словно надеялся так спасти себе жизнь. Джон! Джон! О, Джон! Эта мольба отдается жутким эхом спустя столетие».

21

Джордж Армстронг Кастер (1839—1876) – американский генерал. 25—26 июня 1876 г. у Литл-Биг-Хорн на территории Монтана он и еще примерно 225 человек под его началом были уничтожены индейцами.

22

Количество жертв среди гражданских лиц во время операции в общине Сонгми 16 марта 1968 года до сих пор точно не установлено. Комиссия Пирса пришла к заключению, что 16 марта было убито «не менее 175—200 вьетнамских мужчин, женщин и детей». Управление армии США по расследованию уголовных правонарушений на основании данных по учету населения сделало вывод, что количество погибших «возможно, превысило 400». На памятнике в Сонгми, где я побывал, работая над этой книгой, указано число 505. Сильное переживание, кстати говоря. Тхуангиен и сейчас глухая деревушка, очень тихая, очень бедная, с грязными улицами, коровьими лепешками и высокими бамбуковыми изгородями. Жители на удивление приветливы: старики кивали и улыбались, дети хихикали, глядя на наши белые ино-

странные лица. Ров до сих пор не засыпан. Я нашел его без труда. Невзрачный, мелкий – всего пять-шесть футов; и все же мне почудилось, что я тут уже был, то ли в сновидениях, то ли в какой-то прежней жизни

23

Роберт Гуле (род. в 1933 г.) – американский актер и певец, дебютировал на Бродвее в 1960 г. в мюзикле «Камелот».

24

«Каргилл» – крупная американская компания по производству пищевых продуктов.

25

Интервью, 2 апреля 1993 г., Уъртингтон. штат Миннесота.

26

Навязчивая идея? См. сноску на стр. 232.

27

Интервью, 1 марта 1994 г., Сент-Пол, штат Миннесота

28

Передала Патриция С.Гуд со слов Кэтлин Уэйд.

29

Это действительно был потусторонний мир. Вьетнам. Духи и кладбища. Я приехал туда через год после Джона Уэйда, в 1969 году, и ходил по той же земле, что и он, в Розовом секторе и

поблизости, и был в деревушках Тхуангиен, Микхе и Колюи. Я знаю, что произошло в тот день. Знаю, как это произошло. Знаю почему. Из-за этого солнца. Из-за мерзкой злобы, что просачивается тебе в кровь, медленно греется и вдруг вскипает. Тут и бессилие. Тут и ярость. С нами воевали невидимки. Духи. Они убивали нас противопехотными минами и мина ми-ловушка ми; они исчезали в ночи, пробирались подземными ходами, скрывались в тумане, стоявшем над затопленными рисовыми полями, прятались в зарослях бамбука и слоновьей траве. Но не только это. Что-то более таинственное. Может быть, этот запах, словно от курений. Незнаемое, непознаваемое. Пустые лица. Немыслимая чужеродность всего. Это не попытка оправдать то, что случилось 16 марта 1968 года, – я считаю, что подобные попытки и несерьезны, и возмутительны. Это скорее свидетельство о тайне зла. Двадцать пять лет назад я, охваченный ужасом молодой солдат, тоже пробовал на вкус это солнце. Ощущал запах греха. Чувствовал, как смертоубийство шипит, словно жир, под глазами яблоками.

30

Дэвид Копперфилд (род в 1956 г.; настоящая фамилия Коткин) – знаменитый американский иллюзионист.

31

Одинокий объездчик – популярный герой вестернов.

32

Б.Травен – псевдоним немецкого писателя американского происхождения Травена Торсвана (1890—1969).

33

Почему нас так волнует Лиззи Борден, или судья Крейтер, или Ли Харви Освальд, или побоище при Литл-Биг-Хорн? Тайна! – вот почему. По причине всего, чего мы не знаем и узнать не можем. А что, если бы мы знали? Что, если бы было доказано – абсолютно и неопровержимо, – что Лиззи Борден бралась за топор? Что

Освальд действовал в одиночку? Что судья Крейтер попал в руки мафии? Исчезла бы приманка, что томит нас и дразнит воображение. В случае с Литл-Биг-Хорн главное для нас вот что: ни одного уцелевшего. Отсюда – вечное сомнение и угнетающее, и завораживающее нас Здесь – равновесие, мертвая точка. Наше стремление к определенности наталкивается на нашу же любовь к таинственному. И вот я теряю сон из-за немых фактов, оборванных концов, отсутствующих очевидцев. Видит Бог – я честно старался. Кипы материалов, мили магнитной ленты, но даже самая элементарная жажда ясности остается неудовлетворенной. И я все ворочаюсь, ворочаюсь в постели. В два часа ночи поглощаю горы мороженого. Поможет ли мне это верно поставить вопрос? Воззвать к человеческому пониманию? Доказать, что ответы лишь принижают величие нашего неведения? Объяснить, что абсолютное знание есть абсолютный тупик? Напомнить, что сама смерть есть растворение в неизвестности, из которой рождаются великие храмы и легенды о спасении? Я хожу взад-вперед, курю сигарету за сигаретой. Перебираю свои записи. Истина проста и в то же время загадочна: Джон Уэйд был фокусник высокого класса. Он творил свои чудеса, а потом ушел. Все остальное – домыслы. Ответа не найти, но сама тайна заставляет продолжать поиски.

34

В силу самого факта (лат.).

35

Письмо Амброза Бирса цитируется в книге Нэша «Пропавшие без вести». Писатель исчез в Мексике бесследно. Его последнее письмо датировано 26 декабря 1913 года

36

Намек на «Токийскую розу» – прозвище дикторш японского радио, вешавшего на США во время Второй мировой войны.

37

Упустить свою жизнь – тут она права. Но как быть со стремлением знать то, что познано быть не может? О наших детях, отцах, женах, мужьях. Разве мы их знаем по-настоящему? В какой степени их облик есть маска? В какой – наша догадка? Как часто они нам лгали, когда, о чем? Как часто мы говорим – или думаем – «Господи, я же никогда ее не знал»? Как часто мы лежим ночью без сна и гадаем – ищем какую-то скрытую правду? Да, я действительно бьюсь над всем этим. У меня есть свои тайны, свои развешивающиеся люки. Я кое-что знаю об обмане. Слишком много знаю. О том, как он разъедает и развращает. Мне кажется, что Руг Расмуссен в своей мягкой манере пыталась внушить мне нечто простое и суровое. Мы находим правду внутри себя – или не находим вообще.

38

Хлопает мух – это да. Возможно. И все же странно, как велика способность сознания стирать память об ужасах. Все материалы говорят о том, что Джону Уэйду почти два десятилетия удавался виртуозный фокус с забыванием, удавалось отгонять страшные мысли, и личный опыт меня убеждает, что он действительно мог все похоронить, действительно мог поставить заслон и даже не вспоминать бойню в Тхуангиен. В моей памяти спустя четверть века не так уж много осталось от той безобразной войны. Всего лишь несколько блеклых картин. Мой ротный командир, склонившийся над убитым солдатом, вытирающий его лицо полотенцем. Лейтенант, перекинувший через плечо завернутый во что-то труп, словно огромный мешок с птичьим кормом. Мои руки. Ошеломленные глаза товарища. Парнишка по имени Чип Меррикс, взлетающий к ветвям дерева. Затопленное рисовое поле, вскипающее от пулеметного огня. Помимо этого – мутная мешанина изгородей, дорог, противопехотных мин, снайперов и смертей. Мы шли, как лунатики, через пустые деревни, по пятам преследуемые врагом, которого никогда не могли обнаружить; мы вызывали санитарные вертолеты, грузили на них убитых и раненых и двигались дальше, к следующей вымершей деревушке. За нами тянулся шлейф огня и дыма. Мы направляли удары авиации и судовой артиллерии. Мы зверствовали. Мы опустошали землю. Мы щелкали бичами пистолетных выстрелов. Мы засоряли колдцы. Мы били людей руками и ногами. Мы жгли все, что горело. Вот наши преступления, вот грязные тайны, до сих пор живущие в каждом из нас. У меня есть свой рядовой Уэзерби. У меня есть свой старик с мотыгой. И все же способность мозга к абстра-

гированию делает реальность нереальной. Все эти годы я, как Джон Уэйд, мало что вспоминал, мало что чувствовал. Может быть, стирание необходима. Может быть, человеческая душа защищается так же, как тело, атакуя инфекцию, обволакивая и разрушая все то злое, что иначе погубит нас. И все же странно. Временами, особенно когда я один, мне чудится, что эти старые клочковатые воспоминания взяты из чужой, не моей, жизни или из книги, которую я читал или про которую слышал. Моя личная война мне не принадлежит. Странно, но сейчас, в этот вот миг, страдания Джона Уэйда, долгие десятилетия молчания, лжи и скрытности – все это обладает во мне ясностью и остротой самой жизни, является истиной в гораздо большей степени, чем мой собственный далекий опыт. Потому-то, может быть, я и пишу эту книгу. Чтобы напомнить себе. Чтобы вернуть свою пропавшую жизнь.

39

Это тоже, конечно, гипотеза, но разве тут есть что-нибудь, кроме гипотез? См. цитату из Кроссана.

40

См. главу 10.

41

См. цитату из Парриша: «Чудо, как было сказано, есть результат действия неизвестных нам причин».

42

Это, в конечном счете, дело вкуса или эстетических принципов, и подобное убийство я должен отвергнуть в силу его отвратительности. Помимо прочего, ведь есть материалы, свидетельства. Он безумно ее любил.

43

Потому что, с другой стороны, вкусы у всех разные. Это как проклятие Может быть, вы слышите ее крик Может быть, вы видите пар, поднимающийся от ее глазниц.

44

Сердце велит мне здесь остановиться, дать некое тихое благословение и поставить точку. Но истина не позволяет этого сделать. Потому что развязки не бывает – ни счастливой, ни несчастливой. Ничто не определено, ничто не решено. Факты, сколько их есть, под конец тонут в водовороте неизвестных величин, в незавершенности завершения. Тайна под конец захлестывает нас самих. Кто мы? Куда мы идем? Двойственность не приносит удовлетворения, даже раздражает, но ведь это история любви. Благолепия тут быть не может. Вините, если хотите, человеческое сердце. Мы все, каждый по-своему, делаем фокусы с исчезновением, переиначиваем события, прячем наши жизни за семью замками и скользим день за днем в густеющие сумерки. Наше местонахождение неизвестно. Все тайны ведут во тьму, а за тьмой – только «может быть».